

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 16

Нижний Новгород

2011

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 16. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2011. – 272 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*),
В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман,
В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва),
Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов,
М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, М.С. Ретунская,
Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина,
В.М. Строгеецкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин,
Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников,
Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия),
С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

УДК 81'25 (060.55)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2011

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 16

Nizhny Novgorod

2011

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 16. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2011.
– 272 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B.Zhigalev

Editorial Board:

E.Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E.Plisov (*Executive Secretary*),
V.Bukharov, M.Vikulina, M.Grachev, E.Dmitryeva, V.Zusman,
V.Karasik (Volgograd), Z.Kirnoze, L.Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L.Lvov, M.Nikola (Moscow), O.Oberemko,
E.Porshneva, M.Retunskaya, E.Savrutskaya, T.Sineokova, V.Sdobnikov,
O. Senyutkina, V.Strogetsy, A.Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St-Petersburg), A.Shamov, L. Shaposhnikov, D.Boxer (USA),
D.Markey (Belgium), D.Millet-Gérard (France), U.Renner-Henke (Germany),
M.Ruep (Germany), K.Fliedl (Austria), S.Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

А.О. Барина (<i>Нижний Новгород</i>) Репрезентация этничности в английской лексикографии	11
V. Beresnewa (<i>Kirov</i>) Linguistischer Synkretismus als ein Subphänomen des philosophischen Weltbildes	19
Г.А. Калмыкова (<i>Ульяновск</i>) Процесс когнитивного прогнозирования в условиях каузальных структур	27
М.А. Кострова (<i>Москва – Нижний Новгород</i>) О классификации глагольных синонимов в системе современного японского языка	37
И.Ю. Лавриненко, З.Е. Фомина (<i>Воронеж</i>) Эмоциональный концепт happiness (счастье) в философской картине мира Ф.Бэкона (на материале повести Ф. Бэкона «Новая Атлантида»)	45
А.А. Лаврова (<i>Нижний Новгород</i>) Синтаксические конструкции, реализующие эмоциональный компонент воздействия в политической речи	58
М.А. Марышова (<i>Москва</i>) Функционирование приема парцеллирования в английском языке	71
Е.Ю. Мощанская, А.С. Савчук (<i>Пермь</i>) Тост как устно-речевой дискурс	80
И.Ю. Пашкеева (<i>Казань</i>) Сложные слова-метафоры в романе Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков»	91
В.В. Фёдоров (<i>Петропавловск-Камчатский</i>) Жанровый подход в описании современной английской публицистики	99

И.Н. Хохлова (<i>Петропавловск-Камчатский</i>) Отражение вариативности национального языка в общей и специальной лексикографии	108
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

М.Ю. Бродский (<i>Екатеринбург</i>) Обновление фразеологизмов: эвристика перевода	117
---	-----

Т.А. Волкова (<i>Челябинск</i>) Дискурсивно-коммуникативная модель перевода научной и технической литературы	131
--	-----

А.Ю. Мордовин (<i>Иркутск</i>) Корпус текстов как альтернатива словарю в переводе и корпусная прагматика перевода	141
---	-----

Е.А. Руцкая (<i>Пермь</i>) Механизм переключения в процессе формирования информационно-направленных навыков переводческого аудирования	151
--	-----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

S. Klimova (<i>Nizhny Novgorod</i>) 'The Gentleman from San Francisco' and Bunin's Image in England: History of Translations and Opinions	162
---	-----

А. де Лазари (<i>Лодзь, Польша</i>) А. Григорьев, Н. Добролюбов и категория «народности»	170
--	-----

О.Б. Лукманова (<i>Нижний Новгород</i>) «Тени» Дж. Макдональда как рождественская сказка	179
--	-----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Н. Баранова (<i>Нижний Новгород</i>) Модификация целей иноязычной подготовки специалистов технического профиля в контексте компетентностного подхода	191
--	-----

Т.К. Беляева (*Нижний Новгород*)
Организация самостоятельной исследовательской
деятельности студентов педагогического вуза 203

Г.В. Курицына (*Нижний Новгород*)
Роль дистанционных образовательных технологий в
повышении качества подготовки современного специалиста ... 213

Н.В. Хорошилова (*Нижний Новгород*)
Педагогические основания развития студентов в условиях
реализации культурологического подхода 222

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ж.-Л. Деотт (*Париж, Франция*)
Смотреть фильм изнутри 232

А.А. Пешков (*Нижний Новгород*)
Антон Владимирович Карташев – либеральный консерватор 239

Д.А. Скопин (*Нижний Новгород*)
Проблематика равенства в философии Жака Рансьера 249

О.С. Хряпченкова (*Нижний Новгород*)
Анализ экокультурной компетенции билингвов: к вопросу о
влиянии языка на экологическое сознание 255

ХРОНИКА

XV Международная научно-практическая конференция /
Школа-семинар им. Л.М. Скрелиной «Французский язык и
культура Франции в России XXI века», 27–28 сентября 2011 г. 265

Круглый стол «Религия и средства массовой информации»,
15 ноября 2011 г. 266

«Швейцарский проект» в НГЛУ 269

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Anastasia Barinova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Dynamics of Ethnicity Construction in English Lexicography	11
Viktoria Beresneva (<i>Kirov</i>) Linguistic Syncretism as a Sub-phenomenon of Philosophical World Outlook	19
Galina Kalmykova (<i>Ulyanovsk</i>) The Process of Cognitive Prediction in Causal Constructions	27
Maria Kostrova (<i>Moscow – Nizhny Novgorod</i>) Classification of Verbal Synonyms in the System of the Modern Japanese Language	37
Irina Lavrinenko, Zinaida Fomina (<i>Voronezh</i>) The Emotional Concept <i>Happiness</i> in the Philosophical Worldview of F. Bacon (based on F. Bacon’s “New Atlantis”)	45
Anna Lavrova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Syntactic Structures Manifesting the Emotional Component of Linguistic Manipulation in Political Speech	58
Marina Maryshova (<i>Moscow</i>) Parceling in the English Language	71
Elena Moshchanskaya, Alexandra Savchuk (<i>Perm</i>) The Toast as a Type of Oral Discourse	80
Irina Pashkeeva (<i>Kazan</i>) Compound Word Metaphors in “Dandelion Wine” by Ray Bradbury	91
Vitaliy Fyodorov (<i>Petropavlovsk-Kamchatsky</i>) The Genre-Based Approach in Descriptions of Modern English Journalism	99
Irina Khokhlova (<i>Petropavlovsk-Kamchatsky</i>) National Language Variability in General and Special Lexicography	108

CRITICAL ISSUES IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

- Mikhail Brodsky** (*Ekaterinburg*)
Renewed Idioms From a Translation Studies Perspective 117
- Tatiana Volkova** (*Chelyabinsk*)
A Discourse and Communication Model of Translating Scientific and Technical Literature 131
- Alexey Mordovin** (*Irkutsk*)
The Text Corpus as an Alternative to the Dictionary, and Corpus Pragmatics of Translation 141
- Ekaterina Ruts kaya** (*Perm*)
The Switchover Mechanism in Developing Information-Oriented Listening Skills 151

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Svetlana Klimova** (*Nizhny Novgorod*)
'The Gentleman from San Francisco' and Bunin's Image in England: History of Translations and Opinions 162
- Andrzej de Lazari** (*Lodz, Poland*)
A. Grigoryev, N. Dobrolubov and the Category of "Narodnost" 170
- Olga Lukmanova** (*Nizhny Novgorod*)
"The Shadows" by George MacDonald as a Christmas Fairy Tale 179

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

- Elena Baranova** (*Nizhny Novgorod*)
Modifying Targets of Teaching Foreign Languages to Technology Specialists in the Context of Competence Approach 191
- Tatiana Belyaeva** (*Nizhny Novgorod*)
Facilitating Independent Student Research in a Teacher Training University 203

Galina Kuritsina (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Role of Distance Learning Technologies in Optimizing the Education of Modern Specialists	213
---	-----

Natalia Khoroshilova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Pedagogical Foundations of Student Development: A Culturological Approach	222
--	-----

CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

Jean-Louis Déotte (<i>Paris, France</i>) Seeing the Film from Within	232
--	-----

Aleksey Peshkov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Anton Vladimirovich Kartashev: A Liberal Conservative	239
--	-----

Denis Skopin (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Problem of Equality in Jacques Rancière’s Philosophy	249
--	-----

Olga Khryapchenkova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Analysing Bilinguals’ Ecocultural Competence: On the Problem of Language Impact on Environmental Consciousness	255
--	-----

CHRONICLE

XV International Research and Training Conference / L. M. Skrelina Seminar “The French Language and Culture in 21 st Century Russia,” 27–28 September 2011	265
---	-----

Round Table “Religion and Media,” 15 November 2011	266
--	-----

The “Swiss Project” at Nizhniy Novgorod Linguistic University	269
---	-----

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.111'374:39

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

А.О. Барина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье на материале англоязычного лексикографического дискурса двух временных срезов (середина XX и начало XXI вв.) рассматривается динамика представлений об этничности и идеологические причины фиксируемых изменений. Показана роль дискурса мультикультурализма и политической корректности в процессе концептуализации этничности как культурного конструкта.

Ключевые слова: этничность, этноним, языковое конструирование, дискурс, глобализация, мультикультурализм, политическая корректность.

The Dynamics of Ethnicity Construction in English Lexicography Anastasia Barinova

The paper highlights the dynamics of ethnicity construction in English lexicography of two time periods (the middle of the XX and the beginning of the XXI century), and shows how linguistic representations of ethnicity reflect societal (ideological) transformations. It emphasizes the role of multiculturalism and political correctness in the discursive representation of ethnicity presented as a cultural concept/construct.

Key words: ethnicity, ethnic, ethnicity construction/language use, discourse, globalization, multiculturalism, political correctness.

Эпоха глобализации и, как следствие, повышение интенсивности и рост количества языковых контактов, миграционных процессов, образование полиэтнических государств, информационная революция и политика мультикультурализма способствовали формированию новой социальной реальности, трансформации языковой картины мира и формированию нового взгляда на социальную идентичность индивида [1].

В статье анализируются особенности конструирования этничности в англоязычном лексикографическом дискурсе на

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

материале двух временных срезов – середины XX века и начала XXI века. Новизна исследовательского подхода заключается в том, что этничность трактуется как динамичный продукт дискурса эпохи, запечатленный в различных типах текстов.

Основная цель предпринятого исследования – проследить динамику концептуализации этничности в связи с глобализационными процессами. Материалом исследования послужили иллюстративные контексты словарей “Advanced Learner’s Dictionary of Contemporary English”(ALDCE) 1963 года издания [2] и “Oxford Advanced Learner’s Dictionary” (OALD) 2010 г. [3].

Исследование проводилось методом сплошной выборки из словника обоих словарей лексем, которые являются этнонимами и этнонимическими прилагательными (прим. 1), затем анализировались иллюстративные контексты (ИК) словарей, в которых встречаются данные лексем. Во внимание принимались только ИК, имеющие антропонимическую референцию, т.е. обозначающие атрибуты культурных артефактов, связанных с жизнедеятельностью человека (относятся к культуре, спорту, экономике, политике и т.п.).

Как показал анализ, формирование категории этничности в современном понимании начинается во второй половине XX века. До этого лексема *ethnicity* не фиксировалась английскими словарями, хотя в словнике ALDCE выявлено 6 лексем с компонентом *ethn-*: *ethnic/ ethnical* – of races (the races of mankind), *ethnography*, *ethnology*, *ethnologist*, *ethnological*. Как видим, этничность в этот период понимается с эссенциалистских позиций как неизменное, обусловленное биологически (происхождением), внутренне присущее человеку качество (характеристика). В последующие годы это понимание меняется.

Анализ этномаркированных лексем в словнике ALDCE (всего 113 лексем) и иллюстративных контекстах (35 лексем и 116 примеров их употребления в ИК), а также в словнике словаря OALD (296 лексем) и ИК (85 лексем и 355 примеров ИК) позволил выявить следующие особенности.

1. В словнике ALDCE количество лексем, обозначающих титульные национальности представителей развитых стран Европы и Северной Америки, составляет 59 лексем (*British, English, American, French, German, Spanish, Italian* и др.), что в 2 раза превосходит число лексем, называющих представителей не-титульных национальностей

– представителей стран Африки, Азии, Океании, Северной и Латинской Америки (31 лексема - *Arab, Bedouin, Bushman, Ceylonese, Chinese, Egyptian* и др.). Аналогичная ситуация имеет место в ИК словаря, где количественное превосходство составляет 3,4 раза (82 и 24 использования соответственно). Такое соотношение может рассматриваться как проявление тенденции этноцентризма и евроцентризма в середине XX в., а также невысокой степени интереса носителей языка к проблемам многокультурного мира.

Ситуация меняется в OALD, где лексикографической репрезентации этничности, в том числе представителей нетитульных национальностей и этнических меньшинств уделяется существенно большее внимание. Так, в словнике OALD зарегистрировано 47 подобных лексем, что в 1,5 раза больше, чем в ALDCE. В ИК представлена 21 лексема (это более чем в 2 раза превышает показатель ALDCE), а также 57 случаев их использования в качестве иллюстраций (также более чем в 2 раза превышает показатель ALDCE). Рост количества и качественного разнообразия этнонимов в современном словаре можно рассматривать как свидетельство снижения евроцентризма и проявление мультикультурной рефлексии в англоязычном социуме.

Таблица 1. Этнонимы и отэтнонимические прилагательные, обозначающие представителей не-титульных национальностей в ИК словарей 1963 и 2010 гг. издания

Названия этнических групп или национальностей	Кол-во употреблений в ИК	
	ALDCE, 1963 г.	OALD, 2010 г.
Japanese	7	9
Chinese	6	11
Indian	4	4
Mongol/Mongolian	1/1	-/1
Jamaican	1	1
Arab/Arabic	1/-	4/1
Moor/Moorish	1/-	-/1
Peruvian	1	-
Mexican	1	-
Hindu	-	7
Australian	-	4
Egyptian	-	3
Cajun	-	2

Brazilian/ Cantonese/ Caribbean/ Bolivian/ Georgian/ Zulu/ Thai/ Malayan/ Mexican	-	1
Число различных лексем	10	21
Общее число примеров ИК	24	57

Еще одной отличительной чертой словника OALD, отражающей изменения в концептуализации этничности, является образование этногибридов путем сложения основ (иногда усеченных). Для ALDCE такие слова не характерны, тогда как в словнике OALD зафиксировано 15 этногибридов подобного рода: *African-American*, *African-Canadian*, *Afro-Asian*, *Afro-Caribbean*, *Amerasian*, *American Indian*, *Native-American*, *Ameridian (old-f) = Native American*, *Asian-American*, *Central-American*, *East-Indian*, *Eurasian*, *French-Canadian*, *Indo-Canadian*, *Middle-European* и др.

Не только в словнике, но и в ИК OALD появляются слова-этнотонимы и отэтнотонимические прилагательные, сочетающие два этнических признака. К числу таких этногибридов относятся, например, *British Asian*, *Singapore Eurasian*, *Italo-American*, *Anglo-German*, *Anglo-French*, *Soviet-American*, *Russo-Japanese*, *Sino-Japanese*, *English-Scottish*, *Japanese-American*, *US-Chinese* и др. В ИК ALDCE было зарегистрировано лишь прилагательное *Anglo-Saxon* в контексте «the pristine simplicity of *Anglo-Saxon* days», которое является историческим примером, в то время как появление гибридных этнотонимов в словаре OALD можно рассматривать как сигнал мультикультурной рефлексии, повышенного внимания социума к вопросам этнической идентичности и взаимодействию различных этнокультурных сообществ, а также образованию новых мультиэтничных групп.

Зарегистрирован также пример с лексемой *Europeanised (American)*, что может интерпретироваться как повышение роли культурного компонента (в данном случае этностереотипов) в концептуализации этничности.

О канонизации (ритуализации) типичных признаков той или иной национальности свидетельствует наличие в словаре довольно большого количества отэтнотонимических производных именного и глагольного характера, напр.: *Americana*, *Americanism*, *Americanize*, *Americanization*, *All-American*, *Un-American*, *All-Canadian*, *Europeanize*, *Europeanization*, *Italianate*, а также идиом типа ‘*As American as apple pie*’ и проч.

Лексикографическое поле *American* в OALD представлено 13 различными лексемами с компонентом ‘*Amer-*’ и, таким образом, имеет высокую плотность в языковой картине мира, что, в свою очередь, можно рассматривать как дискурсивный сигнал глобальной американизации (экспансии американских ценностей и поп-культуры). Об этом также свидетельствует и увеличение более чем в 5 раз частотности слова *American* в ИК словаря OALD, по сравнению с ИК ALDCE (10->54).

Одна из особенностей OALD состоит в появлении в словнике политкорректных наименований представителей этнических меньшинств, которые в ALDCE именовались по-другому (большинство из исходных имен в современной англоамериканской лингвокультуре маркированы как неполиткорректные), напр.: *Native American (Indian)*, *Native Canadian (Eskimo)*, *African American (Negro)* и т.п. В ИК политкорректные этнонимы используются относительно редко, возможно потому, что феномен политкорректности коммуникативно ограничен вследствие своей идеологической ненейтральности и не входит в сферу типизированного.

В словнике OALD зарегистрировано также 20 стилистически сниженных прозвищных этнонимов, именующих представителей афроамериканского и коренного населения США (*half-bread, Negro, Negress, mammy, squaw, Jim Crow, Injun, Red Indian, wog* и др.), что в 4 раза превышает соответствующий показатель словника ALDCE. Выявлено также 43 прозвищных этнонима, относящихся к представителям других национальностей и этносов (*Chink, gook, Kaffir, Kraut, Polack, Spic, slit-eyed, wop, Canuck, Jewess, Jap, Paki, Paddy* и др.). В целом, увеличение в 6 раз числа прозвищных этнонимов в материале выборки и появление помет, фиксирующих неприемлемость их публичного употребления (*taboo, offensive*), свидетельствует о более глубокой социальной рефлексии вокруг понятия этничности, о становлении дискурса мультикультурализма и политкорректности.

В семантике целого ряда этномаркированных лексем в словнике OALD содержатся также дополнительные, сопутствующие характеристики – гендерные, профессиональные, религиозные и культурные, напр.: *Cowgirl* – a female cowboy in the American West; *Shogun* – a Japanese military leader; *Bandito* – a Mexican bandit; *NRI* – Non Resident Indian (a person of Indian origin who is working somewhere

else but keeps link with India); *Rainmaker* – a person who is *believed to have the power to make rain fall*, esp. among Native Americans; *Rabbi* – a Jewish religious leader or a teacher of Jewish law; *Maharishi* – a Hindu spiritual leader or a wise man; *Griot* – (in W Africa, esp. in the past) a person who *sings and tell stories about the history and traditions* of their people and community; *Ninja* – a person trained in the *traditional Japanese skills of fighting and moving quietly*; *Mariachi* – a musician who *plays traditional Mexican music*, usually as a part of a small group that travels from place to place и др. В словнике ALDCE представлено лишь 14 подобных примеров. Почти двукратный рост свидетельствует об усилении внимания к этничности как составляющей социальной идентичности индивида, с присущими ей особенностями национальных традиций, культуры и религии.

ИК OALD свидетельствуют о том, что в современной языковой практике этнически маркированные определения очень часто получают музыка, традиции и другие культурные артефакты: *Asian/ African/ Arabic/ Indian music, African culture, Egyptian divinities, an Egyptian mummy, Jamaican reggae music, Creole cookery, Cajun cuisine, Cantonese cooking, the Chinese cult of ancestor worship, the exotic sounds of Japanese instruments, the Moorish architecture*. В данном случае этнические признаки становятся средством акцентуации культурной специфики, привлекательной своей уникальностью, экзотичностью, средством удовлетворения эстетических потребностей.

Данный вывод, сделанный на основе ИК OALD, подтверждается также появлением второго значения у слова *ethnic - typical of a country or culture that is very different from modern Western culture and therefore interesting for people in Western countries: ethnic clothes/ jewelry/ cooking*. В нем отражен рост интереса представителей европейской культуры к культурам малых народов.

В целом в словнике OALD 2010 года издания имеет место количественный рост и большее качественное разнообразие слов и коллокаций с компонентом *ethn'*: *ethnic, ethnic groups/communities, ethnic strife/ violence/ tension, ethnic cleansing, ethnicity, ethnic minority, ethnocentric, ethnocentrism, ethnographer, ethnography, ethnographic, ethnology, ethnological, ethnologist*. Это отражает новую фазу концептуализации категории этничности, углубление социальной рефлексии и повышение актуальности этничности как ключевого

компонента языковой картины мира в глобальном культурном пространстве.

Для ИК ALDCE в большей мере характерны стереотипные репрезентации этничности, нередко сочетающиеся с пренебрежительной (негативной) эмоциональной оценкой: *“Some Americans think they can do England in a fortnight; smuggle Swiss watches into England.”* Наименования некоторых этносов встречаются в контекстах, связанных исключительно с религией: *“the Jewish community; the Jewish faith; There seemed to be an aura of holiness around the Indian saint”*, что создаёт ограниченное впечатление о ценностях данных этносов. Анализ дистрибуции слова *Arab* в ИК ALDCE, например, показывает, что представления об этом этносе связаны в основном с образом араба-воина: *“the military conquest of the Arabs; the conquest of Spain by the moors”* и т.д.

В примерах ИК OALD стереотипизация этнических признаков тоже представлена (хотя и в меньшей мере), а вот оценочная специфика меняется. В примерах присутствует минимальная коннотативная оценочность скорее рационального, чем эмоционального характера. Например, японская индустрия показана как прогрессивная (*“Many corporate methods have been adopted by American managers in imitation of Japanese practice; the heavy hitter of Japanese industry; a new approach patterned on Japanese ideas”*); французское коннотирует идеи изысканности и красоты: *“A perfectly dressed woman with an air of chic was unmistakably French”*. Данные характеристики коррелируют с современными представлениями о той или иной нации и характерными для нее признаками: японцы – технологическое развитие, французы – мода и т.п.

Исследование словника и ИК толковых словарей двух временных срезов позволяет говорить (1) о влиянии процессов глобализации на изменение картины мира и переходе от этноцентричной (середина XX века) к мультиэтнической (современной) идеологии; (2) об упрочении дискурса политкорректности и концептуализации этничности как культурного конструкта в отличие от ее биологического (эссенциалистского) понимания, характерного для середины XX века. Сказанное свидетельствует об усилении глобального дискурса мультикультурализма и кросс-культурной рефлексии в англоязычном социуме.

Примечания

1. К этнонимам или этномаркированным лексемам в данном исследовании мы относим любой не описательный (однословный) номинант, обозначающий людей по национальному или расовому признаку, а также слова, определяемые территориально-географическим фактором, что позволяет включить в исследуемый материал этнотопонимы (этнонимы, произведенные от названия страны – *Australian, American*), этнохоронимы (названия от имен обширных регионов (хоронимов) – *European, Asian, African* и т.д.), а также названия жителей городов и районов города (катоиконимы или микроэтнонимы (*Berliner, Texan, East-Ender* и т. д.)).

Библиографический список

1. Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации // *Власть*. 2011. № 5. С. 56-59.
2. **ALDCE 2nd ed.:** A.S.Hornby, E.V.Gatenby, H.Wakefield. *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 2nd edition, 1963. Oxford University Press, 1972. 1214 p.
3. **OALD 8th ed.:** A.S.Hornby. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Edited by Joanna Turnbull. 8th edition, 2010. Oxford University Press. 1796 p.

Сведения об авторе

Барина Анастасия Олеговна
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: stacey84@mail.ru

УДК 811.112.2'36:159.955:1

LINGUISTISCHER SYNKRETISMUS ALS EIN SUBPHÄNOMEN DES PHILOSOPHISCHEN WELTBILDES

Viktoria Beresnewa

Staatliche geisteswissenschaftliche Universität Wjatka, Kirow (Russland)

Лингвистический синкретизм как субфеномен философской картины мира Виктория Береснева

Лингвистический синкретизм рассматривается в связи с развитием мышления человека. Мышление развивается в соответствии с установленным русским философом В.С. Соловьевым «общим законом всякого развития»: от смешения элементов организма к их обособлению и дальнейшему свободному синтезу. Первый и третий моменты в данной схеме отображают два этапа развития синкретизма. Синкретичность мышления порождает синкретизм в языке как форме проявления мышления. Лингвистический синкретизм есть субфеномен философской картины мира.

Ключевые слова: синкретизм, мышление, язык, общий закон развития, субфеномен философской картины мира.

Linguistic Syncretism as a Sub-phenomenon of Philosophical World Outlook Viktoria Beresneva

Linguistic syncretism is considered in connection with development of thinking. It is suggested that human thinking develops according to the “general law of development,” formulated by the Russian philosopher V.S. Solovyov: from mixture of constituent forms and elements of an organism to their separation and further free synthesis. The first and the third states of this scheme represent two stages of syncretism development, and language syncretism as a form of mental manifestation originates from syncretism of thinking. Thus linguistic syncretism is a sub-phenomenon of the philosophical world outlook.

Key words: syncretism, thinking, language, the general law of development, sub-phenomenon of the philosophical world outlook.

Der Terminus «Synkretismus» (spätgriech. sygkrētismós = Vereinigung zweier Streitender gegen einen Dritten), der laut Aussage von J. Marouzeau zum ersten Mal benutzt wurde, um den Bund der Völkerschaften von Kreta zu bezeichnen [1. S. 267], ist in der Linguistik nicht neu. Eine einheitliche, von allen akzeptierte Deutung des mit diesem Terminus bezeichneten Begriffs gibt es jedoch noch nicht. Aus meiner Sicht verwechselt man öfter den Synkretismus mit der Kontamination, dem Wortspiel, der Homonymie und Polysemie [2]. Die Untersuchung des Synkretismus scheint in gegenwärtiger Germanistik in der strukturalistischen Phase stehen zu bleiben [3. S. 1784] oder begrenzt sich auf die formbezogene Auffassung [4. S. 18 ff.].

Ganz allgemein wird der linguistische Synkretismus von mir als Vereinigung *einiger* signifikanter Funktionen von *einem* Sprachzeichen definiert [5. S. 3 ff.]. In der vorliegenden Arbeit wird unter dem Gesichtspunkt des Synkretismus die grammatische Kategorie der Zeit im Deutschen analysiert. Es ist weder in der Inlands- noch in der Auslandstradition in den für alle zugänglichen Grammatiken üblich, die Zeitformen aus der Perspektive des Synkretismus zu betrachten. Diese Lage bremst aber die Sprachforschung.

Im Werdegang vom deutschen Tempussystem treten zwei Entwicklungsstufen des Synkretismus in Erscheinung. Der für die frühen Entwicklungsstadien der Sprache charakteristische *Ursynkretismus* äußerte sich in der *Vermischung* der Inhaltselemente der grammatischen Kategorie der Zeit. So gab es z. B. im Althochdeutschen keine spezielle Zukunftsform. Die Zukunft konnte üblicherweise vom Präsens ausgedrückt werden [6. S. 293; 7. S. 113], vgl.:

Oba Karl then eid, then er sînemo brudher Ludhuiuîge gesuor, geleistit, indi Ludhuiuîg mîn hêrro then er imo gesuor forbrihchit, ob ih inan es iruuenden ne mag: noh ih noh thero nohhein, then ih es irruuenden mag, uuidhar Karle imo ce follusti ne uuirhhit. «Wenn Karl den Eid, den er seinem Bruder Ludwig geschworen hat, halten wird, Ludwig, mein Herr, aber den Eid, den er ihm schwor, brechen wird, so werden ihm weder ich selbst noch einer von denen, die ich zu überreden vermag, gegen Karl Hilfe leisten». (Straßburger Eide, 9. Jh.) [7. S. 113].

Außerdem war das Tempus in den altgermanischen Sprachen mit aspektuellen Bedeutungen eng verbunden [6. S. 247 ff.; 7. S. 40].

Der Synkretismus kann auch als ein *Evolutionsergebnis* betrachtet werden.

Ein konsequentes Unterscheiden zwischen der Verlaufsweise eines Geschehens/Seins und seiner Zeitexistenz, die Berücksichtigung unterschiedlicher Markierung der Verlaufsweise sowie die Behandlung der Zeitformen als Verbalkomplexe, die ein einheitliches grammatisches Ganzes unter Beibehaltung vom semantischen Wert ihrer Komponenten bilden, haben ergeben, dass alle Zeitformen in ihrem denotativen Inhalt die grammatischen Kategorien von Tempus und Aspekt vereinigen. Vom Standpunkt der temporalen Differenzierung aus können die Formen von Präsens und Perfekt als präsentisch bezeichnet werden, die Formen von Präteritum und Plusquamperfekt – als präterital, die Formen von Futur I und II (in denen die Synthese der Semantik des Verbs «werden» und der

grammatischen Bedeutung der Form «Präsens» zu vermerken ist) – als futurisch. In aspektueller Hinsicht sind die Formen von Präsens, Präteritum und Futur I imperfektiv (den imperfektiven Aspekt stellen in den Formen «Präsens» und «Präteritum» ihre Nullkomponenten dar, in der Form «Futur I» – der Infinitiv I), die Formen von Perfekt, Plusquamperfekt und Futur II – perfektiv (den perfektiven Aspekt stellt in allen Formen das Partizip II dar). Aufgrund des Fehlens von der Verifizierung des vom Sprecher erwarteten zukünftigen Geschehens/Seins werden die denotativen Funktionen der Futur-Formen noch durch das modale Bedeutungselement ergänzt [5. S. 13 ff.].

Die traditionelle Auffassung von der Zweckbestimmung der Zeitformen als der Feststellung der temporalen Lokalisierung eines Geschehens/Seins spiegelt also den objektiven Sachverhalt nicht in vollem Maße wider, denn dabei werden die aspektuell und modal funktionellen Bestimmungen der Zeitformen außer Acht gelassen. Die Vereinigung im denotativen Inhalt einer grammatischen kategorialen Form eines temporalen Bedeutungselementes und der Bedeutungselemente anderer grammatischer Kategorien nenne ich den *interkategorialen Synkretismus*.

Auf das Beispiel, wo die Zukunft durch das Präsens ausgedrückt wird, wieder Bezug nehmend, soll man bemerken, dass es sich im Frühneuhochdeutschen das 1. und das 2. Futur entwickeln [7. S. 180]. Aber auch in heutigem Deutsch bringt mitunter das Präsens die Zukunft zum Ausdruck (der denotative temporale Inhalt des Präsens ist die Bezeichnung der Gegenwart), vgl.:

Morgen mache ich einen Käfig für «Das heilige Tier» (Frank L. «Die Räuberbande»).

Die Vereinigung im paradigmatischen Inhalt einer Zeitform einiger signifikanter Funktionen liegt im Wesen des *innerkategorialen Synkretismus*. Dabei fällt eine von den signifikativen Funktionen mit der denotativen Funktion der Zeitform zusammen (die primäre signifikative Funktion), und die anderen spiegeln den Gebrauch dieser Zeitform in dem primären temporalen Anwendungsbereich anderer Zeitformen wider (die sekundären signifikativen Funktionen). Das Präsens und das Perfekt werden in den primären temporalen Anwendungsbereichen der präteritalen und futurischen Zeitformen verwendet, das Präteritum und das Plusquamperfekt – in den primären temporalen Anwendungsbereichen der präsentischen und futurischen Zeitformen, das Futur I und das Futur II – in

den primären temporalen Anwendungsbereichen der präsentischen und präteritalen Zeitformen [5. S. 37 ff.].

Die sekundären signifikativen Funktionen einer Zeitform sind mit den denotativen Funktionen der Formen, die zu dem Paradigma gehören, nicht identisch. Die denotativen Funktionen stellen den objektiven Inhalt der Formen dar, und die bei dem Gebrauch der Zeitform in dem primären temporalen Anwendungsbereich anderer Zeitformen funktionierenden Bedeutungsmerkmale treten als Konnotationen hervor, die das Faktum des Kollektivsprachbewusstseins sind. Die Konnotation wird in der vorliegenden Arbeit als Inhalt der sprachlichen Einheit aufgefasst, die in der sekundären Benennungsfunktion auftritt. Dieser Inhalt wird von der assoziativ-bildlichen Vorstellung hinsichtlich des Denotats auf Grund der Erfassung der inneren Form der Benennung geprägt. Die konnotativen Gebrauchsfälle der Zeitformen können als grammatische Metaphern bezeichnet werden [8. S. 50].

Eine grammatische Oppositionsform wird in dem primären temporalen Anwendungsgebiet einer anderen Oppositionsform verwendet, weil die Letztere solche Nuancierungen nicht ausdrücken kann, welche die erste Form dank ihrem denotativen Inhalt zum Ausdruck bringt. So kann z. B. das Präsens eine wirklich nacherzeugende Erinnerung bezeichnen, das Präteritum ist imstande, ein hinsichtlich des aktuellen Jetzt gegenwärtiges oder zukünftiges Geschehen/Sein als ein in der lebhaften Fantasie des Sprechenden schon vergangenes darzustellen usw., vgl.:

Auf dieser Balustrade also setzt Charlotte Menzel in einer warmen Juninacht des Jahres 1925 ihren, gelinde gesagt, angetühterten Tischherrn ab... (Wolf Ch. «Kindheitsmuster»);

Warum genoss er jetzt das tiefe, sommerliche Grün der großen, breiten, reichen Kastanienblätter, und weshalb betäubte ihn jetzt der Duft der Kastanien so heftig? (Roth J. «Das falsche Gewicht»).

Ein einfaches Dublieren einer und derselben Funktion von zwei verschiedenen Formen gibt es nicht. Verschiedene grammatische Formen dienen zur Bezeichnung verschiedener Formen des «Zeiterlebens», denen «objektiv temporale Angaben» zu Grunde liegen [9. S. 12].

Der inter- und innerkategoriale Synkretismus wird in der Arbeit als eine freie Synthese von Inhaltselementen der untersuchten Objekte charakterisiert.

Der linguistische Synkretismus trägt keinen zufälligen Charakter. Der Synkretismus in der Sprache als Erscheinungsform des Denkens ist auf

Entwicklungsbesonderheiten des Denkens zurückzuführen. Das Denken, das «seinem Wesen nach nichts anderes als ein materieller Prozess» ist, ordnet sich «denselben objektiven Gesetzmäßigkeiten wie die ganze Naturwelt» unter [10. S. 15], auch dem vom hervorragenden russischen Philosophen *W.S. Solowjow* (1853–1900) festgestellten «*allgemeinen Gesetz jeder beliebigen Entwicklung*» («общий закон всякого развития») [11. S. 145]. Dieses von Hegel logisch formulierte Gesetz bildet die Grundlage für die Theorie der Alleinheit («теория всеединства») Solowjows. Wladimir Solowjow nennt drei Zustände (Momente) der Entwicklung («три состояния (момента) развития»): Vermischung oder äußerliche Einheit («смешение, или внешнее единство»), Trennung («обособление») von Bestandteilen eines Organismus und innerliche freie Einheit («внутреннее свободное единство»).

Das erste und das dritte Moment im genannten Entwicklungsschema geben offenbar zwei Entwicklungsstadien des Synkretismus wieder. Obwohl *W. Solowjow* das Wort «Synkretismus» in seinen Werken nicht gebraucht (er benutzt synonymische Termini «Vermischung», «äußerliche Einheit», «innerliche freie Einheit», «Synthese», «Alleinheit»), habe ich in der Arbeit von *W.W. Rosanow* «Zum Gedenken an *Wl. Solowjow*» die folgende äußerst wichtige Bemerkung aufgefunden: «In einem nicht veröffentlichten Aufsatz „Entwicklungsschema des Slawophilentums“ hatte ich beim Aufzeigen der historischen Stellung von *Solowjow* und beim Charakterisieren seiner allgemeinen Art und Weise der Gedankengänge, Beschäftigungen und Einstellungen das Wort „Eklektizismus“ benutzt. Der Verstorbene (*W.S. Solowjow*. – *V. B.*), als er das Manuskript durchgelesen hatte und es mir zurückgab, sagte: „Würden Sie aber bitte das Wort ‚Eklektizismus‘ durch das Wort ‚*Synkretismus*‘ (Kursivschrift gehört mir. – *V. B.*) ersetzen“. Ich halte es für meine Pflicht, diese persönliche Korrektur Solowjows vorzunehmen, ohne sie abzulehnen, wenn ich auch darauf nicht bestehe» [12. S. 190].

Das erste Entwicklungsmoment macht das Wesen des Anfangsstadiums des Synkretismus, des Ursynkretismus, aus. Der Ursynkretismus ist eine natürliche und notwendige Entwicklungsstufe des Synkretismus im Denken. Der Urdenksynkretismus kann als *mythologischer* Synkretismus bezeichnet werden, weil der Mythos Mittelpunkt dieser Art Synkretismus ist. Der Mythos «trat als eine universelle ungegliederte (*synkretische*) (Kursivschrift gehört mir. – *V. B.*) Bewusstseinsform auf» [13. S. 13–14].

Der mythologische Synkretismus stellt die erste Entwicklungsstufe des Synkretismus im Denken dar. Das allgemeine Entwicklungsgesetz bewirkt unbedingt eine neue Entwicklungsstufe des Synkretismus. Die dem dritten Moment im Entwicklungsschema Solowjows entsprechende *innerliche freie Einheit* der Elemente tritt nach meinen Beobachtungen in der synthetischen Widerspiegelung der existierenden Wirklichkeit sowie in dem metaphorischen Charakter unseres Denkens und unseres Begriffssystems zutage. Unser Denken evolutioniert, indem wir Kenntnisse speichern und neue Kenntnisse auf der Grundlage von den schon existierenden erwerben. Wegen «eines veränderlichen Wesens der Konzepte» können die alten «Basiskonzepte» Ausgangspunkt für die neuen, «abgeleiteten», Konzepte sein [14. S. 83]. Die neuen Konzepte weisen zwar eine gewisse Ähnlichkeit mit den alten Konzepten auf, doch haben sie ihre Unterscheidungsmerkmale.

Als unmittelbare Wirklichkeit des Denkens spiegelt die Sprache unbedingt den Denksynkretismus wider. Die Vermischung der Inhaltselemente der grammatischen Kategorie der Zeit auf Frühentwicklungsstufen der deutschen Sprache ist auf *schwache Differenzierung* der Zeitkonzepte zurückzuführen. Der Ursynkretismus der Zeitformen kann heute als ein Mangel aufgefasst werden, und das System der Zeitformen auf seinem Anfangsstadium kann aus heutiger Sicht einen unvollkommenen Eindruck machen. Dieses System spiegelte aber adäquat das Entwicklungsniveau von Bewusstsein und Denken seiner Benutzer, und der Ursynkretismus bildete in der Entwicklung der grammatischen Kategorie der Zeit, ebenso wie im Denken, eine natürliche und notwendige Stufe. Von ungegliederter Wahrnehmung der objektiven Realität rührt der interkategoriale Synkretismus in heutigem Deutsch her. Wir stellen uns die entsprechenden Denotate *in der ganzen Gesamtheit ihrer Beziehungen* vor. Nur bei didaktischer Darstellung lassen sich diese synkretischen Denotate gliedern.

Die auf innerkategorialer Ebene festgestellten sprachlichen Metaphern sind Erscheinungsformen von *konzeptuellen Metaphern*. Gerade die Existenz der synkretischen metaphorischen Konzepte («vergegenwärtigte Vergangenheit», «die in der lebhaften Fantasie vergangene Gegenwart oder Zukunft» usw.) führt den Gebrauch einer Zeitform im primären temporalen Anwendungsgebiet einer anderen herbei. Aus diesem Gebrauch ergibt sich die *Neutralisation* verschiedener temporaler Unterscheidungsmerkmale im Rahmen *einer einheitlichen*

grammatischen kategorialen *Form*. Die Neutralisation im Bereich jeder Zeitform bewirkt die Vereinigung ihrer signifikativen Funktionen zu einem gemeinsamen ungegliederten Ganzen im Sprachsystem, d. h. den paradigmatischen innerkategorialen Synkretismus.

Der inter- und innerkategoriale Synkretismus im Rahmen der grammatischen Kategorie der Zeit der modernen deutschen Sprache resultiert aus der gesetzmäßigen Entwicklung des Systems der Zeitformen, aus sprachlicher Entwicklung, die unmittelbar mit der Entwicklung unseres Denkens verbunden ist. Zum Unterschied vom Ursynkretismus, von *rein äußerlicher Einheit* der Inhaltselemente, kann der untersuchte inter- und innerkategoriale Synkretismus als *innerliche harmonische Einheit*, als *freie Synthese* der Inhaltselemente, verschiedener signifikativer Funktionen im Bereich einer einheitlichen grammatischen Form charakterisiert werden.

Zwei Entwicklungsstufen des linguistischen Synkretismus spiegeln also *zwei Entwicklungsstufen des Synkretismus im Denken* wider. Die Letzteren ihrerseits basieren auf zwei Momenten des philosophischen allgemeinen Entwicklungsgesetzes. Da der in der Philosophie mit dem allgemeinen Entwicklungsgesetz festgestellte *ontologische Synkretismus* das *Wesen des Denksynkretismus* bildet, und die Sprache eine Erscheinungsform des Denkens ist, hat man allen Grund, den linguistischen Synkretismus als ein *Subphänomen des philosophischen Weltbildes* zu bezeichnen.

Diese Schlussfolgerung ist m. E. von wesentlicher Bedeutung für die Sprachwissenschaft. Wie man weiß, «muss jede neue Idee, um entweder ein Postulat des Weltbildes oder ein das neue Ideal und die neue Norm der wissenschaftlichen Erkenntnis ausdrückendes Prinzip zu werden, die Prozedur der philosophischen Begründung durchlaufen» [13. S. 554]. Da die Idee des linguistischen Synkretismus die dem philosophischen «allgemeinen Gesetz jeder beliebigen Entwicklung» innewohnende Idee des Synkretismus als *philosophische Grundlage* hat, kann man wohl erhoffen, dass diese Idee Bestandteil des sprachlichen Weltbildes wird und bei der Bildung der neuen Vorstellungen von Forschungsmethoden mitwirken wird.

Literatur

1. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Пер. с франц. Н.Д. Андреева. Под ред. А.А. Реформатского; предисл. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 436 с.
2. Береснева В.А. Явление лингвистического синкретизма в

сопоставлении с явлениями контаминации, игры слов, омонимии и полисемии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Научный журнал. № 2 (17). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. С. 86–89.

3. Grammatik der deutschen Sprache / hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. In 3 Bänden. Bd. 3. Berlin; New York, 1997.

4. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. In 2 Bänden. Bd. 1. Stuttgart; Weimar, 2006.

5. Береснева В.А. Синкретизм временных форм современного немецкого языка. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. 101 с.

6. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Высш. шк., 1965. 408 с.

7. Москальская О.И. История немецкого языка. М.: Высш. шк., 1977. 278 с.

8. Шендельс Е.И. Практическая грамматика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1988. 416 с.

9. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени: Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, перевод В.И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994. 192 с.

10. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М.: Высш. шк., 1965. 240 с.

11. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. (Филос. наследие. Т. 105). С. 139–288.

12. Розанов В.В. Памяти Вл. Соловьева // Вл. С. Соловьев: pro et contra / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. (Русский путь). С. 190–195.

13. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл.: И.Т. Фролов и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2002. 623 с.

14. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. 2001. № 4. С. 79–86.

Сведения об авторе

Береснева Виктория Алексеевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германской филологии
Вятского государственного гуманитарного университета
E-mail: avis@novo.kirov.ru

УДК 811.112.2'42:159.955

ПРОЦЕСС КОГНИТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КАУЗАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Г.А. Калмыкова

*Ульяновский государственный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова, Ульяновск*

В статье рассматривается проблема когнитивного прогнозирования на основе каузальных структур. В исследовании обсуждаются и анализируются условия, способствующие данному процессу. Приводятся результаты лингвистического эксперимента в среде носителей языка, которые свидетельствуют о том, что семантика ядра ситуации является основным пусковым механизмом когнитивных процессов прогнозирования.

Ключевые слова: каузальные структуры, когнитивное прогнозирование, поле каузальности, кодируемые пропозиции, фреймовые пропозиции.

The Process of Cognitive Prediction in Causal Constructions

Galina Kalmykova

The article looks at cognitive prediction in causal structures, discussing and analyzing conditions which promote the process of prediction. It also includes the results of a linguistic experiment among native speakers, which demonstrate that semantics of the situation core is the main trigger for the cognitive process of prediction.

Key words: causal structures, cognitive prediction, the field of causality, encoded proposition, framed proposition.

Каузальные структуры являются репрезентантами причинно-следственных отношений в языке. Любой язык имеет целый набор грамматических, лексико-грамматических и лексических средств для выражения подобного рода отношений. В [1] нами было разработано поле каузальности (ПК) для немецкого языка, в котором языковые структуры с семантикой каузальности распределялись по принципу отнесенности к центру или периферии указанного поля.

Данная статья является продолжением исследования, посвященного изучению процесса когнитивного прогнозирования применительно к каузальным структурам [2]. В лингвистике уже высказывалась точка зрения, что особенностью таких структур является наличие в них определенных черт, которые позволяют эту предсказуемость осуществить [3]. Б. Дансигайер, исследуя прогностические возможности структур кондиционала (предложений,

маркированных союзом *if*), определяет три фактора, которые влияют на этот процесс. К ним относятся время, знание и каузация. Под временем автор понимает форму глагола, соотнесенность предикатов и степень их удаленности друг от друга. Знание связано с контекстной данностью, а также топикальностью высказывания. Что касается каузации, то она находится в непосредственной связи с последовательностью частей высказывания и эпистемическими (инференциальными) отношениями.

Иная точка зрения на процесс прогнозирования высказана Рут Водак (1990). В её теории «планирования текста» речь идет о «когнитивном планировании». Теория возникла как реакция на значительный недостаток разработок в области лингвистической деятельности, в которой совсем не учитывались экстралингвистические факторы. К таковым Р. Водак относит речевую ситуацию, статус участников, время и место, социологические переменные (членство в группе, возраст, профессия) и психологические детерминанты (опыт, принятые нормы поведения и т.п.). Все эти категории были включены автором в социолингвистическую теорию планирования текста [4. С. 212].

Р. Водак полагает, что при производстве текста особого внимания заслуживают социально-психологическое, когнитивное и лингвистическое измерения. Из социально-психологической обусловленности возникают «фреймы» и «схемы» для структурирования реальности. Фреймы рассматриваются как глобальные паттерны, т.е. как образы определенной ситуации, которые сохраняются у нас в памяти. Схемы – это точные паттерны конкретного проявления ситуации или текста. В структуру процесса когнитивного планирования входят также скрипты, которые представляют собой стабилизированные планы. В результате частого использования они детерминируют роль и ожидаемые действия коммуникантов [5].

В работе [1], независимо от Р. Водак, при разработке моделей имплицативных структур приводятся похожие результаты. С нашей точки зрения, когнитивный процесс восприятия и переработки информации связан с ее квантированием [6. С. 90]. На основании этого определились четыре типа пропозиций, в которые «упакована» информация:

1. Кодлируемая (отражает категоризованную ситуацию, являясь обобщенным понятием социума);
2. Фреймовая (охватывает все многообразие вариантов актуальных и потенциальных пропозиций);
3. Актуальная (в которой предикация эксплицирована);
4. Потенциальная (в которой предикация выражена имплицитно) [7. С. 58].

Кодлируемая и фреймовая пропозиции в нашей работе соотносятся с фреймами и скрטיפтами в теории Р. Водак, и они соответствуют тем квантам информации, благодаря которым возможен процесс прогнозирования. И все же «когнитивное планирование» в теории Р. Водак несколько отличается от нашего «когнитивного прогнозирования». Во-первых, Р. Водак работает с глобальной структурой текста, что не входит в нашу задачу анализа каузальных структур. Во-вторых, фокусом теории когнитивного планирования служат явления скорее социального, чем лингвистического порядка. Мы ставим своей задачей определить лингвистические, а через них и когнитивные факторы, которые влияют на процесс прогнозирования каузальных структур.

В статье обсуждаются результаты проведенного лингвистического эксперимента, который подтверждает нашу гипотезу о том, что кодлируемые и фреймовые кванты информации вкупе с семантическими и структурными факторами играют ведущую роль в определении возможных вариантов при прогнозировании незавершенного высказывания.

Лингвистический эксперимент был проведен в среде носителей языка (16 студентов I семестра факультета германистики университета им. Г. Гейне, г. Дюссельдорф, ФРГ; семинар проф. Ф. Бе). То, что респондентами были носители языка, позволило в какой-то степени объяснить, каким образом происходит интуитивное выявление каузальных отношений в немецком языке в тех случаях, когда отсутствует контекст. При этом в ходе анализа и интерпретации полученных результатов решалась задача выявления языковых элементов, которые побудили респондента избрать определенную интерпретацию предложения.

Рассмотрим одно из предложений, на основании которого мы пытались определить косвенные следы интуитивного процесса когнитивного прогнозирования причинно-следственных отношений.

Der Motor war kaputt, <...>

Был принят во внимание тот факт, что характер сочетаемости предикатов в сложном предложении будет вероятностным, стохастическим (гр. *stochasis* догадка: случайный, вероятностный, например стохастический процесс – процесс, характер изменения которого во времени точно предсказать невозможно [8. С. 582]), поэтому мы сможем прогнозировать лишь направление (тренд) сочетания.

Процесс когнитивного прогнозирования предполагает, в первую очередь, наличие определенных ментальных концептов как у говорящего, так и у слушающего. Для того чтобы спрогнозировать информацию, необходимо владеть набором концептов. Термин концепт объясняет единицы ментальных ресурсов нашего сознания. В нашей работе речь идет о концепте обусловленности. «Концепты возникают в процессе построения информации» и обозначаются как «кванты» знания [6. С. 90]. Каждый квант соответствует элементу картины мира. Концепты регулярно воспроизводятся в языке и образуют некий фонд концептов, который помогает и говорящему, и слушающему в процессе коммуникации. Воспроизводятся узуальные, архетипические концепты, поскольку они уже функционируют в социуме и понятны коммуникантам. Их воспроизведение в языке лишний раз подтверждает мысль, что сочетание сценариев в сложной ментальной структуре вошло в узус, норму.

Однако существуют и *индивидуальные концепты*. Они соответствуют особенностям восприятия мира, особенностям интерпретации взаимосвязи событий. То, что события находятся во взаимосвязи, является онтологической основой существования личности, и коммуникант обладает как индивидуальной, так и узуальной базой сочетаемости концептов. Определить индивидуальные концепты довольно сложно, поскольку их появление обусловлено многими факторами, среди которых внутреннее эмоциональное состояние субъекта, индивидуальная информационная база, влияние внешних факторов и т.д. Наконец, субъект может выдвигать гипотезы, использовать воображаемые концепты, которые помогают ему прогнозировать свое будущее.

В качестве примера узуального типа концепта обусловленности можно рассмотреть сочетание элементов в следующем предложении:

Ich muss den Mann auf die Preise vorbereiten. Sonst kriegt er ja Angst, wenn die Frau auf einmal das viele Geld verlangt [9. С. 78].

Концепт построен на той ситуации, что в языковом сообществе стало притчей во языцех: мужья скупаются выдавать деньги своим неработающим женам. Включение элементов *Angst kriegen* и *Geld verlangen* в структуру концепта обусловленности воспринимается как норма и может даже прогнозироваться носителями языка в неполной структуре. Определяющим фактором прогнозирования является контекст в виде предложения *Ich muss den Mann auf die Preise vorbereiten*, которое сразу вызывает в памяти читающего или слушающего соответствующие элементы концепта обусловленности.

Возможность прогноза на основе узуальных концептов легла в основу проведенного нами лингвистического эксперимента. Его результаты показали, что процесс когнитивного прогнозирования в условиях каузальных структур находится под воздействием многих факторов. Следующие три носили универсальный характер:

1. Семантический фактор, в основе которого лежит явление потенциальной сочетаемости языковых элементов;
2. Структурный фактор, который влияет на формирование типов отношений между пропозициями;
3. Информационно-когнитивный фактор, в основе которого присутствует та общая область знания и информации, которая объединяет социум и позволяет людям существовать в едином информационно-когнитивном пространстве.

Наряду с этими основными факторами в разных случаях добавляются те или иные лингвистические и экстралингвистические факторы, но они уже не носят столь универсального характера, как семантический, структурный и информационно-когнитивный.

В статье мы остановимся на предложении *Der Motor war kaputt*, <...> поскольку, на наш взгляд, его смысл наименее подвержен влиянию особенностей менталитета респондентов.

Предложение *Der Motor war kaputt*, <...> имеет знак препинания (запятую), что уже а priori предполагает наличие второй пропозиции. Предикат относится к логико-семантическому типу предикатов свойства [7. С. 128-129].

Приведем все варианты, которыми респонденты завершили высказывание:

Der Motor war kaputt,	/1/ wir kommen zu spät. /2/ und deswegen fuhr der Wagen nicht mehr. /3/ deshalb fuhr das Auto nicht mehr. /4/ also musste das Auto zur Reparatur. /5/ weil die (неразборчиво) war. /6/ weil er das Öl nicht gewechselt hatte. /7/ weil er zu alt war. /8/ weil ich ihn überlastet hatte. /9/ deswegen brachte er das Auto in die Werkstatt. /10/ so dass er auf das Fahrrad umsteigen musste. /11/ er kann nicht mehr fahren. /12/ und ich musste zu Fuß gehen. /13/ und wir mussten zu Fuß weitergehen. /14/ er musste repariert werden. /15/ da kein Öl da war. /16/ und ich brachte das Auto in die Werkstatt.
-----------------------	--

Анализ обобщенной семантики (под обобщенной семантикой понимается суммарное содержание обеих частей сложного предложения) выполненных предложений показывает, что при прогнозировании второй части большая роль отводится прототипическим элементам, которые функционируют в качестве пресуппозиционного фона. Об этом, в первую очередь, свидетельствует семантическое наполнение второй части, которое входит в лексико-семантическое поле «*der Motor*»: *der Wagen*, *das Auto*, *das Öl*, *die Werkstatt*, *das Fahrrad*.

К лексико-семантическому полю *kaputt* могут быть отнесены такие понятия как: *kommen [zu spät]*, *fahren [nicht mehr]*, *die Reparatur*, *wechseln [das Öl nicht]*, *alt*, *überlastet*, *brauchte [in die Werkstatt]*, *umsteigen*, *gehen / weitergehen [zu Fuß]*, *reparieren*, *kein Öl*.

Что касается логико-семантического типа предиката состояния (*kaputt sein*), то респонденты сочетали его, в подавляющем большинстве, с агентивным логико-семантическим типом: *kommen*, *fahren*, *wechseln*, *überlasten*, *bringen*, *gehen*, *reparieren*. Это 12 предложений из 15 (80%). Два предиката – это предикаты состояния: *alt war*; *kein Öl war*.

То, что поломанный двигатель / автомобиль нуждается в каких-то действиях со стороны водителя или владельца, или, по меньшей мере, в объяснении причин, подтверждается и синтаксическими структурами, которые использовали респонденты. В 4 случаях из 15

(27%) они обратились к конструкции с союзом *weil*, которая однозначно указывает на причину.

Интересен и тот факт, что в двух случаях из четырех отношения причины-следствия связаны предикатом состояния, т.е. одно состояние (*alt war*) переходит в другое состояние (*kaputt*). В двух других случаях причина, по мнению респондентов, кроется в неверных действиях владельца (*es war Öl nicht gewechselt; ich ihn überlastet hatte*). В одном случае отношения причины-следствия представлены не столько как указание на причину, сколько как аргументация, объяснение причины сложившейся ситуации (*da kein Öl da war*). При этом автор использует причинный союз *da*.

В четырех случаях респонденты обращаются к структуре, которая способна репрезентировать следствие данного события (*Der Motor war kaputt*). При этом используются такие маркеры следствия, как: *und deswegen, deshalb, so dass*. Достаточно часто отношения между элементами ситуации маркируются копулятивным союзом *und* (27%).

В трех случаях подчеркивается логическая последовательность, которая коннотирует с имплицитной темпоральностью: сначала – сломанный двигатель; затем – действия по исправлению этой ситуации. Следует отметить, что все действия носят вынужденный характер, поскольку авторы используют наряду с агентивным предикатом модальный глагол *müssen*.

Бессоюзное соединение (2 случая – 13%) также близко по своему значению к союзу *und*. Однако в предложениях подобного рода действия представлены как динамичные и более решительные:

- *Der Motor war kaputt, er musste repariert werden.*
- *Der Motor war kaputt, er kann nicht mehr fahren.*

Наличие в 6 случаях из 15 (40%) модальных глаголов *müssen* (5) и *können* (1) свидетельствует, на наш взгляд, о той неприятной необходимости (или невозможности) осуществить какие-либо действия, которая возникает, когда ломается мотор / машина. В данном случае – это достаточно красноречивое проявление отношения респондентов к событию.

В одном случае вторая часть маркировалась наречием *also*, которое также передает семантику следования с коннотацией итоговости.

Таким образом, ситуация *Der Motor war kaputt* воспринимается респондентами как повод для установления отношений обусловленности с другим элементом ситуации, причем с единственно возможным вариантом соотношения логико-семантических типов предикатов: состояние – агентивность.

Что касается векторности причинно-следственных отношений, то она представлена следующим образом (А – причина, В – следствие):

$A \rightarrow B$ (10 случаев – 67%)

$B \rightarrow A$ (5 случаев – 33%)

Все пять случаев обратной векторности маркированы союзами *weil* или *da*.

Первый элемент сложной пропозиции рассматривается нами как Движущий Мотив (ДМ) для последующего действия – Поступка (П). Ср. классификацию в: [7. С. 141, 143]:

ДМ → П

Der Motor war kaputt,	<ul style="list-style-type: none"> - deswegen brachte er das Auto in die Werkstatt. - und deswegen fuhr der Wagen nicht mehr. - so dass er auf das Fahrrad umsteigen musste. - er kann nicht mehr fahren. - deshalb fuhr das Auto nicht mehr. - und ich musste zu Fuß gehen. - und wir mussten zu Fuß weitergehen. - und ich brachte das Auto in die Werkstatt.
-----------------------	---

В другом случае первый элемент ситуации рассматривается респондентами как Познавательный Мотив (ПМ), что заставляет их привести причины описанного состояния, либо дать какие-то рекомендации (Умозаключение (У) / суждение о событии):

ПМ → У

Der Motor war kaputt,	<ul style="list-style-type: none"> - weil (неразборчиво) war. - weil er das Öl nicht gewechselt hatte. - weil er zu alt war. - weil ich ihn überlastet hatte. - da kein Öl da war.
-----------------------	---

Результаты описания и анализа проведенного эксперимента свидетельствуют о том, что в когнитивный процесс, помимо семантики ключевых слов ситуации, пресуппозиционного фона и самой структуры, включается еще и аспект интерпретации реципиентом прагматического содержания высказывания. Поясним

нашу мысль. Процесс когнитивного прогнозирования, как показал анализ, определялся не в меньшей степени тем, как отнеслись испытуемые к первому элементу ситуации (Der Motor war kaputt). Если они вошли внутрь этой ситуации и поняли данный элемент высказывания как возможность описать свои поступки внутри представленной модели, то тогда пропозиция Der Motor war kaputt служила для них Движущим Мотивом (ДМ). Если же испытуемые рассматривали пропозицию как возможность порассуждать о причинах данного явления, то высказывание Der Motor war kaputt интерпретировалось ими как Познавательный Мотив (ПМ), что привело к смене структуры, изменению маркеров, и, в свою очередь, изменению векторности причинно-следственных отношений ($B \rightarrow A$), за исключением структуры с маркером also.

Эксперимент по прогнозированию каузальных структур доказал, что при выборе окончаний предложений респондентами семантика предъявленной части предложения являлась своеобразным триггером, т.е. пусковым механизмом когнитивных процессов. Во-первых, она определяла лексико-семантическое поле поиска вариантов неизвестной части высказывания. Во-вторых, выявлялись сами ситуации, которые могли включать информацию, имеющуюся в первой (известной части). В-третьих, респонденты, руководствуясь правилами потенциальной сочетаемости семантических и логико-семантических типов предикатов, выбирали тот вариант, который, на их взгляд, мог бы иметь место. Для выражения своей мысли респонденты практически всегда отдавали предпочтение каузальным отношениям. В рассматриваемом нами предложении каузальными отношениями были связаны все предложения, однако виды связи варьировались: от причины (33,3%) и следствия (33,3%) до ситуативной последовательности действий (33,4%), которая испытуемыми кодировалась как причинно-следственная цепочка.

Проведенная работа является вкладом в новое и перспективное направление лингвистического исследования косвенных следов интуитивных когнитивных процессов, когнитивное прогнозирование. Материалы статьи могут быть использованы как в курсе «Интерпретация художественного текста», так и при проведении практического анализа языкового материала.

Библиографический список

1. Калмыкова Г.А. Семантико-синтаксическая единица импликации и способы ее вербализации (на материале немецких романтических сказок): Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1994. 204 с.
2. Калмыкова Г.А. Парадигмы обусловленности в немецком языке: создание архетипа // Теория и практика германских и романских языков: Сб. статей под ред. Г.А. Калмыковой. Ульяновск: УлГПУ, 2002. С. 135-140.
3. Dancygier B. Conditionals and Prediction. Time, Knowledge and Causation in Conditional Constructions. Series: [Cambridge Studies in Linguistics](#) (No. 87). University of California, Berkeley. Cambridge University Press, 2005. 228 p.
4. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 354 с.
5. Beaugrande R.-A. de, Dressler W.U. Einführung in die Textlinguistik. Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft. Bd. 28. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. 290 S.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1997. 245 с.
7. Калмыкова Г.А. Структура каузальности. Ульяновск: УлГПУ, 2007. 237 с.
8. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус.яз., 1993. 740 с.
9. Canetti E. Die Blendung. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 512 S.

Сведения об авторе

Калмыкова Галина Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Ульяновского государственного
педагогического университета имени И.Н. Ульянова
E-mail: dr.kalmykova_g@mail.ru

УДК 811.521'373.421

О КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ СИНОНИМОВ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

М.А. Кострова

*Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва;
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье речь идет о классификации глагольных синонимов в системе современного японского языка. Анализируются подходы отечественных и зарубежных японоведов к классификации синонимов, предлагается классификация глагольных синонимов в современном японском языке.

Ключевые слова: японский язык, синонимия, классификация синонимов.

Classification of Verbal Synonyms in the System of the Modern Japanese Language

Maria Kostrova

The article looks at different ways of classifying verbal synonyms in the system of the modern Japanese language, analyzing approaches put forward by Russian and foreign Japanologists and suggesting a new classification of verbal synonyms in modern Japanese.

Key words: Japanese, synonymy, classification of synonyms.

Большинство учёных, занимающихся вопросами лексикологии, как правило, касаются проблемы классификации синонимов и, шире, лексических единиц в целом. Наличие интегрирующих компонентов значения является необходимым условием не только синонимии, но и антонимии, так как противопоставление единиц также должно опираться на общие основания. Поэтому в зависимости от исходных посылок одна и та же пара единиц (например, *ару* – *иру* «быть, находиться» (о неодушевлённых и одушевлённых существительных соответственно) или *ику* – *куру* «уходить(от говорящего)/приходить (к говорящему)») может рассматриваться и как синонимы, и как антонимы [1; 2]. Мы считаем, что условием антонимии является наличие в семантике сопоставляемых единиц взаимно противопоставленных сем, то есть минимальных компонентов значения. Поэтому глаголы *ару* и *иру* мы рассматриваем как неполные синонимы (ср. случаи возможной взаимозамены: *Кодомо-га саннин имас/аримас* [В семье] есть двое детей), а глаголы *ику* и *куру* – как

конверсивы, то есть пары слов с обращёнными актантными структурами.

Подход японских авторов к классификации единиц лексики в целом и синонимов в частности не всегда является достаточно последовательным. Для классификации лексики может использоваться ряд разнородных критериев, которые мыслятся как равноправные, как-то: сфера употребления (общеупотребительная и специальная лексика), происхождение, произношение и написание, значение, регион употребления (связь с диалектами), социальный фактор (например, арготизмы), частотность, грамматические свойства, а также сочетание нескольких параметров. Такой подход представлен, например, в работах японских лингвистов Хаяси, Сакураи и Касуга [3; 4]. Однако нам кажется более правильным признать первоочередным фактором классификации лексических единиц именно значение слова, отведя остальным факторам роль вспомогательных.

Кунихиро Тэцуя предлагает классификацию лексического состава, основанную на значении отдельных единиц. Согласно этой классификации, группа слов, у которых общим является по меньшей мере один компонент значения, образует семантическое поле. Отношения единиц внутри семантического поля могут быть нескольких видов, причём автор классификации проводит различие между отношениями гипонимическими (отношение общего к конкретному) и синонимическими, при которых семантические области членов одной пары в определённой степени совпадают [5. С. 227]. Однако мы считаем, что в случае глагольной синонимии гипонимические отношения между простым глаголом и образованными от той же основы сложными глаголами можно рассматривать и как гипонимические, и как синонимические.

Классификация синонимов, предлагаемая М. Токугава и Т. Миядзима [6], базируется на двух критериях: близости лексических значений синонимов и их стилистической отнесённости. По близости лексических значений абсолютные синонимы (*до:гиго*, «слова с одинаковым значением») противопоставляются «просто синонимам» (*руйгиго*, «слова со сходным значением»). На материале последних, в свою очередь, выделяются три возможных варианта:

- значение первого слова шире, чем значение второго (*мицукэру* «увидеть, найти» и *хаккэн-суру* «заметить, обнаружить»);

- области значений частично перекрываются, то есть содержат интегрирующие и дифференцирующие значения (*агару* «подниматься, идти вверх» и *нобору* «идти вверх, взбираться») и

- области значений не перекрываются, однако в повседневной речи может происходить взаимная замена слов (*тю:ся-суру* «припарковать машину» и *тэйся-суру* «остановить машину»).

Последний вариант, очевидно, иллюстрирует концепцию авторов о плавном переходе, который совершается в пределах одного синонимического ряда, от единиц с идентичным значением (*юрагу* – *юругу* «колебаться») через единицы со сходным значением (*фуруэру* «дрожать, трястись») к единицам, настолько отличающимся от исходных, что включение их в данный синонимический ряд представляется спорным (*ёромэку* «шататься; идти, шатаюсь»). Однако представляется, что если бы значения единиц не перекрывались, то и взаимная замена была бы невозможна. Вероятно, *тю:ся-суру* и *тэйся-суру* «остановить машину» следует рассматривать как идеографические синонимы. Кроме того, в двух первых случаях, видимо, сопоставляются общие суммы значений глаголов. В рамках же нашего исследования мы рассматриваем синонимию слов как синонимию в одном из значений, поэтому пары *мицукэру* – *хаккэн-суру* в значении «найти, обнаружить» и *агару* – *нобору* в значении «двигаться вверх» соответственно в нашем представлении могут считаться абсолютными синонимами.

В качестве второго критерия для классификации М. Токугава и Т. Миядзима рассматривают стиль (*бунтай*), в понятие которого включаются как преимущественная сфера употребления данного слова, так и его коннотации; таким образом, можно сказать, что функционально-стилевые и стилистические различия разграничены недостаточно чётко. Авторы выделяют три стиля: стиль повседневного употребления (*нитидзё: кайва*), которому противопоставляется стиль книжный (*бунсё:го*), наряду с достаточно употребительной лексикой включающий и редкие возвышенные обороты – *гаго*. Существует также стиль *дзокуго*, включающий в себя разговорную и просторечную лексику, в том числе сниженную.

В отечественном японоведении многомерная и детальная классификация синонимов для всех частей речи была разработана А.А. Пашковским [7]. Для нашего исследования мы принимаем эту классификацию, однако считаем необходимым внести в неё

некоторые коррективы. Следует также оговорить, что предметом нижеизложенной классификации являются языковые синонимы.

По классификации А.А. Пашковского выделяются четыре вида различий между отдельными синонимами:

- 1) материально-структурные качества (тип основ, структура слова или устойчивого словосочетания);
- 2) предметно-понятийная основа слова (что и как обозначено или выражено, какой признак лежит в основе названия),
- 3) стилистическая значимость (дополнительные значения, экспрессивно-эмоциональные оттенки),
- 4) сфера употребления (степень распространённости и закреплённости).

В соответствии с этим выделяются следующие типы различий между синонимами:

- 1) материально-структурные, или материальные;
- 2) идеографические,
- 3) стилистические,
- 4) функционально-стилевые.

Поскольку масштабы нашего исследования не позволяют подробно рассмотреть межуровневую синонимию (в классификации А.А. Пашковского это синонимия слов и устойчивых словосочетаний, а также разных частей речи), в области материально-структурной синонимии основное внимание будет уделяться сопоставлению слов этимологически разных пластов лексики (исконно японских слов – ваго, слов китайского корня – канго и заимствований из всех языков, кроме китайского, - гайрайго), а также полных и усечённых единиц, особенно распространённых в сфере гайрайго.

В области идеографических синонимов мы полностью принимаем классификацию, предлагаемую А.А. Пашковским, согласно которой выделяются четыре группы идеографических синонимов:

- 1) объём значений у сопоставляемых единиц одинаков:

Цудзуку – дзидзоку-суру «продолжаться, длиться»:

Донна канкё:-дэ мо, уруой-га цудзуку бихада-э. [Чтобы создать] прекрасную кожу, сохраняющую увлажнение в любых условиях (буквально «увлажнение продолжается») (Фрау, 30) – *Кокотийса-га итинитидзю: дзидзоку.* (Фрау, 30) Приятное ощущение длится целый день.

2) одно значение несколько шире или уже другого:

Каэру «возвращаться (домой, на родину)» – *китаку-суру* «приходить домой»: *Дзю:дзи горо-ни ва китаку-суру га...* (НН, 10) Около десяти часов возвращается домой. - *Каимоно-кара каэттэ кита онна-га...* *коэ-о какэта.* (НН, 6) Женщина, вернувшаяся из магазина... обратилась [к Тамако].

3) сравниваемые единицы соотносятся как частное и общее понятие:

Ню:ка-суру «поступать (о товаре)» - *хаиру* «входить, прибывать»:

"Косихикари"-но симмай-га хаиримасита (Д, 22) Поступил рис нового урожая марки «Косихикари». – *Ню:ка кикан митэй дэс.* (itmedia) Время поступления товара неизвестно.

4) в основе наименования единиц лежат разные признаки:

Ко:дза-кара о-канэ-о оросу/дасу Снимать (буквально: спускать/извлекать) деньги со счёта.

Однако мы считаем необходимым внести изменения в предлагаемую А.А. Пашковским классификацию стилистических синонимов. Прежде всего из неё следует исключить так называемые формы вежливости, которые мы, вслед за В.М. Алпатовым, рассматриваем как явление в первую очередь грамматическое, а не лексическое, поскольку данные формы образуются от большинства глаголов по регулярным моделям [8]. Лексические средства выражения общественных отношений находятся на периферии форм вежливости, причём доминантой синонимического ряда для них является не нейтральный в отношении вежливости глагол с тем же денотативным значением, а глагольная форма, образованная по регулярной грамматической модели.

В свою очередь, «грубые» формы явно лексического характера, исключаемые В.М. Алпатовым из системы форм вежливости, мы рассматриваем как стилистические и стилевые синонимы соответствующих нейтральных единиц.

Мы принимаем следующие типы стилистических синонимов, выделяемых А.А. Пашковским, а именно:

1. Противопоставление прямого названия косвенному переносному или метафорическому: *киэру* «исчезать» - *усаммусё:-суру*: «исчезать, развеиваться». *Амэрика-кара «дзю:»-га киэру* (название книги) В Америке исчезает свобода. - *Боку-но намида ва*

сякунэцу-сита тэппэн-ни хадзикарэтэ усаммусё:-суру суйтэки-но готоку дэ аро:. (ON, 3) Мои слёзы подобны каплям, которые испаряются, упав на раскалённое железо.

2. Оппозиция между нейтральными и эмоционально-экспрессивными единицами.

Карэ ва коросарэта то йу ханаси да (Ко:дзиэн) Говорят, что его убили. - *Буккороситэ яру!!! Убью!!!* (AJ, 129) (с эмфатическим префиксом)

Кроме того, мы считаем необходимым отнести к стилистическим синонимам нейтральных слов также архаизмы и неологизмы, поскольку их отличие от доминанты соответствующего ряда состоит именно в коннотативных компонентах.

Наконец, функционально-стилевые синонимы, по А.А. Пашковскому, образуются за счёт сближения общенародных слов и их эквивалентов из ограниченных сфер употребления (т.е. слов профессиональных, диалектных, жаргонных). Хотя функциональная отнесённость может сопровождаться стилистической отмеченностью, учёный считает целесообразным разграничение групп (3) и (4), так как синонимы этих групп находятся в разном отношении к доминантам соответствующих синонимических рядов.

При этом им выделяются следующие виды функционально-стилевых синонимов:

- а) просторечные слова, вульгаризмы, жаргонные выражения,
- б) официально-административная лексика,
- в) книжная, профессиональная лексика.

Представляется целесообразным выстроить классификацию функциональных стилей на основании изложенной выше японской традиции, а именно, противопоставить обиходный, просторечный и книжный стили. Книжный стиль может далее подразделяться по сферам употребления (и здесь официально-административная лексика займёт своё место в ряду других профессиональных подъязыков). Кроме того, включение в синонимические ряды жаргонных и диалектных слов оправдано лишь в тех случаях, когда они известны большинству представителей языкового сообщества и функционируют в системе общего языка (*кё:цу:го*).

Таким образом, для классификации глагольных синонимов в системе современного японского языка мы в целом принимаем систему критериев, предложенную А.А. Пашковским: выделяем

следующие типы различий между синонимами и, соответственно, типы синонимов как материально-структурные, или материальные, идеографические, стилистические и функционально-стилевые. Мы исключаем из разряда стилистических синонимов формы вежливости, рассматривая их как явление в первую очередь грамматическое, а не лексическое. В то же время мы считаем необходимым отнести к стилистическим синонимам неологизмы и архаизмы, не упоминаемые А.А. Пашковским. В классификации функциональных стилей мы опираемся на японскую традицию, выделяя обиходный, просторечный и книжный стили, последний из которых далее подразделяется по сферам употребления. Рассмотрение жаргонных и диалектных слов как стиливых синонимов нейтральных единиц считаем оправданным лишь в том случае, когда они могут считаться частью общего языка (кё:цу:го). Далее нами будет проведён анализ того, как материально-структурные различия синонимов соотносятся с идеографическими, стиливыми и стилистическими различиями.

Библиографический список

1. Коняхин В.А. Отношения синонимии и антонимии в японской лексике. *Язык и культура*. М., 1987. С. 97-106.
2. Сибата Такэси Гоирон-но хо:хо:. Токио: Сансё:до:, 1988.
3. Хаяси О:ки . Гои // Гэндай кокугогаку . Дай 2 кан. 1957. С. 95-125.
4. Сакураи Сё:дзо:, Касуга Сигэхару Нихонго-но хё:гэн то ко:дзо:. Токио: Со:бунся, 1981.
5. Кунихиро Тэцуя Аспекты семантики // *Языкознание в Японии*. М.: Радуга, 1983. С. 213-247.
6. Руйгиго дзитэн. Токио: То:кё:до:, 2002.
7. Пашковский А.А. Слово в японском языке. М.: КомКнига, 2006.
8. Алпатов В.М. Категории вежливости в современном японском языке. М.: КомКнига, 2006.

Список сокращённых наименований источников

1. AJ – Асита-но Дзё: - Тиба Тэцуя, Такамори Асао Асита-но Дзё:.. Дай 2 кан. Токио: Ко:данся Комиккусу, 1980.
2. Frau – Журнал «Frau», выпуск 12 за 2008 г.

3. НН – Цумура Сэцуко Хаха-но хя. Токио: Сю:эйся, 1987.
4. itmedia – Электронный ресурс Интернет:
<http://www.itmedia.co.jp/news/articles/1006/15/news033.html>
5. ON – О:э Кэндзабуро Окинава но:то. Токио: Иванами синсё, 1970.
6. Д – Сугу-ни цукаэру дзё:кю: до:си. Токио: Аруку, 2000.
7. Ко:дзиэн – Толковый словарь японского языка Ко:дзиэн. Электронная версия. Sharp, 2004.

Сведения об авторе

Кострова Мария Алексеевна
директор Японского центра НГЛУ им. Н.А.Добролюбова,
аспирант кафедры японской филологии
Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: mkostrova@yandex.ru

УДК 811.111'37:159.942

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ *HAPPINESS* (СЧАСТЬЕ) В
ФИЛОСОФСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Ф. БЭКОНА
(на материале повести Ф. Бэкона «Новая Атлантида»)**

И.Ю. Лавриненко, З.Е. Фомина

*Воронежский государственный архитектурно-строительный
университет, Воронеж*

В статье анализируется эмоциональный концепт счастье, вербализованный в повести Ф. Бэкона «Новая Атлантида», определяются его когнитивное содержание, особенности структуры, выявляется специфика рефлексии счастья в философской картине мира Ф. Бэкона.

Ключевые слова: счастье, Ф. Бэкон, эмоциональный концепт, субъект, объект, каузатор, социоцентризм.

**The Emotional Concept *Happiness* in the Philosophical Worldview of F. Bacon (based
on F. Bacon's "New Atlantis")**

Irina Lavrinenko, Zinaida Fomina

The article analyses the emotional concept *happiness* in the novel of F. Bacon "The New Atlantis," determining its cognitive content and elements of its structure, and demonstrating the distinctive nature of the concept's reflection in F. Bacon's philosophical worldview.

Key words: happiness, F. Bacon, emotional concept, subject, object, causator, sociocentrism.

Феномен счастья является предметом исследований ученых в области философии, этики, психологии, религии и мн. др. Не вызывает сомнения тот факт, что счастье является одной из основополагающих целей деятельности любого субъекта. Значимость исследования концепта **счастье** объясняется тем, что счастье входит в число «базовых эмоций» [1. С. 22]. Исследованию эмоционального концепта **счастье** посвящены труды многих лингвистов: З.Е. Фоминой [2], В.И. Шаховского [3], В.Г. Русакова [4], С.Г. Воркачева [5], Е.А. Мокшиной [6] и др.

Исследования эмоциональных концептов и средств их объективизации имеют особую научную ценность и актуальность, так как они отражают особенности эмоциональной сферы жизни в языковой картине мира, раскрывают уникальный источник знаний о

природе человека и сенсуалистических составляющих его жизнедеятельности.

Несмотря на достаточно многочисленные исследования концепта **счастье**, он до сих пор не служил предметом исследования в рамках философского дискурса. Обзор отечественных и зарубежных работ, посвященных исследованию концепта **счастье**, свидетельствует о том, что они выполнены, главным образом, на материале религиозного и литературно-художественного дискурса [1; 4]. Вместе с тем, результаты проведенного нами исследования убедительно показывают, что концепт **счастье** в философском дискурсе обладает целым рядом специфических когнитивных признаков и особенностями когнитивной архитектуры, что составляет *научную новизну* данной работы. Статья посвящена исследованию эмоционального концепта **счастье** в философском дискурсе Ф. Бэкона.

Достоверность исследования подтверждается обширным эмпирическим материалом, значительным количеством использованных лексикографических источников, большим объемом проанализированных контекстов, анализ которых позволил объективировать полученные результаты. *Цель* статьи состоит в том, чтобы определить специфику эмоционального концепта **счастье** в философской картине мира Ф. Бэкона, выявить и описать исследуемый концепт в аспекте определения особенностей его когнитивной структуры, семантического содержания (на основе анализа его концептуальных составляющих), и построить когнитивную модель эмоционального концепта **счастье** в философской картине мира Ф. Бэкона.

В современной когнитивной лингвистике, как известно, строго разграничиваются такие понятия, как *концепт*, *значение*, *слово*. *Концепт* трактуется как «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [7. С. 30]. *Значение* представляет собой отражение действительности, закрепленное языковым знаком, часть концепта, коммуникативно-релевантную для определенной лингвокультуры и связанную с функционированием соответствующей лексемы [7. С. 97-104]. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы полагаем, что вербализация концепта не является обязательным условием его существования и более полное выражение его

содержания осуществляется лишь совокупностью средств языка. Однако *слово* предоставляет нам доступ к концептуальному знанию, что дает возможность определить концептуальные признаки, которые непосредственно данное слово не называет. Языковая номинация раскрывает концепт как единицу мыслительной деятельности, «активизирует» его в процессе нашего мышления [7. С. 79]. Фундаментальные исследования концептов проводились Е.С. Кубряковой [8], Ю.С. Степановым [9], З.Д. Поповой, И.А. Стерниным [7], З.Е. Фоминой [10], [11] и др.

Исследование эмоционального концепта **счастье** в философском дискурсе Ф. Бэкона на материале повести «Новая Атлантида» проводилось в рамках *семантико-когнитивного* подхода, который предусматривал анализ лексем и их семем, участвующих в вербализации концепта **счастье**. Фелицитарные лексемы (от. лат. *filicio* - счастье), то есть лексемы, в денотативном значении которых актуализировалась сема «счастье», выявлялись на основе сплошной выборки в тексте повести "Новая Атлантида".

Концепт **счастье** в повести Ф. Бэкона «Новая Атлантида» вербализован лексемой *happu*. Проведенный лексикографический анализ лексем *happu* показал, что она используется для характеристики состояний живых существ и неодушевленных предметов, испытывающих, проявляющих или вызывающих чувства удовольствия, удовлетворения, а также места, времени, в котором люди ощущают радость и получают удовольствие [12. С. 582].

В результате семантико-когнитивного анализа вербализованного концепта **счастье** в философском дискурсе Ф. Бэкона нами были выявлены следующие доминантные типы «философского» счастья: *«финитное счастье»*, *«демократическое счастье»*, *«государственное счастье»*, *индивидуальное счастье*, *«островное счастье»*. Приведенные нами номинации типов **счастья** детерминируются, с одной стороны, спецификой содержания философски ориентированных контекстов в повести Ф. Бэкона «Новая Атлантида» с ключевыми словами *happu/happily*, в которых в качестве системообразующих и смыслообразующих элементов выступают такие понятия, как «демократия», «государство», «индивидуум», «остров» и т.п., с другой - семантической дистрибуцией лексем **happiness**, вербализующей исследуемый концепт. Эмоциональный концепт **счастье** представляет собой

сложную и гетерогенную структуру. Важное значение при определении и описании архитектоники концепта имеют *субъектно-объектные* и *каузальные* реляции **счастья**.

Итак, **«финитное счастье»** определяется на основе контекстуального значения счастья как *цели*, воспринимаемой человеком как причина всех его стремлений, смысл жизни (от лат. *finio* – оканчивать). В названии **«демократическое счастье»** заложены признаки народного счастья (демократия - греч. *δημοκρατία*— «власть народа»). **«Государственное счастье»** толкуется как счастье страны и народа в целом, как состояние организации жизни общества. Под **индивидуальным** счастьем подразумевается счастье определенной группы людей (путешественников). Это счастье частного характера по сравнению с **общественным** счастьем и обладает своими отличительными особенностями, что дает основание для выделения его как отдельной концептуальной модели. **«Островное счастье»** – счастье на ограниченной территории – острове. Оно коррелирует с представленным в повести «Новая Атлантида» благополучным состоянием некоего собирательного мифического места, райского уголка.

Концепт **счастье** в повести «Новая Атлантида» представлен с разной степенью эвиденциальности (от лат. *evidenter* - очевидным образом). Так, если **«государственное», «демократическое», индивидуальное счастье** является *реально* существующим состоянием народа, страны, группы людей, о чем свидетельствует их материальное, интеллектуальное или духовное благополучие, то **«финитное»** и **«островное счастье»** рефлектирует желаемое, *ирреальное*, мифическое состояние страны, острова. Отметим также, что выделенные типы счастья дифференцируются в данном случае по онтологическому критерию: реальность [конкретность] – ирреальность [абстрактность] счастья. Так, в повести присутствует упоминание о вполне конкретном, реально существующем, *жителейском* счастье. Рассмотрим пример, в котором вербализованный концепт **счастье** манифестируется как состояние государства, **«государственное счастье»**: *This king (Solamona), ... taking into consideration how sufficient and substantive this land was, to maintain itself without any aid (at all) of the foreigner; being five thousand six hundred miles in circuit, and of rare fertility of soil in the*

greatest part thereof; and finding also the shipping of this country might be plentifully set on work, both by fishing and by transportations from port to port, and likewise by sailing unto some small islands that are not far from us, and are under the crown and laws of this state; and, recalling into his memory the happy and flourishing estate wherein this land then was; so as it might be a thousand ways altered to the worse, but scarce any one way to the better; thought nothing wanted to his noble and heroical intentions, but only (as far as human foresight might reach) to give perpetuity to that which was in his time so happily established [13. С. 2]. – «Государь этот (Соломон), ... видя, сколь богата наша земля, и способна прокормиться без помощи чужеземцев, ибо имеет в окружности пять тысяч шестьсот миль и на редкость плодородную почву почти повсеместно; и сколько найдется дела нашим кораблям, как на рыбных промыслах, так и на перевозках из порта в порт или на небольшие острова, расположенные неподалеку от нас и принадлежащие нашему королевству; и сколь страна наша счастлива и благополучна; и сколько есть способов ухудшить это положение, тогда как едва ли найдется хоть один способ улучшить его — решил он, что для осуществления его благородной цели ...требуется лишь увековечить столь счастливое состояние» [14. С. 17]. В приведенном примере «государственное счастье» представлено как [реальное] состояние страны, неотъемлемыми составляющими в которой выступают «богатство», «независимость», «плодородность», «большая площадь», «развитое рыболовство, судоходство», «высшая степень благополучия». Таким образом, эмоциональный концепт **счастье**, каузаторами которого выступают вышеперечисленные константы, рассматривается как [реальное] состояние удовлетворенности людей материальными благами. Подчеркнем, что в данном примере страна является субъектом счастья.

Примером отдаленного от реальности счастья является «островное счастье». Оно представляет собой некий образ райского уголка, идиллии, блаженного места, оторванного от остального мира. Ср.: We said; "We well observed those his words, which he formerly spake, that this *happy island*, where we now stood, was known to few, and yet knew most of the nations of the world ... [13. С. 2] – «Нам запомнилось, — продолжали мы, — прежнее его замечание о том, что счастливый остров, где мы сейчас находимся, известен лишь немногим, хотя самим его жителям известна большая часть света»

[14. С. 13]. В данном контексте *субъектом* счастья является *остров*. *Каузатор* счастья не определен, так как счастье представлено как идеализированное состояние, существующее независимо от внешних обстоятельств.

Представленный в повести счастливый остров можно сравнить с мифической страной, находящейся в состоянии [ирреального] благоденствия. В данной репрезентации концепта **счастье** прослеживается аналогия с философским понятием «*остров блаженных*», о которых упоминает Геродот [15] - идеализированной, сакральной заморской страной, существующей где-то на краю земли или даже в ином мире, являющейся одним из символов рая в мифологии различных народов.

Наряду с существованием счастья как истинного [реального] и мифического [ирреального] состояния страны в философском дискурсе представлено «*финитное счастье*», занимающее промежуточное положение между вышеприведенными типами счастья. С одной стороны, «*финитное счастье*» обозначает несбыточное состояние страны, с другой - как реально существующее явление, поскольку из содержания контекста нам известны факты пребывания страны в благополучном состоянии в действительности. Таким образом, существование одновременно двух временных значений счастья создает тождественность плана, цели настоящего и будущего. Приведем пример: *This king had a large heart, inscrutable for good; and was wholly bent to make his kingdom and people happy* [13. С. 2]. – «Государь этот обладал *сердцем неистощимой доброты*; и цель своей жизни полагал единственно в том, чтобы сделать *страну* и *народ счастливыми*» [14. С. 17]. Как видно из приведенного контекста, *счастье* представлено как состояние страны, народа, которое стремится передать им государь, видя в этом цель своей жизни. Подтверждением и объяснением такого факта является обладание государем *сердцем неистощимой доброты*, то есть нескончаемым желанием совершать благородные поступки, действовать во благо своего народа. Именно эта нравственная характеристика государя является *каузатором* счастья. В качестве *объектов «финитного счастья»* выступают *страна, народ*. *Счастье* рассматривается как *цель*, то есть как *будущее*, а не как *настоящее* состояние страны и ее граждан, что придает ему свойства *футуристического* состояния.

Поясним, что с учетом контекстуального содержания является очевидным тот факт, что страна острова Бенсалем уже находится в состоянии высшего благоденствия [13. С. 2], [14. С. 17]. Поэтому сообщение о намерениях и усилиях правителя создает ощущение гипертрофированного счастья, его переизбытка, всеобъемлемости. Таким образом, отмечается образовавшаяся идентичность плана настоящего и будущего счастья в утопическом жанре, о чем упоминает С. Г. Воркачев, рассуждая об идеале, как о желанном будущем, а о счастье как о желанном настоящем [5. С. 69].

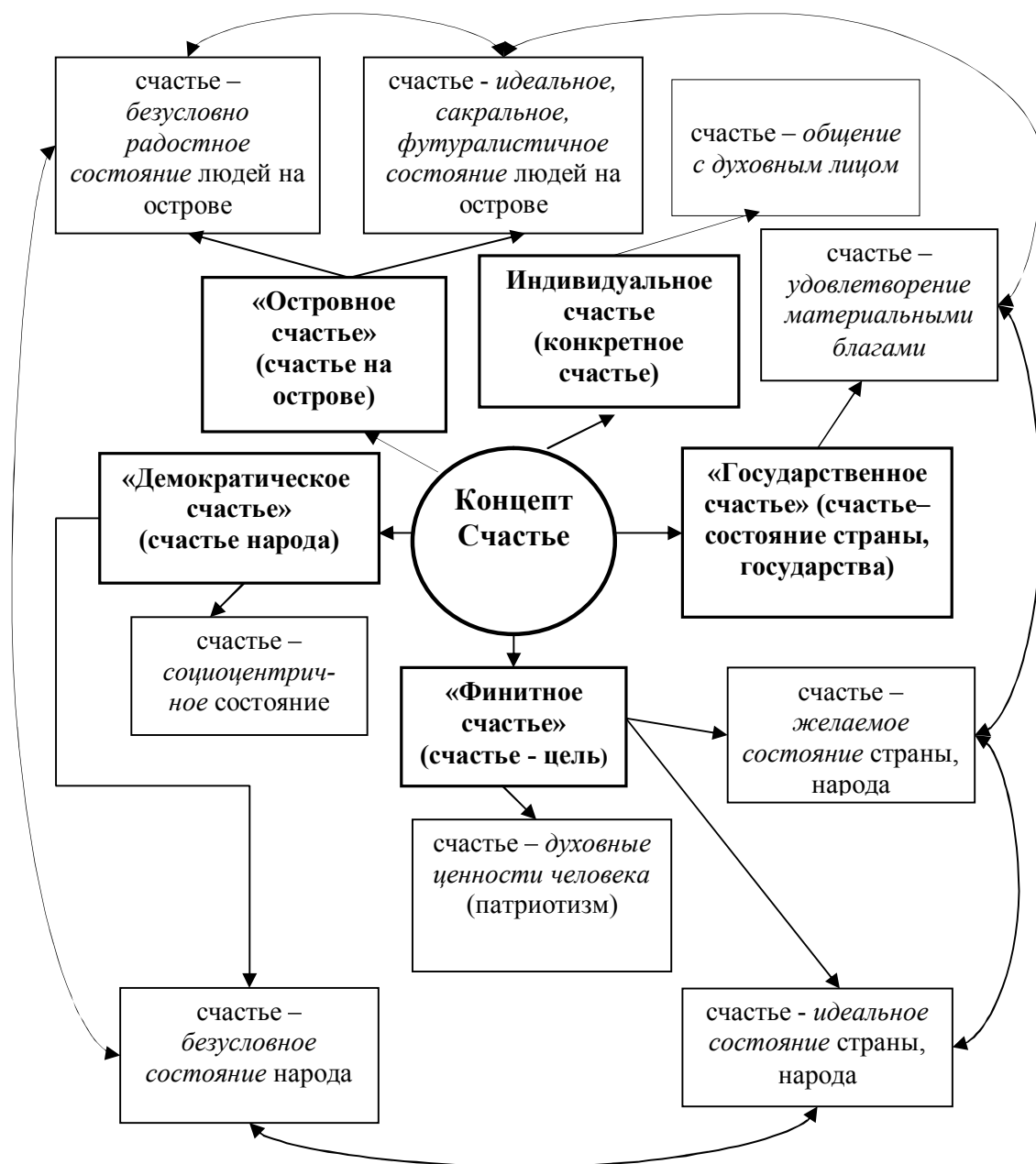
Рассмотрим «*индивидуальный*» тип счастья, которое [счастье], в отличие от «*финитного*» и «*островного счастья*», представлено как удовлетворение отдельного количества людей вполне конкретными обстоятельствами, выделяющими их из числа других. Рассмотрим пример: "Ye are *happy* men; for the Father of Salomon's House taketh knowledge of your being here, and commanded me to tell you that he will admit all your company to his presence, and have private conference with one of you, that ye shall choose: and for this hath appointed the next day after tomorrow [13. С. 3]. – «Счастливы вы (путешественники, прибывшие на остров); ибо отец Соломонова дома, узнав о вашем пребывании здесь, приказал передать, что примет вас всех и побеседует с одним из вас, по вашему выбору» [14.С. 25]. В данном примере люди обретают счастливое состояние, которое выражается в возможности общения с духовным лицом (правителем Соломонова дома), что разрешено только избранным. Получение такой возможности выступает в качестве *каузатора* счастья. *Субъектами* и *объектами* счастья являются люди (путешественники), которые удостоены чести (радости) встретиться с отцом Соломонова дома. Отметим, что путешественники не заявляют о своем пребывании в счастливом состоянии: оно им предписывается со стороны другого человека – правителя, то есть в данном примере отмечается возможность обретения счастья, а не его реальное воплощение.

По нашим наблюдениям, концепт счастье в философском дискурсе структурируется на основе пяти базовых фреймов, к числу которых относятся: «*финитный*», «*демократический*», «*государственный*», «*островной*», «*индивидуальный*». В этой связи представляется важным заметить, что номинации типов счастья, рассмотренные нами выше, и обозначения фреймов характеризуются

идентичностью. Это объясняется тем, что наименования фреймов определяются аналогичными когнитивными доменами: «Цель», «Демократия», «Государство», «Локус» [«Остров»], «Индивид». Опираясь на теорию М. Минского, фрейм (от англ. *frame* — «рамка») – это организация представлений, хранимых в памяти, структура знаний, информация об определенном фрагменте человеческого опыта [16. С.59]. Фрейм представляет собой фрагмент наивной языковой картины мира, структурирует соответствующую понятийную область (концептуальную сферу). Каждый из полученных фреймов посредством семантико-когнитивного анализа подразделяется на слоты, представляющие собой элементы ситуации, которые включают определенный аспект конкретизации фрейма [17].

Представим концептуальную модель **счастья** в философском дискурсе на материале повести Ф.Бэкона «Новая Атлантида» в виде схемы:

Концептуальная модель «Счастье» в философской картине мира
Ф. Бэкона

Как показано на схеме, концепт **счастье** в философском дискурсе имеет дискретную структуру, ядро которой образуют пять фреймов, конституируемых, в свою очередь, релевантными слотами. Гомогенные слоты разных фреймов обнаруживают между собой семантически обусловленные связи и корреляции. Так, в состав фрейма **«финитное счастье»** входят такие слоты, как: *«счастье –*

желаемое состояние страны, народа», «счастье – идеальное состояние страны, народа», «счастье – духовные ценности человека (патриотизм)». К фрейму **«демократическое счастье»** относятся следующие слоты: *«счастье – социоцентричное состояние», «счастье – безусловное состояние народа».* **«Островное счастье»** структурируется на слоты: *«счастье – безусловно радостное состояние людей на острове», «счастье – идеальное, сакральное, футуралистичное состояние людей на острове».* Фрейм **индивидуальное счастье** включает слот *«счастье – общение с духовным лицом».* Структуру **«государственного счастья»** составляет слот *«счастье – удовлетворение материальными благами».*

Отметим, что слоты эмоционального концепта **счастье**, образуя вершинные узлы фреймов, имеют общие области. Так, слоты фрейма **«островное счастье»** (*«счастье – безусловно радостное состояние людей на острове», «счастье – сакральное, футуралистическое состояние людей на острове»*) имеют общие области со слотом фрейма **«государственное счастье»** (*«счастье – удовлетворение материальными благами»*), а также со слотами фрейма **«финитное счастье»** (*«счастье – желаемое состояние страны, народа», «счастье – идеальное состояние страны, народа»*) и слотом фрейма **«демократическое счастье»** (*«счастье – безусловное состояние народа»*).

Полагаем, что такие когнитивно-гносеологические пересечения между слотами, относящиеся к разным фреймам концептуальной модели **«счастья»**, объясняются тем, что в описываемых слотах актуализируется состояние одного объекта – страны, представляющей некое сообщество людей (народа), проживающих на определенной территории – острове, поэтому счастье идеальной страны, обладающей высшей степенью достатка, и счастье народа – ее граждан - неразрывно связаны, одно не может существовать без другого.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что эмоциональный концепт **счастье** в философской картине мира Ф. Бэкона имеет ярко выраженную специфику, обусловленную особенностями философского дискурса, мировоззренческими взглядами философа, а также его личностным восприятием эмоционального мира человека. **Счастье** у Ф. Бэкона разнообразно по когнитивному содержанию:

оно может быть **«финитным», «демократическим», «государственным», индивидуальным, «островным»**. Когнитивная архитектура каждого вышеназванного типа **счастья** детерминируется, прежде всего, философски обусловленными признаками, представленными в оппозиции реальность - ирреальность. **Счастье** в философском дискурсе репрезентируется как *удовлетворение людей духовными благами, смысл человеческих устремлений*, которые состоят в сохранении и приумножении богатства, благополучия страны, народа. «Философское» **счастье** абстрагировано от мира, являет собой что-либо *идеальное*, выступающее при этом скорее *желаемым, возможным*, нежели реально существующим фактом. **Счастье** в философской картине мира Ф. Бэкона *социализировано*, оно выходит за рамки отдельной личности, характеризуется как некое генерализированное, сублимированное состояние, присущее *множеству людей (народу, стране, государству)*. **Счастье** в философском дискурсе рассматривается также как *прерогатива для избранных*.

Выявленные эпистемиологические особенности концепта **счастье** в философском дискурсе во многом отражают философскую концепцию самого Ф. Бэкона. Философ придавал большое значение внешним обстоятельствам (*каузаторам*), влияющим на счастье человека: фавору, благоприятным возможностям, случаю, человеческой добродетели, «тайным и скрытым достоинствам» как определенным проявлениям человеческой натуры [18. С. 113]. Однако ключевую роль в борьбе за счастье Ф. Бэкон отводил самому человеку, тем самым признавая значительное влияние самого индивидуума на степень собственной фелицитарности. Такая манифестация феномена **счастье** нашла отражение в знаменитом афоризме Ф. Бэкона «*Faber quisque fortunae suae*» – «Каждый кузнец своего счастья» [18. С. 113].

Библиографический список

1. Михайленко О.А. Лингвоэтическая картина мира: концепты: «счастье» и «блаженство» как семантические дуплеты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
2. Фомина З.Е. Релевантные признаки эмоционально-оценочной лексики как самостоятельного класса слов в лексической системе языка //

Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.1. Гуманитарные науки. Воронеж, 1996. № 2. С. 18-31.

3. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: ЛКИ, 2008. 208с.

4. Русаков В.Г. Концепт счастья в романах «Машенька» В. Набокова и «Вечер у Клэр» Г. Газданова // Электронный ресурс Интернет: <http://www.hrono.ru/statii/2001/gazdan13.html>.

5. Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 336 с.

6. Мокшина Е.А. Когнитивная метафора как средство объективизации эмоциональных концептов “Traurigkeit” и ‘Glück’ в немецкой, австрийской и швейцарской современной художественной картине мира (на материале произведений современной немецкой, австрийской и швейцарской художественной литературы): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 224 с.

7. Попова З.Д., Стернин И.А., Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проспект, 2001. 990 с.

10. Фомина З.Е. Урбанистическая природа и ее художественное отражение в пространстве южного города: реальное и мнимое (на материале новеллы Г.Гессе („Die Fremdstadt im Süden“)) // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2007. Вып. 2 (7). С. 8-23.

11. Фомина З.Е., Демидкина Е.А. Абстрактно-философские метафоры жизни в парадигме немецких и иноязычных афоризмов // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2008. Вып. 1 (9). С. 11-21.

12. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary / Cambridge University Press, 2005. 1584 с.

13. Bacon F. New Atlantis // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gramotey.com/books/1195196176.91.htm>

14. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Издательство Академии наук, 1962. 238 с.

15. Геродот. История в девяти книгах. Книга 3, Талия, 26 (перевод Г.А. Стратановского) // Электронный ресурс Интернет: <http://ancientrome.ru/antlitr/herodot/>

16. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Изд-во Флинта. Наука, 2008. 294 с.

17. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры // Электронный ресурс Интернет: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>

18. Лавриненко В.Н. Философия. Серия: Institutiones: Юристь; 1998. 197 с.

Сведения об авторах

Лавриненко Ирина Юрьевна
аспирант кафедры иностранных языков
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
E-mail: Lavrinirina1@yandex.ru

Фомина Зинаида Евгеньевна
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой иностранных языков
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
E-mail: sinaidafomina@gmail.com

УДК 811.111'367:159.942:324

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

А.А. Лаврова

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Нижний Новгород*

При воздействии на эмоциональную сферу аудитории ораторы используют структуры, деформированные относительно нейтрального ядерного предложения и реализуемые в состоянии эмоционального напряжения. В статье выделяются и описываются специфические синтаксические конструкции, манифестирующие эмоциональный компонент и его имитационную и собственно эмоциональную составляющие в политической речи.

Ключевые слова: политическая речь, предвыборные теледебаты, речевое воздействие, эмоциональный компонент, псевдоэмоциональная и собственно эмоциональная составляющие, деформированные структуры.

Syntactic Structures Manifesting the Emotional Component of Linguistic Manipulation in Political Speech

Anna Lavrova

Manipulation is the main objective of any political address. Deformed structures typical of emotional speech are intentionally used by professional rhetors to exercise effect on the audience's emotion. The paper identifies and defines emotional syntactic patterns as deviations from the "kernel sentence," manifesting the emotional component of manipulative speech and its pseudo-emotional, imitational, and genuine emotional constituents.

Key words: political speech, presidential debates, linguistic manipulation, emotional component, imitational and emotional constituents, deformed structures.

Основной целью политической речи является воздействие на аудиторию. При этом речевое воздействие оказывается в комплексе – как на сознание, так и на эмоции аудитории. Многочисленные исследования в области политической коммуникации свидетельствуют о том, что дифференцировать эмоциональный и рациональный компоненты воздействия крайне трудно. Анализ работ, посвященных данной проблеме, позволил выделить следующие существенные представления об особенностях реализации эмоционального компонента в политической речи:

1. Воздействие на эмоциональную сферу аудитории предполагает сходство ситуации реализации политического выступления и собственно эмоциогенной ситуации [1].

2. Эмоциональный компонент политической речи может иметь две составляющие: *псевдоэмоциональную* – связанную с сознательным моделированием, имитацией эмоций с целью воздействия на аудиторию, и *собственно эмоциональную* – связанную с отражением психологического состояния самого оратора [2; 3].

3. Средства выражения эмоциональности на разных уровнях (фонетическом, лексическом, грамматическом) связаны с различными видами *деформаций* нейтральных языковых единиц [4-13].

4. На синтаксическом уровне при воздействии на эмоциональную сферу аудитории используются специфические структуры, деформированные относительно нейтрального ядерного предложения и реализуемые в эмоциогенных ситуациях, в том числе, в состоянии аффекта. Под состоянием аффекта при этом подразумеваются принципиально нормальные функциональные состояния психики [3; 14-17].

Данные положения позволяют сформировать целостное представление о важнейших экстралингвистических и лингвистических факторах, обуславливающих реализацию эмоционального компонента в политической речи, и выявить специфические синтаксические формы, коррелирующие с имитационной и собственно эмоциональной составляющими.

Поставленная задача дифференциации имитационной и собственно эмоциональной составляющих потребовала выделения такого жанра политической речи, в котором эмоциональный компонент и его составляющие присутствуют с наибольшей степенью вероятности. В качестве такого жанра был выбран жанр предвыборных теледебатов.

С одной стороны, предвыборные теледебаты являются распространенным форматом политической речи и достаточно полно отражают ее основные особенности. С другой стороны, по ряду признаков (устная форма реализации, относительная спонтанность, наличие собеседника, прямой контакт с аудиторией в телестудии, проявление эмоциональной реакции аудитории, влияние аудитории и собеседника на эмоциональное состояние говорящего) ситуация предвыборных теледебатов сходна с ситуацией реализации

собственно аффективной речи, или речи, реализуемой в состоянии эмоционального напряжения [18].

Для выделения специфических лингвистических единиц, реализующих эмоциональный компонент и его собственно эмоциональную и псевдоэмоциональную составляющие в предвыборных теледебатах, в качестве инструмента была использована структурно-семантическая классификация аффективной речи, разработанная Т.Н. Синеоковой с целью прогнозирования психологического состояния говорящего и доказавшая свой прогностический потенциал [3; 17].

При сопоставлении высказываний, обнаруживающих отклонение от структуры нейтрального ядерного предложения, в аффективной речи и предвыборных теледебатах были выделены четыре группы конструкций: конструкции, тождественные в обоих типах речи, сходные конструкции с некоторыми структурно-семантическими отличиями, специфические конструкции аффективной речи и специфические конструкции предвыборных теледебатов.

Конструкции, входящие в вышеназванные четыре группы, рассматривались с точки зрения корреляции с основными психологическими состояниями, влияющими на структурные особенности речи в состоянии эмоционального напряжения, – состоянием эвстресса, поисковым состоянием и состоянием дистресса.

Конструкции, обнаруживающие полное или частичное совпадение с конструкциями, реализуемыми в аффективной речи, и используемые в психологических состояниях, связанных с сужением сознания на смысловой доминанте, затруднениями в выборе последующих компонентов речевой цепочки, разрегуляцией органов речи на моторном уровне и т.д., рассматривались как корреляты собственно эмоциональной составляющей эмоционального компонента. Конструкции, обнаруживающие полное или частичное совпадение с конструкциями, реализуемыми в состоянии эвстресса, связанном с воздействием, рассматривались как корреляты имитационной составляющей. Ниже приводится краткое описание выделяемых психологических состояний.

В *состоянии эвстресса* эмоциональные процессы оказывают благотворное влияние на речемыслительные процессы. Воздействие

на собеседника входит в интенцию говорящего и является одной из коммуникативных задач. В предвыборных теледебатах используются все признаки состояния эвстресса, реализующие *имитационную составляющую* эмоционального компонента воздействия.

К таким конструкциям относятся повтор-подтверждение / отрицание, повтор-побуждение, обрыв потенциального синтаксического целого, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв, вопросно-ответное единство, эллиптические предложения-эмфатизаторы, изолированные предложения-апеллятивы, несобственно-побудительные, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные предложения и эмфатизирующая инверсия [19]: McCain: We're not – we're not – we're not rifle shots here. We are Americans (разрыв-эмфатизатор) [20].

Синтаксические признаки, характерные для состояния эвстресса, используются всеми ораторами в анализируемых транскриптах теледебатов, что соответствует ожидаемому, поскольку воздействие на эмоциональную сферу аудитории входит в интенции выступающего. Частотность их употребления варьируется в пределах 33,5% (в выступлении М. Дукакиса) и 55,7% (в выступлении Дж. Кеннеди). Это означает, что псевдоаффективная (имитационная) составляющая эмоционального компонента представлена в выступлениях разных ораторов в приблизительно равной степени (прим. 1).

При *поисковом состоянии* говорящий стремится преодолеть деформирующее воздействие эмоциональных процессов на сознание. Выполнение коммуникативной задачи осложняется затруднениями в выборе смысловых и структурных компонентов высказывания, адекватных цели коммуникации. В предвыборных теледебатах используются все признаки, коррелирующие с поисковым состоянием и свидетельствующие о том, что оратор находится в состоянии эмоционального напряжения: ложный повтор, разрыв-паузатор, корректирующая инверсия и повтор-подлинный переспрос [19].

Разрыв-паузатор и ложный повтор являются тождественными признаками предвыборных теледебатов и аффективной речи, т.е. обнаруживают полное совпадение в особенностях употребления в обоих типах речи. Использование ложного повтора связано с нарушениями интеллектуальной деятельности мозга и с возникающими в связи с этим затруднениями в выборе последующих

компонентов высказывания. Повторы в данном случае позволяют говорящему собраться с мыслями, частично заполнить паузы хезитации: Carter: This is a – a typical attitude that really causes havoc in people's lives [20].

Разрыв-паузатор вызван затруднениями при поиске смысловых элементов, адекватных целям коммуникации. Содержание высказывания известно говорящему до момента речепорождения, затруднение вызывает лишь выбор отдельных конкретных единиц, передающих это содержание:

Bush Senior: And the formula I've given you works, we've put it through a good economic model, we've got good economists on the West Coast, Michael Boskin and Marty Feldstein up there who's a very respected economist in the – Massachusetts [20].

Корректирующая инверсия относится к группе сходных конструкций со структурно-семантическими отличиями, обусловленными различиями в ситуации реализации рассматриваемых типов речи. Ее использование связано со стремлением говорящего оформить высказывание (лексически и грамматически) адекватно целям коммуникации. В предвыборных теледебатах предложения имеют сложную структуру с несколькими придаточными и сочинительными частями. У говорящего возникает потребность уточнить какой-то фрагмент высказывания уже после его произнесения:

Bush Senior: And secondly, in terms of the cutting of the Coast Guard, the Democratic controlled Congress, so please help us with that, who cut \$70 million from the Coast Guard out of the interdiction effort on narcotics [20].

В рассматриваемых транскриптах теледебатов зафиксировано единичное использование повтора-подлинного переспроса в выступлении М. Дукакиса. Повтор-подлинный переспрос вызван стремлением говорящего уточнить смысл услышанного. Причиной подлинного переспроса в аффективной речи является состояние крайнего удивления, вызванного словами собеседника. Повторной реализации могут подвергаться элемент/элементы или вся реплика собеседника в целом:

O'Neill: Evans (tenderly). Ned told me – the secret – and I'm so happy, dear!

Nina (stammering). Ned told you – what? [21].

Сложность идентификации повтора-подлинного переспроса в выступлении М. Дукакиса вызвана тем, что в этом фрагменте теледебатов, по-видимому, присутствует сбой в транскрипте: Дукакис переспрашивает, журналист поясняет свои слова, далее фрагмент выступления, содержащий ответ оратора, отсутствует. Однако структурные характеристики высказывания (повтор фрагмента реплики собеседника с вопросительной интонацией, отсутствие собственной реплики после переспроса, последующее разъяснение собеседником элемента, вызвавшего удивление), а также причина возникновения – удивление, вызванное употреблением в контексте политического выступления такого эмоционально окрашенного прилагательного, как *passionless* (оратор не просто не понимает и хочет уточнить, а именно удивляется), – указывают на то, что это повтор-подлинный переспрос:

Jennings (journalist): The theme that keeps coming up about the way you govern is passionless, technocratic –

Dukakis: Passionless?

Jennings: Passionless, technocratic, the smartest clerk in the world. [Your critics maintain that in the 1960's your public passion was not the war in Vietnam or civil rights, but no fault auto insurance. And they say in the 1970's you played virtually no role in the painful busing crisis in Boston. Given the fact that a president must sometimes lead by sheer inspiration and passion. We need to know if this is a fair portrait of your governing or if it is a stereotype. And if it isn't fair, give us an example of where you have had that passion and leadership that sometimes a president needs?] [20].

Следует отметить, однако, что в предвыборных теледебатах оратор хорошо владеет материалом и ориентируется в ситуации. Низкая частотность употребления повтора-подлинного переспроса в предвыборных теледебатах объясняется тем, что круг обсуждаемых вопросов известен оратору, вопросы журналиста и комментарии оппонента, как правило, ему понятны, не вызывают у него удивления и не требуют дальнейших разъяснений. Тем не менее, в некоторых случаях и, возможно, в других жанрах политической речи (и это может быть проверено при расширении базы данных) переспросы, вызванные удивлением, по всей видимости, возможны. Использование повтора-подлинного переспроса в политической речи свидетельствует о том, что оратор находится в состоянии

эмоционального напряжения (поисковом состоянии). Косвенным подтверждением этого может являться наличие большого количества других структурных признаков, характерных для поискового состояния в выступлении данного оратора.

Конструкции, манифестирующие собственно эмоциональную составляющую, не отличаются высокой частотностью в предвыборных теледебатах, что свидетельствует о том, что ораторы, в основном, контролируют эмоции. Частотность данных признаков, определяющих степень присутствия собственно эмоциональной составляющей, отличается в выступлениях разных ораторов (например, 35,6% всех высказываний в выступлении Дж. Картера и 0,4% высказываний в выступлении Дж. Керри) и зависит, по-видимому, от ряда экстралингвистических факторов. В задачи данной статьи не входило установление причин высокой степени присутствия собственно аффективной составляющей в выступлении того или иного оратора. Расширение базы данных и анализ экстралингвистических факторов позволит определить, является ли степень присутствия собственно аффективной составляющей индивидуальной особенностью оратора или зависит от экстралингвистических факторов в каждой отдельной ситуации – темы высказывания, политической ситуации на текущий момент, реакции оппонента или аудитории и т.п.

В состоянии дистресса речемыслительная деятельность осуществляется в состоянии практически запредельного возбуждения или торможения. К признакам, коррелирующим с этим психологическим состоянием, относятся эхολалический повтор, артикуляторные персеверации, обрыв гипотетического синтаксического целого [3; 17].

Эхολалический повтор вызван сужением сознания говорящего на эмоционально доминирующем смысловом элементе, заключенном в реплике собеседника, и часто является произвольным и неосознанным:

O'Casey: Miss Mossie. ...And I've brought in a few kind friends to help me.

Mulligan (rising from his chair in blank surprise, and almost echoing Miss Mossie). A few friends to help you? [22].

Артикуляторные персеверации отражают существенные изменения в работе органов речепорождения в состоянии

эмоционального напряжения. Физиологические сдвиги, вызванные аффектом, ведут к нарушению дыхания, возрастанию напряженности мышц речевого аппарата, неспособности говорящего управлять ими:

Albee: Martha (a howl which weakens into a moan). NOOOOOOoooooo [23].

Обрыв гипотетического синтаксического целого (собственно обрыв) возникает в ситуации, когда аффективные процессы настолько деформируют мыслительную деятельность, что говорящий не в состоянии продолжить высказывание, предложение остается незавершенным в структурном и смысловом планах, и можно лишь догадываться о его содержании:

O'Neill: Nina (savagely). But you're – you're – I mean, you... (обрыв гипотетического синтаксического целого) [21].

Представляется естественным, что признаки, коррелирующие с состоянием дистресса, не зафиксированы в предвыборных теледебатах и классифицируются как специфические признаки аффективной речи.

Что касается специфических признаков предвыборных теледебатов (повтор-противопоставление, артикуляторная редупликация, корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители), то лишь об одном из них можно однозначно сказать, что он используется с целью эмоционального воздействия на аудиторию в силу его структурно-семантических особенностей. Это повтор-противопоставление, состоящий из двух синсемантических частей, одна из которых отрицательная, а другая – утвердительная. Функция повтора – эмфатизация одной из частей высказывания (чаще – утвердительной). При этом иницирующая реплика подвергается частичному дублированию с лексико-грамматической модификацией:

Carter: As a matter of fact – now – I don't advocate amnesty; I advocate pardon [20].

Статус таких специфических конструкций предвыборных теледебатов, как артикуляторная редупликация, корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители не однозначен.

Артикуляторная редупликация вызвана разрегуляцией органов порождения речи на моторном уровне и представляет собой механическую пролонгацию звуков, по всей видимости, не связанную с эмоциональным состоянием говорящего или его намерением воздействовать на аудиторию:

Ford: We have recommended that in the h- housing program we can reduce down payments and moderate monthly payments [20].

Корректирующий повтор (1) и материально избыточные паузозаполнители (2) имеют поисковый характер:

1) Obama: Now, in contrast, Sen. McCain wants to give a \$300 billion tax cut, \$200 billion of it to the largest corporations and a hundred thousand of it – a hundred billion of it going to people like CEOs on Wall Street;

2) Carter: And – and the whole uh subject of crime is one that concerns our people very much, and I believe that the fairness of it is – is what – uh – is a – is a major problem that addresses our – our leader and this is something that hasn't been addressed adequately by – by this administration [20].

На данном этапе исследования представляется невозможным однозначно определить, является ли возникновение корректирующего повтора и паузозаполнителей отражением эмоционального состояния говорящего, или же паузы, их заполнители, повтор в речи оратора в предвыборных теледебатах возникают в данном случае не под воздействием эмоций, а в результате того, что выступление является неподготовленным, спонтанным, высказывания носят развернутый характер и имеют сложную структуру. Правомерно предположить, что такие конструкции являются неотъемлемой чертой спонтанной речи вообще.

В пользу первого предположения (корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители являются структурами, продуцируемыми при поисковом состоянии) говорит то, что механизмы их реализации и внешние проявления похожи на механизмы реализации и внешние проявления признаков, коррелирующих с поисковым состоянием (ложного повтора, корректирующей инверсии, разрыва-паузатора). Кроме того, наиболее часто данные признаки встречаются в выступлениях ораторов, реализующих большое количество признаков поискового состояния (62,9% высказываний в выступлении Дж. Картера и 44,9% высказываний в выступлении Дж. Форда).

В пользу второго предположения (данные признаки являются характерной чертой неподготовленной спонтанной речи, их реализация не связана с *поисковым* психологическим состоянием говорящего) служит то, что они являются специфическими

признаками предвыборных теледебатов, не зафиксированными в аффективной речи. Возможно, это указывает на то, что существует некое *допороговое* психологическое состояние, которое может быть обозначено как пограничная зона между состоянием дистресса, поисковым состоянием и состоянием эвстресса, с одной стороны, и нормой, с другой стороны, экспонентами которого на лингвистическом уровне являются корректирующий повтор и материально избыточные паузозаполнители. Для решения этого вопроса требуется отдельное сопоставительное исследование аффективной речи, разговорной речи в целом и различных жанров ораторской речи.

Интересные результаты дало сравнение частотности употребления деформированных структур в предвыборных теледебатах и аффективной речи с целью выделения наиболее частотных признаков предвыборных теледебатов.

Наиболее частотными конструкциями в предвыборных теледебатах являются эмфатизирующая инверсия, уточняющий разрыв, потенциально сочиненные предложения, уточняющие и контактоустанавливающие материально избыточные элементы, а также смешанный повтор. Частотность их употребления в предвыборных теледебатах значительно превышает частотность их употребления в аффективной речи. Данные конструкции способствуют:

– эмфатизации высказывания за счет

а) переноса элементов в ненейтральную позицию (эмфатизирующая инверсия): Nixon: This we must get across to the world;

б) дублирования элементов (смешанный повтор): Bush Junior: In Iraq, no doubt about it, it's tough. It's hard work. It's incredibly hard;

в) выделения элементов в отдельное высказывание (уточняющий разрыв): Kennedy: Let me say there is only one uh – point I would add. That before we go into the summit, before we ever meet again, I think it's important that the United States build its strength; that it build its military strength as well as its own economic strength;

– уточнению элементов высказывания (уточняющий разрыв, смешанный повтор (см. примеры выше), уточняющие материально избыточные элементы): Ford: It has – uh left out some that I have recommended, unfortunately;

– усилению логических связей между предыдущим и последующим высказываниями (уточняющие материально избыточные элементы (см. пример выше), потенциально сочиненные предложения): Bush Junior: And so we began a new dialogue with North Korea, one that included not only the United States, but now China. And China's a got a lot of influence over North Korea, some ways more than we do;

– привлечению внимания слушающих к элементам высказывания (контактоустанавливающие материально избыточные элементы): Obama: Now, Sen. McCain and I do agree, this is the greatest nation on earth [20].

Некоторые конструкции аффективной речи (например, повтор-побуждение, вопросно-ответные единства, несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные, несобственно-побудительные предложения и др.) не отличаются высокой частотностью в предвыборных теледебатах, что не соответствует ожидаемому, поскольку они представляют собой известные со времен античности риторские приемы. Следует иметь в виду, что все участники предвыборных теледебатов – претенденты на пост президента и вице-президента США – политики с большим опытом выступлений перед аудиторией, демонстрирующие в этой сфере высокое мастерство. По всей видимости, оратор в данном жанре политической речи осознанно избегает чрезмерного употребления таких структур в связи с тем, что их воздействующий потенциал очевиден для аудитории и оппонента. Это свидетельствует о том, что в современных предвыборных теледебатах наблюдается явная тенденция к существенному сокращению частотности использования конструкций, являющихся популярными риторическими приемами и, соответственно, маркерами сознательного манипулирования аудиторией: McCain: You know who voted for it? You might never know. That one (вопросно-ответное единство) [20].

Таким образом, сопоставительный анализ структурных признаков аффективной речи и предвыборных теледебатов позволил выделить структурно-семантические признаки, реализующие эмоциональный компонент речевого воздействия и его собственно эмоциональную и псевдоэмоциональную составляющие, а также выявить современные тенденции конструирования политической речи.

Примечания

1. Подсчет статистических данных осуществлялся при помощи программы Access 2000. Для получения достоверных результатов база данных, насчитывающая 2444 высказывания, принадлежащих 12 ораторам, была предварительно подготовлена. Этап подготовки включал рандомизацию и выравнивание по оптимальному количеству высказываний на каждого оратора. После выравнивания выборки по представленности авторов в базе данных осталось 2420 высказываний.

Библиографический список

1. Труфанова И.В. Эмоции и речевые акты // Эмотивный код языка и его реализация: Кол. монография. Волгоград: Перемена, 2003. С. 54-64.

2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56-67.

3. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. 244 с.

4. Reuning K. Joy and Freud. A Comparative Study of the Linguistic Field of Pleasurable Emotions in English and German. Swarthmore, Pennsylvania, 1941. 153 p.

5. Денисов К.М. Соотношение лексико–синтаксических и интонационных средств в передаче эмоционального значения: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 271 с.

6. Юдина Н.Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 162 с.

7. Гриневич Т.С. Системные отношения внутри развернутого лексико–семантического поля: (На основе анализа английских слов, выражающих гнев) // Вопросы романо-германской и славянской филологии. Минск, 1975. С. 62–74.

8. Блох М.Я. Проблемы парадигматического синтаксиса. (На материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976. 444 с.

9. Носенко Э.Л. Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1979. 434 с.

10. Змеева Т.Е. ИмPLICITное выражение эмоций в функционально-коммуникативном аспекте. (На материале современного французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 19 с.

11. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: (На материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 383 с.

12. Адамчук Т.В. Тематизация эмоций в тексте. (На материале

современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1996. 189 с.

13. Сулова М.М. Речевое выражение аффекта // Университ. вестник. Москва, Смоленск, 2002. №1. С. 58-63.

14. Сулова М.М. Синтаксические конструкции аффекта в современном английском языке: Дис. ... канд. фил. наук. М., 1998. 162 с.

15. Спивак Д.Л. Политика и литература в контексте массовой психологии // Знамя. 2000. №8. С. 24-45.

16. Мажар Е.Н. Аффективно-манипулятивный компонент ораторской речи: На материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 177 с.

17. Синеокова Т.Н. Лингвистика измененных состояний сознания: Учебное пособие. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 151 с.

18. Лаврова А.А. Речевое воздействие в жанре предвыборных теледебатов // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. Вып. 4. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. С. 162-174.

19. Лаврова А.А. Синтаксические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи (на материале американских предвыборных теледебатов): Дис. ... канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2010. 223 с.

20. Стенограммы предвыборных теледебатов претендентов на пост президента и вице-президента США // Электронный ресурс Интернет: <http://www.debates.org/pages>

21. O'Neill E. Strange Interlude // Three Plays. New York: Vintage Books, 1958. P. 61-226.

22. O'Casey S. Bedtime Story // Collected Plays. London, 1951. P. 225-258.

23. Albee E. Who's Afraid of Virginia Woolf? New York, 1965. 242 p.

Сведения об авторе

Лаврова Анна Андреевна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Национального исследовательского университета –
Высшая школа экономики, Нижний Новгород
E-mail: annlav@mail.ru

УДК 811.112.2'367

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЕМА ПАРЦЕЛЛИРОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М.А. Марышова

*Российский государственный аграрный университет –
МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва*

В статье содержится краткий экскурс в историю изучения парцелляции зарубежными лингвистами и анализ примеров парцеллированных конструкций в английском языке на материале художественных текстов авторов, принадлежащих к различным историческим и литературным периодам. Представлены основные выводы и предположения относительно причин возникновения парцелляции в английском языке.

Ключевые слова: контекст, парцелляция, парцеллированные конструкции, подтекст, речевая ситуация, стиль.

Parceling in the English Language

Marina Maryshova

This article presents a brief research history of parceling by foreign linguists and case studies of parceled structures in English, based on literary texts from different historical and literary periods, and outlines basic assumptions and conclusions about the origins of parceling in English.

Key words: context, parceling, parceled structures, speech situation, style, subtext.

Явление парцелляции изучалось многими отечественными и зарубежными лингвистами. Среди французских ученых следует упомянуть имена таких исследователей, как М. Коэн, А. Доза, Ж. Дюбуа, Ж. Марузо. В немецкой лингвистике проблемами парцелляции занимались Х. Бекемюль, К. Боост, И.Ф. Кадэн, У. Хоберг, Л. Шпитцер, Г. Штарке и другие. В частности, Х. Бринкман говорит о том, что явление парцелляции является продуктивным способом языковой экономии и представляет собой одну из современных тенденций развития немецкого синтаксиса, так как широко используется в прессе, рекламе, а также в художественной литературе [1].

Следует отметить, что в британской и американской лингвистической литературе термин «парцелляция» не употребляется, построения данного типа определяются термином «phrase» и его производными (С.Г. Фрет, Х.С. Лодж, П. Робертс). Исследователи выделяют фрагменты предложений, оторванных от их центра, и

оформляемых пунктуационно как самостоятельные предложения. Данное явление рассматривается как стилистически отмеченное, используемое писателями для достижения определенных эффектов [2; 3]. Довольно часто в трудах как британских, так и американских лингвистов при описании относительно самостоятельного в коммуникативном плане отрезка речевой цепи, синтаксически и семантически зависящего от опорного, базового предложения, используются термины «fragmentary sentence», «sentence fragment» (С.Г. Фрет, Дж.Н. Хук, Х.С. Лодж, Е.Г. Мэтьюс, П. Робертс). Тем не менее, несмотря на свою неоднозначность, отмечается факт активного применения парцеллированных конструкций в текстах разных жанров и разных функциональных стилей. Ученые обращают внимание на то, что парцелляция является особым стилистическим приемом, позволяющим усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений, достичь экономии языковых средств за счет компрессии единиц плана выражения. Однако до сих пор существует много спорных вопросов, связанных с данным языковым явлением. В том числе нет однозначно положительной оценки использования приема парцелляции.

При анализе парцеллированных конструкций результативным оказывается обращение к текстологическому уровню, которое позволяет открыть новые грани в исследовании художественного текста: авторского стиля писателя, речевой характеристики персонажей, психологической составляющей литературного произведения. Установлено, что парцелляция как синтактико-стилистический прием стала широко употребляться в текстах, реализующих функцию воздействия, лишь в XX веке. Следует сказать, что стилистический аспект парцелляции недостаточно изучен. Упрощение структуры предложения сближает литературный язык с разговорным стилем, то есть делает его эмоциональнее, проще, понятнее.

Парцелляция представляет собой индивидуально-авторскую манеру членения текста в соответствии с идейным замыслом. В данной статье непосредственное внимание уделяется текстологическому анализу парцеллированных конструкций на примере произведений американских авторов Э.М. Хемингуэя [4; 5] и Д.Д. Сэлинджера [6], а также выдающегося английского автора-классика другого исторического и литературного периода Ч. Диккенса [7; 8]. Этот материал наиболее разнородный и

многогранный, так как именно в произведениях этих авторов парцелляция представлена во всем многообразии ее структурных, семантических и интонационных характеристик. Уже в XIX веке в романах Ч.Диккенса парцеллированные члены встречаются, в основном, в прямой речи или в диалогах, то есть речевых ситуациях, передающих и демонстрирующих различные эмоциональные состояния героев в процессе непосредственного говорения, например:

A profligate, sir, who has forfeited every claim not only upon those who have the misfortune to be of his blood, but upon society which knows nothing of him but his misdeeds. A liar too [...]

[...] and expressing myself in a most unpleasant snuffle? on the contrary, don't I see every reason why I shouldn't? just hear this! Ha ha ha! An't that as nat'ral as walking, and as good for the health? Ha ha ha! An't that as nat'ral as a sheep's bleating, or a pig's grunting, or a horse's neighing, or a bird's singing? Ha ha ha! Isn't it, mother?

В подобных речевых ситуациях авторское парцеллирование выполняет эстетическую функцию, которая заключается в более ярком изображении индивидуальной манеры говорения конкретного персонажа в определенной ситуации. Также в подобных примерах видно, как производится актуальное выделение одного из членов единой синтаксической структуры:

[...] Game! Seven-and-sixpence to me, old Isaac. Hand over.

Oh, very good, Sir! Oh, very good indeed! Quite eccentric! Dear me, what humour he has!

[...] he has an extraordinary flow of language. Beautiful, really.

Примеров парцеллированных членов вне речевых ситуаций немного, и их возникновение в текстах трудно назвать регулярным и вполне осознанно применяемым авторским приемом. Подобные случаи парцеллирования единичны.

В романе «The Pickwick Papers» встречается другой вид авторского парцеллирования. Через пунктуационный знак «тире» писатель выделяет отдельные междометия, лексемы, словосочетания или части предложения допарцеллированной структуры, и таким образом выстраивает целые абзацы текста, например:

Terrible place—dangerous work—other day—five children—mother—tall lady, eating sandwiches—forgot the arch—crash—knock—children look round—mother's head off—sandwich in her hand—no mouth to put it in—head of a family off—shocking, shocking! Looking at

Whitehall, sir?—fine place—little window—somebody else's head off there, eh, sir?—he didn't keep a sharp look-out enough either—eh, Sir, eh?

Очевидно последовательное деление текста на обособленные интонационно-смысловые части при сохранении общего вида единой семантической структуры.

Можно сделать вывод, что парцелляция как явление существовала уже в литературе XIX века, в частности, в текстах классика английской литературы Ч. Диккенса. Однако парцеллированные члены выделяются окказионально, и таких примеров немного.

Далее подробнее рассмотрим функционирование парцелляции в художественных текстах американских писателей XX века Э. Хемингуэя и Д. Сэлинджера как приема, создающего идиоматический стиль писателей. Необходимо отметить, что у каждого из авторов свои принципы, а также семантические особенности использования данного языкового приема. Проиллюстрируем парцелляцию в текстах Э. Хемингуэя следующими примерами:

He felt the sword go in all the way. Right up to the guard.

Since the end of fifteen. I started when he did. I remember having a silly idea he might come to the hospital where I was. With a sabre cut, I suppose, and a bandage around his head. Or shot though the shoulder. Something picturesque.

Как видно из примеров, содержание высказывания реализуется в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. В письменных работах интонационный раздел выражается точкой. Первая из двух интонационно обособленных частей обладает всеми признаками грамматизированного предложения. Другая часть не имеет вербально выраженных признаков предикации и выступает как усеченная конструкция – парцеллят. Это общая структурно-семантическая организация парцеллированных конструкций, но удастся выявить ряд особенностей, присущих различным их видам.

В произведении Э. Хемингуэя “The Big Two-Hearted River” отличительной чертой парцеллированных конструкций является то, что вычлененные элементы текста наиболее ярко выделяются из всей структуры текста, так как появляются фрагментарно и выполняют

особую функцию как для конкретной речевой ситуации, так и для всего контекста произведения.

Например, в конструкции *There were plenty of good places to camp on the river. But this was good. Hopkins gave away his. 22 caliber Colt automatic pistol to Nick. He gave his camera to Bill* парцеллируются части сложного предложения, также особым образом вычленяется отдельный элемент высказывания, на котором максимально концентрируется внимание реципиента как на особо значимом элементе не только для этой речевой ситуации. Конструкция строится по принципу коротких и информативных фраз, привлекая внимание адресата.

Необходимо отметить случаи парцеллирования, например, членов допарцеллированного однородного ряда. В предложении – *Some of them – I said – Some in Paris. Some in Berlin* автор правомерно мог поставить пунктуационный знак «запятая». Однако сознательно применяется прием парцелляции. Внимание читателя, с одной стороны, максимально привлечено к конкретным лексемам. С другой стороны, подчеркивается значимость всего высказывания. Парцелляты значимы не только для единичной речевой ситуации, но, прежде всего, для определенного контекста, возможно, для контекста всего произведения.

В примере *I mean who really? Certainly not Upton Sinclair. Certainly not Sinclair Lewis* высказывания являются достаточно сжатыми. Информативная емкость достигается благодаря авторскому парцеллированию, поскольку подтекст значительно расширяется за счет разнообразия интонирования. То есть, помимо актуализации нашего внимания, мы имеем возможность наиболее четко соотнести высказывание с той интонацией, которую вкладывает сам автор. Таким образом, парцеллированные конструкции – это многоуровневый знак. Благодаря особой индивидуально-авторской фразировке, интонационным паузам, особым интонационным конструкциям, переданным с помощью приема парцелляции, мы прочитываем наибольшее количество подтекстовой информации.

Из примера *He came down a hillside covered with stumps into a meadow. At the edge of the meadow flowed the river* становится понятным, что в случае необходимых семантических акцентов они парцеллируются на отдельные части, хотя допарцеллированная структура прозрачна и легко восстанавливаема: «He came down a hillside

covered with stumps into a meadow, and the river flowed at the edge of the meadow». Однако в этом случае семантика, а главное, акцентировка внимания, особая экспрессия парцеллированных предложений, естественно, исчезает.

В примере *He looked at the tent once more. All right. He took a full spoonful from the plate* парцеллированный член выделяется особым образом, и его основная функция состоит в регистрации потока сознания. Авторское описательное повествование словно разрывается внезапной мыслью героя, который, таким образом, из объекта описания превращается в активного повествователя. То есть в такой речевой ситуации прием парцелляции позволяет автору вести повествование в особом индивидуальном стиле. На первый взгляд может показаться, что это незначительный фрагмент структуры повествования. Однако именно благодаря парцелляту, который создает особую структуру текста, художественный образ становится активным соавтором.

Интересен также факт парцеллирования особых конструкций, в состав которых входят отглагольные формы на *-ing*:

Nick worked the trout, plunging, the rod bending alive, out of the danger of the weeds into the open river. Holding the rod, pumping alive against the current.

Looping in the line with his left hand. Nick swung the rod to make the line taut.

Эти конструкции интересны тем, что они обладают особой структурно-семантической организацией. С одной стороны, как отглагольные формы они дают возможность представить некое действие как одновременное всей происходящей ситуации или другим действиям. С другой стороны, конструкции максимально приближены к именованным, в которых сознание фиксирует и называет предметы по очередности их осознания.

Случаи иной функциональной нагрузки приема представлены в другом произведении Э. Хемингуэя "Green Hills of Africa". В диалоговых фрагментах внимание реципиента текста актуализируется на определенных членах конструкции, которые становятся парцеллятами:

В примере *Sure. I don't mean anything when I curse him* это вводное слово, которое парцеллируется, становится

актуализированным членом и, соответственно, получает свое собственное интонационное оформление.

В примере – *I know. But there were four big bull tracks. It's certain. If it wasn't for that lorry last night. What about staying there to-night!* с помощью приема парцеллирования расставляются четкие границы между частями сложного допарцеллированного предложения. Таким образом, автор передает характерные черты конкретной речевой ситуации. Ситуация диалога во многом подразумевает разговорный стиль. Однако именно прием парцелляции позволяет максимально точно передать интонацию с помощью авторской фразировки, а также расставить необходимые акценты. Важно отметить, что в английском тексте при парцеллировании сложных предложений внимание максимально актуализируется на союзе: *It is unnecessary. But tell me. Please tell me.*

В этом произведении автор чаще всего использует синтактико-стилистический прием в речевой ситуации диалога:

– *A seventy-pounder. Maybe smaller.*

No. Very nice. You will like him.

– *We destroy them in many ways. First, economically*

– *Fisi. Eats himself. Fisi.*

– *Belmonte and Pop. And you.*

– *We have fun though, don't we? Without all those people.*

– *Good, – said M'Cola feelingly in Swahili. – Better. Best. Tendalla, yes. Tendalla.*

– *Beautiful. Then lousy. You couldn't believe how lousy.*

– *They're beautiful. Really. For quite a while. Then they go bad.*

В примерах подчеркнута индивидуальная фразировка, благодаря парцеллированию расставляются особые семантические акценты в зависимости от конкретной речевой ситуации. С помощью превращения определенного (часто второстепенного) члена высказывания в отдельную интонационно-смысловую единицу автор, во-первых, акцентирует внимание читателя на семантике наиболее важного фразового элемента, во-вторых, на значении того подтекста, который может скрывать эта единица.

Далее будут рассмотрены авторские особенности использования парцеллированных конструкций у Д.Д. Сэлинджера в романе «Над пропастью во ржи». Интересна одна из характерных языковых черт, которую можно наблюдать в тексте этого писателя. Он создает целые

текстовые цепочки из парцеллированных конструкций, которые выделяются на фоне всего остального текста. Например, в конструкции *I was knocking myself out. Tap-dancing all over the place. He doesn't want me to be a tap dancer. He wants me to go to Oxford. But it's in my goddam blood, tap-dancing* очевидна многофункциональная нагрузка парцеллятов. Во-первых, они актуализируют внимание на конкретном члене высказывания, важном для общего контекста. Во-вторых, несмотря на расчлененность повествования появлением отрывка прямой речи, синтаксическая конструкция становится более логичной и емкой. В-третьих, с помощью парцеллирования создаются два информационных центра высказывания. Парцеллят, с одной стороны, стирает границу между повествованием от первого лица и непосредственно прямой речью. С другой стороны, без дополнительных авторских слов сигнализирует о переходе к иной форме повествования. Таким образом, конструкция является семантически цельной; у реципиента есть возможность максимально сконцентрироваться на самом тексте и глубже проникнуть в подтекст, выраженный парцеллированной конструкцией.

В следующем примере автор использует прием для максимально точного и яркого изображения манеры ведения разговора в конкретной ситуации диалога: [...] *Say he had a tie on that you liked a helluva lot—I'm just giving you an example, now. You know what he'd do? He'd probably take it off and give it ta you. He really would. Or—you know what he'd do? He'd leave it on your bed or something. But he'd give you the goddam tie. Most guys would probably just.* Здесь производится фактическая, сугубо индивидуальная фразировка с соответствующими акцентами, которые возможны благодаря нехарактерному дроблению синтаксической структуры. Благодаря такой авторской организации текста у адресата есть возможность наблюдать ситуацию со стороны, и в то же время он сам становится соучастником, превращаясь из адресата текста в участника речевой ситуации.

Итак, благодаря приему парцеллирования появляется возможность глубокого прочтения произведения на уровне текста, наиболее полной и точной интерпретации авторского замысла, а также подтекста художественного произведения. Следует отметить, что при использовании приема парцелляции четкая и более строгая по сравнению с русским языком синтаксическая структура английского

языка подвергается в определенной степени деструктурированию. Сама языковая система, синтактико-стилистические нормы и практика их употребления создают у носителей английского языка определенный навык реализации коротких предложений. Можно предположить, что это один из факторов, благодаря которому поддерживается легкость введения парцелированных построений в английский текст. Кроме того, английской пунктуации свойственна меньшая регламентированность, меньшая строгость пунктуационных предписаний по сравнению с русским языком. Поэтому можно высказать предположение, что носителям английского языка психологически легче отступать от правил с целью приблизить письменную речь к устной с помощью приема парцелляции.

Библиографический список

1. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2., neu bearb. und erw. Aufl. Düsseldorf: Schwann, 1971. 939 S.
2. Frett C.G., Lodge H.C. New Ways in English. New York, 1968. 234 p.
3. Roberts P. English Sentences. New York: Bantam Books, 1962. 429 p.
4. Hemingway E.M. A Farewell to Arms. Л: Просвещение, Ленингр. отд., 1971. 264 с.
5. Hemingway E.M. The Big Two-Hearted River. Электронный ресурс Интернет: <http://getparalleltranslations.com>
6. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. New York: Little, Brown Books, 1951. 173 p.
7. Dickens Charles. The Pickwick Papers // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/ebooks/580>
8. Dickens Charles. Old Curiosity Shop // Электронный ресурс Интернет: <http://etext.virginia.edu/toc/modeng/public/DicMast.html>

Сведения об авторе

Марышова Марина Александровна
аспирант кафедры связей с общественностью и
речевой коммуникации гуманитарно-педагогического факультета
Российского государственного аграрного университета –
МСХА им. К.А. Тимирязева
E-mail: alyenka@inbox.ru

УДК 811.112.2'42:82-561

ТОСТ КАК УСТНО-РЕЧЕВОЙ ДИСКУРС

Е.Ю. Мощанская, А.С. Савчук

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь

В статье рассматривается тост как жанр экспрессивной, направленной на стабилизацию отношений текста, эпидейктической речи и как дискурсивное событие. Последнее состоит из определенной последовательности речевых актов, включенных в интерактивный, коммуникативный и невербальный контекст.

Ключевые слова: тост, устно-речевой дискурс, жанр, речевой акт; речевое, дискурсивное, коммуникативное событие.

The Toast as a Type of Oral Discourse

Elena Moshchanskaya, Alexandra Savchuk

The article deals with the drinking toast as an expressive contact text type, epideictic speech, and a discursive event. The toast as a discursive event consists of a definite sequence of speech acts as part of the interactive, communicative and nonverbal context.

Key words: toast, oral discourse, speech act, genre; speech, discursive and communicative event.

Доминирование антропоцентрического подхода в лингвистике привело к изменению научной парадигмы. В фокусе внимания ученых находится речевая деятельность человека в совокупности с ее экстралингвистическим контекстом. Смена лингвистической парадигмы повлекла изменение парадигмы переводоведения. В качестве объекта устного перевода постулируется дискурс, понимаемый нами, вслед за Н.Д. Арутюновой, «как текст, взятый в событийном аспекте», как речь в виде «целенаправленного социального действия», как «компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [1. С. 136-137]. Именно поэтому представляется важным при обучении устному переводу развивать дискурсивную компетенцию студентов-переводчиков, используя в качестве средства обучения аутентичные видеозаписи конкретных дискурсивных событий.

Тост как дискурсивное событие до настоящего времени не был объектом анализа. Однако практика перевода показывает, что в рамках визита любой делегации переводчик встречается с этим жанром достаточно часто. Теоретическая значимость исследования

заключается в том, что авторами впервые представлен анализ аутентичной видеозаписи тоста как дискурсивного события и выделены конституирующие это событие речевые акты, дана классификация тостов.

Тост традиционно определяют как застольное пожелание, предложение выпить вина в честь кого-нибудь или чего-нибудь, здравицу [2. С. 805]. Анализ тостов, представленных в письменном виде, показал, что тосты можно классифицировать по теме, по форме предъявления, по наличию/отсутствию в основе прецедентного текста, по характеристике адресата и отправителя, по степени серьезности и т.д. По форме предъявления мы выделяем тосты в стихах и в прозе, по наличию/отсутствию в основе прецедентного текста различаем тост-речь и тост-историю, в зависимости от адресата тосты классифицируются нами как тосты, имеющие конкретного адресата, и тосты, обращенные ко всем присутствующим, при классификации по адресанту различаются тосты, произнесенные от первого лица и от группы / коллектива людей. Данный ряд классификаций может быть продолжен.

Вслед за Э. Рольфом, под типом текста понимается совокупное иллокутивное свойство определенного корпуса речевых жанров. Тост, наряду с приветственной речью, поздравлением, поздравительным адресом, выражением благодарности и т.д., можно отнести к экспрессивным стабилизирующим типам текста, направленным на поддержание контакта и отношений с адресатом. Лаудацио (Laudatio), хвалебная речь, может принимать форму тоста, если она произнесена за праздничным столом. Автор относит данный тип речи к стабилизирующим речевым жанрам, нацеленным на оценку заслуг адресата [3. С. 278-284].

С.В. Шаталова полагает, что тост является разновидностью риторического дискурса, эпидейктической речи. При этом эпидейктическая речь определяется автором как показательная, обращенная к внеязыковой действительности речь, дающая представление о морали и антиморали. В основе такой речи лежат ритуал и правила речевого этикета. Предметом эпидейктической речи является похвала (одобрение) или хула (порицание). С.В. Шаталова различает две разновидности эпидейктической речи: официальную и бытовую, и относит к ее жанровым признакам наличие повода, произнесение в торжественной обстановке, соблюдение системы

ролей, наличие четкой структуры, преобладание книжного стиля речи, наличие языковых выразительных средств. Основная цель речи – объединение аудитории в решении конкретных общественно-социальных или нравственных задач. Тост относится к малым формам хвалебной речи, он может быть произнесен как в официальной, так и неофициальной (бытовой) коммуникативной ситуации [4]. Таким образом, тост относится к экспрессивному типу текста, направленному на установление и поддержание контакта с адресатом, на создание определенного позитивного эмоционального настроения.

Одной из варьируемых типологических черт тоста является наличие в нем прецедентных текстов. На это указывает И.М. Заславская, которая, вслед за Г.Г. Слышкиным, понимает под прецедентными текстами «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающих ценностной значимостью для определенной культурной группы» [5. С. 28]. И.М. Заславская отмечает, что в качестве прецедентных текстов в тосте выступают анекдот, афоризм, пословица, притча, песня, стихотворение и другие. Прецедентные тексты в тосте могут быть трансформированы, что способствует созданию комического или иронического эффекта [6. С. 2].

Другой типологической чертой тостов является композиционное своеобразие. В случае, если тост звучит в прозе, он начинается с обращения, далее называется повод мероприятия, дается характеристика личности или события, звучат пожелания и поздравления. Тост традиционно заканчивается призывом осушить бокалы. И.М. Заславская представляет стандартную модель тоста, основу которого составляет прецедентный текст в виде афоризма, пословицы, анекдота или притчи. Далее следует комментарий к прецедентному тексту, относящийся к присутствующим в ситуации «здесь и сейчас», а затем звучит пожелание или призыв [6. С. 2]. К константным элементам композиции тоста следует отнести, таким образом, обращение, название повода произнесения речи, а также призыв поднять и осушить бокалы.

Наш анализ ста текстов на русском и немецком языках показал, что экспрессивный характер тоста находит выражение в наличии таких стилистических фигур и тропов, как гипербола, анафора, сравнение, метафора, метонимия, эпитеты, антитеза, перифраз, параллелизм и другие. Так, использование сравнений придает тексту

образность и живость: «Ich werd' nicht länger reden als ein einigermaßen hungriger Fuchs braucht, um eine fette Ente zu fangen!», «пусть жизнь в новом доме будет такой же приятной, как прогулка по весеннему цветущему полю». Синтаксический параллелизм используется для создания напряженности, нарастающей по мере приближения кульминационного момента, например: «Хочу прожить столько, сколько листьев на деревьях, хочу прожить столько, сколько песка в море, хочу прожить столько, сколько у меня друзей...». Употребление анафоры придает тексту связность и цельность, а также определенную повествовательность. Например, «umso glücklicher bin ich, dass Ihre Einladung, Herr Walter, ein opulentes Mahl beinhaltet, und umso zuversichtlicher bin ich, dass wir trotz des Hotelfrühstücks morgen bester Laune in die Verhandlungen gehen können...». Антитеза позволяет за счет противопоставления подчеркнуть наиболее важные и значимые детали. Например: «Neue Technik, neuer Chef – aber immer noch die alte Firma».

Любой тост ритуализирован в той или иной степени, которая может различаться в зависимости от культуры. Как известно, в немецкой культуре нет тамады, а тосты не являются обязательным жанром во время застолья. В случае, если они произносятся, они могут быть кратки и состоять только из одного-двух слов, например: Prost! Prosit! Auf's Wohl! Гости при этом не обязательно сидят за столами, они могут свободно передвигаться по помещению. Закуски к спиртному не обязательны, часто на приемах предлагается лишь бокал шампанского или сухого вина [7].

При рассмотрении тоста в совокупности с экстралингвистическими факторами в конкретной ситуации общения тост может быть охарактеризован как речевое либо дискурсивное событие. Мы придерживаемся мнения большинства лингвистов, которые разделяют понятия *речевой акт*, *речевое* и *дискурсивное событие*. Если речевой акт трактуется как единичное целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [8.С. 412], то речевое событие – это событие, объединенное общей целью, темой, тоном, стилем и обстоятельствами общения, в котором участвуют одни и те же участники, следующие одним и тем же правилам интеракции. Речевое событие по объему больше, чем речевой акт, оно может включать несколько речевых актов.

Дискурсивное событие также включает несколько речевых актов, но все они направлены на достижение общей коммуникативной цели и расположены в определенной последовательности [9. С. 30-31].

Таким образом, при рассмотрении тоста как речевого события внимание фокусируется на его речевой реализации в рамках коммуникативного контекста. При изучении тоста как дискурсивного события во главу угла ставится последовательность и функция речевых актов, а также их креолизованный характер, а общий акцент смещается с времени и места общения на то, кто это сказал, кому, как, о чем, с какой целью [10. С.14].

В ситуации устного последовательного перевода тост представлен переводчику и адресатам как устно-речевой дискурс в виде прерывистого потока речи говорящего в совокупности с паралингвистическим, невербальным, ситуативным и интерактивным обрамлением и контекстом. Вслед за Чейфом, мы выделяем такие свойства устного дискурса, как синхронизация процессов порождения и понимания речи, фрагментация потока речи, наличие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве, вовлечение говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений первого и второго лица, указаний на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата. В ситуации устной речи широко используются жесты и другие невербальные средства общения [11]. В синтаксическом плане устная речь, как правило, характеризуется доминированием коротких предложений, обилием незаконченных синтаксических построений, малым количеством причастных и деепричастных оборотов, использованием преимущественно активных конструкций. Вследствие синхронизации процессов мышления и говорения мысль говорящего не всегда оформлена логически корректно, то есть в речи наблюдаются самоперебивы, повторы, паузы и заполнители пауз [12. С. 16-17].

Обратимся к анализу видеозаписи тоста, произнесенного президентом Ландтага Нижней Саксонии Германом Д. в день подписания соглашения о сотрудничестве между депутатами Законодательного собрания Пермского края и депутатами Ландтага Нижней Саксонии в рамках визита делегации Ландтага в Пермский край.

Для транскрипции тоста мы использовали простую систему записи устного текста, в которой каждый сегмент устного

высказывания начинается с новой строки. Для обозначения пауз нами использованы три типа обозначений ξ – очень короткие паузы (менее 1 секунды), | – короткие паузы (приблизительно 1 секунда), || – длинные паузы (более одной секунды). Логические ударения мы маркируем жирным шрифтом, восходящий или нисходящий тон стрелками \uparrow или \downarrow соответственно. Экстралингвистические элементы и средства невербального общения помечаются в скобках, например (кашляет). Жесты маркированы в зависимости от значения УЖ – указательные жесты, ИЖ – изобразительные, ЛСЖ – логико-структурные жесты, АЖ – акцентирующие жесты. В целом анализируемый нами тост состоит из 21 элементарной дискурсивной единицы.

Контекстуальный анализ дискурсивного события «тост» показал, что можно выделить дальний и ближний интерактивный контексты (термин наш – Е.М.). Дальний интерактивный контекст дискурсивного события тост определяется рамками соглашения о сотрудничестве, подписанного в 1993 году делегациями земли Нижняя Саксония (Германия) и Пермской области (Россия). Ближний интерактивный контекст заключается в посещении делегацией ряда пермских учреждений и организаций и ее участии в конференции «Педагогика памятных мест». В день произнесения тоста произошло подписание нового варианта соглашения о сотрудничестве между землей Нижняя Саксония и Пермским краем, мероприятие завершилось торжественным ужином в честь этого события. Дискурсивное событие «тост» явилось частью коммуникативного события «торжественный ужин». В связи с вышесказанным анализируемый нами тост мы рассмотрим далее как вид институционального политического официального стабилизирующего экспрессивного устно-речевого дискурса.

Специфической чертой институционального дискурса является то, что субъекты коммуникации выступают в первую очередь как носители определенного статуса. Статусный характер находит выражение в том, что тост произносит глава делегации, точно так же как и ответный тост произносит председатель Законодательного собрания. На речевом уровне эта характеристика реализуется в выборе обращения: *Liebe Damen und Herren!*, в добавлении титула «госпожа» при обращении к партнерам, например, *Frau Regner*, в назывании группы депутатов делегацией - *die deutsche Delegation*. В

невербальном поведении главы делегации преобладают маркеры уверенности и высокого статуса: опора на обе ноги, высоко поднятая голова, распрямленные плечи.

Принадлежность к политической сфере выражена в употреблении наименований политических органов Ландтаг (Landtag), парламент (Parlament), политических терминов: выборы в Ландтаг (Landtagswahl), работа в парламенте (Parlamentsarbeit), взаимопонимание народов (Völkerverständigung).

Стабилизирующий характер тоста находит отражение в наличии речевых актов благодарности, интереса и позитивных эмоций, признания значимости партнера, надежды на доброе сотрудничество. Например, речевые акты благодарности обрамляют тост-высказывание гостя. В начале тоста звучат слова благодарности за гостеприимство и приглашение: *Ich will die Gelegenheit nehmen, mich zu aller erst für die Gastfreundschaft zu bedanken, für die Einladung, die wir erhalten haben, dass wir als deutsche Delegation hier nach Perm fahren konnten.* В конце тоста г-н Д. благодарит за организацию конкретное лицо – г-жу Регнер: *Es haben auch ja viele mitgeholfen, dass es ein Erfolg wird und in besonderer Weise darf ich auch Frau Regner nennen, die uns ja hier das alles vorbereitet hat, und wir sind alle sehr dankbar dafür, das will ich ausdrücklich noch mal betonen.*

Значимую роль в стабилизации отношений между депутатами Ландтага и Законодательного собрания сыграли речевые акты выражения интереса и позитивных эмоций: *Umso interessierter, umso spannender war es für uns doch hier auch zu sehen, was uns hier erwartet und wir sind im hohen Maße wirklich positiv überrascht.* Этой же цели отвечает речевой акт признания значимости партнера, выражаемый формулой *Ich bin okay, Du bist okay.* Так, говоря о том, что Россия – это не только промышленность и экономика, оратор называет фамилии известных русских писателей и композиторов, творческие коллективы: *Auch da geht mir durch in Kopf, dass über die Zusammenarbeit im wirtschaftlichen Bereich hinaus auch andere Dinge mit dazu gehören müssen. Das ist der Bereich der Kultur, das ist der Bereich... auch in diesem Fall in Russland will ich es gerne verbinden auch mit Namen. Ich denke dabei an Tolstoj, an Tschajkovskij an Dostojevskij, an das russische Ballett, an den Don-Kosaken-Chor. Das sind, glaube ich, auch Dinge, die miteinbezogen werden müssen über die rein wirtschaftlichen Fragen.*

Стабилизирующую роль играет один из заключительных речевых актов, основная функция которого - выражение надежды на доброе сотрудничество: *Wir sind Montag Nacht als Neugierige gekommen und ich bin davon überzeugt, dass wir also reich Beschenkte Freitag wieder nach Hause fliegen können und verbinde das gern mit der Hoffnung, dass wir das, was wir jetzt erneut mit der gemeinsamen Erklärung bestätigt und unterschreiben haben, auf einen guten Weg bringen wollen und noch mal mit neuen Aktivitäten auch begleiten wollen.*

Своеобразие тоста, произнесенного в официальной обстановке, состоит в том, что, по сравнению с другими жанрами официальной речи, тост обладает экспрессивностью и эмоциональностью, которые обусловлены тем, что предмет высказывания являются, по сути, чувства и эмоции оратора. Это находит выражение как на невербальном (достаточно оживленная мимика, подкрепляемая жестикуляцией), так и на вербальном (эпитеты, слова, обозначающие эмоции, устойчивые эмоциональные состояния) уровнях. Эмоциональное состояние г-на Д. во время произнесения тоста демонстрирует наличие позитивного эмоционального настроения, что выражается в улыбке, ориентации на публику, открытой позиции, демонстрации открытых ладоней. В рамках произнесения первой фразы, например, оратор все время улыбался.

1. Meine ↑ | (ИЖ) (улыбка)

lieben Damen und Herren, liebe **Gäste**, ↑ || (улыбка)

ich will gern die Gelegenheit ↑ ξ (опускает взгляд вниз) (улыбка)

auch jetzt | (улыбка)

nehmen, ↑ || (улыбка)

mich | (поднимает взгляд) (улыбка)

zu aller erst ξ (ЛСЖ) (улыбка)

für **die Gastfreundschaft** zu bedanken, ↑ | (улыбка)

für **die Einladung**, die wir erhalten haben, ↑ | (улыбка)

dass wir als deutsche Delegation ξ (улыбка)

hier nach Perm fahren konnten. ↓ || (улыбка)

Невербальное сопровождение подкреплялось вербальным выражением эмоций. Так, описывая свои впечатления от пребывания на пермской земле, оратор отмечает: «...мы достаточно сильно и действительно приятно удивлены» (*wir sind im hohen Maße wirklich positiv überrascht*). К другим маркерам эмоциональности относятся слова *интересно, увлекательно, задумчиво, ужасно, глубоко*

тронуты, впечатляющее качество (interessant, spannend, positiv überrascht, nachdenklich, im positiven Sinne, das schreckliche Geschehen, die beeindruckende Landschaft, tief beeindruckt, in beeindruckender Qualität) и так далее.

В качестве используемых автором средств экспрессивности следует назвать такие стилистические фигуры и тропы, как параллелизм: «welches unglaubliche Leid damit auch über viele Familien, viele Millionen Menschen hereingebrochen ist und welches Unrecht auch damit verbunden war»; инверсия: «Bergen-Belsen kennen wir»; метафора: «Kein Land dieser Welt kann vor seiner eigenen Geschichte weglaufen»; эллипсис: «alles Gute für die Zukunft, weiter gute Zusammenarbeit»; антитеза: «den Frieden will und nicht den Krieg» и др.

На синтаксическом уровне следует отметить большое количество придаточных предложений, встречаются распространенные определения или пассивные конструкции. В связи с тем, что речь оратора не была подготовлена заранее, она изобилует повторами, исправлениями, паузами хезитации, во время которых оратор обдумывает свой дальнейший пассаж.

Nun mag es auch (ИЖ) zeitlicher Zufall sein, ↑ ξ
aber wir haben Gelegenheit ja auch gehabt, auch АЖ) Gelegenheit gehabt, ↑ |

kurz an dem Symposium teilzunehmen, ↓ |
was die Zusammenarbeit (ЛСЖ) zwischen Bergen-Belsen und auch
|hier Perm ξ
im Hinblick auf die Gedenkstättenarbeit anbelangt. ↑ ||

Рассмотрим некоторые позиции фонологического и паралингвистического уровня тоста. Темп речи оратора отличается неровностью: одни предложения он произносит быстро, другие медленно, с расстановкой. Средний темп речи составляет 4,6 слогов в секунду. Однако оценка темпа речи является субъективным параметром, так, мы не можем определить, является ли такой темп речи естественным для автора или же это следствие каких-либо факторов, например, волнения или показателем интереса к теме высказывания. В качестве маркера степени значимости информации для оратора, а также показателем сформированности риторической компетенции выступает логическое ударение. Г-н Д. является опытным ритором, слушающий без труда вычленяет слова, на

которые оратор делает особый акцент. Как правило, эти же слова он выделяет с помощью жестов-иллюстраторов. Например:

Wir haben gestern (АЖ) ja bereits interessante Gespräche auch in den ↑ ξ

Arbeitsbereichen (АЖ) gehabt. ↓ Auch, ↓||

dennoch (АЖ) will ich auch betonen. ↓ ξ

Es hat sich auch gezeigt, ↓ |

die Themenvielfalt (ИЖ) ist so ausgeprägt ↑, dass die Zeit gar nicht ausgereicht hat.

В целом можно отметить, что речь г-на Д. сопровождается умеренной жестикуляцией. Жесты исполняются, как правило, левой рукой, реже двумя руками. В общем и целом нами были выделены следующие жесты-иллюстраторы: 30 акцентирующих жестов, 17 – указательных, 14 – изобразительных и 11 логико-структурных жестов.

Представленный анализ дискурсивного события *тост* может использоваться на занятиях по устному последовательному переводу в рамках развития специальной составляющей переводческой компетенции. Мы полагаем, что описание любого устного жанра как дискурсивного события должно включать характеристику интерактивного и коммуникативного контекстов, типологических характеристик на уровне сферы общения, макроуровне (композиция и последовательность речевых актов) и микроуровне (лексика, синтаксис, фонология и паралингвистика). Развитие умений предпереводческого анализа дискурса является одной из предпосылок создания качественного варианта перевода.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
3. Rolf E. Die Funktionen der Gebrauchstextsorten. Berlin, New York: de Gruyter, 1993. 339 S.
4. Шаталова С.В. Эпидейктические жанры речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 24 с.
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 128 с.

6. Заславская И.М. Прецедентные тексты в тостах // Электронный ресурс Интернет: www.nbuu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Rli/2008_12/zaslavskaya.pdf.

7. Kotthoff H. Trinkspruche als Interaktionsrituale. Aspekte der Unterstützungshöflichkeit im georgisch-deutschen Vergleich // Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und DaF-Unterricht. Peter Lang, 2009. S. 77-97.

8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

9. Байрак Н.В. Особенности организации дискурса в ситуации приглашения в британской языковой культуре: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 215 с.

10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДКГ «Гнозис», 2003. 280 с.

11. Chafe W. Discourse, consciousness, and time. Chicago: University of Chicago, 1994. 327 p.

12. Бройниг Г. Руководство по ведению переговоров. М.: Инфра-М, 1996. 112 с.

Сведения об авторах

Мощанская Елена Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент Пермского государственного
политехнического университета
E-mail: mosch@yandex.ru

Савчук Александра Сергеевна
студентка Пермского государственного
политехнического университета
E-mail: SavchukAS@yandex.ru

УДК 811.111'373.612.2

СЛОЖНЫЕ СЛОВА-МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ РЭЯ БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»

И.Ю. Пашкеева

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань

В статье рассматриваются особенности функционирования сложных слов в художественном произведении. Благодаря концентрации смыслов, сложное слово способно создавать образы, приобретать метафорическое значение и, следовательно, выступать средством художественной выразительности. На основе анализа структуры метафоры в когнитивном аспекте разработана классификация метафор, выраженных сложными словами.

Ключевые слова: сложное слово, метафора, метафорический перенос, когнитивный подход, символ.

Compound Word Metaphors in “Dandelion Wine” by Ray Bradbury

Irina Pashkeeva

The article discusses specific features of compound words in literary fiction. Due to concentration of meanings, a compound word is able to create images, to gain a metaphoric meaning and, thus, to act as an expressive stylistic device. The article presents a classification of compound word metaphors, based on the analysis of their metaphoric structure in the cognitive aspect.

Key words: compound word, metaphor, metaphoric shift, cognitive approach, symbol.

В статье излагаются результаты исследования сложных слов в контексте познавательной деятельности человека. В отечественной и зарубежной лингвистике изучение сложных слов в основном сводится к анализу их морфологической структуры и синтаксической связи между компонентами. Между тем, семантические и стилистические свойства сложных слов не получили должного внимания. В данной работе исследуется значение сложных слов. В частности, внимание сосредоточено на процессе метафоризации сложных слов в художественном произведении.

Познавательная деятельность человека включает способность находить сходства и различия между предметами и явлениями. Способность сравнивать, сопоставлять, анализировать составляет основу исследовательской деятельности.

Как отмечается в энциклопедии культурологии, благодаря сравнению различных предметов и явлений рождаются смысловые связи, ассоциации, и, как следствие, образ – «явление, возникающее как результат запечатления одного объекта в другом [1].

Согласно философской энциклопедии, образ – одно из основных понятий теории познания, характеризующее результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта [2].

Синтез нескольких образов в сознании человека называют метафорой. По мнению Дж. Лакоффа, метафора представляет собой феномен воображаемой реальности, который дает возможность понимать опыт одного вида в терминах другого. «Метафора позволяет понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных, или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [3. С. 10].

В лингвистике метафору определяют как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [4. С. 231].

Согласно мнению Н.Ф. Пелевиной, метафорическое употребление слов вызывает в сознании воспринимающего текст синтез двух образов – представлений о предмете метафоры (tenor) и ее образе (vehicle). Следовательно, структура метафоры представлена двумя компонентами: «предметом» и «образом» [5. С. 58-59].

В когнитивистике также различают два компонента в структуре метафоры – «источник» (source domain) и «цель» (target domain). Область «источника» – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта. Сфера «цели» – менее ясное, менее определенное знание. В процессе метафоризации некоторые области «цели» структурируются по образцу «источника». Таким образом, происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение» [3. С. 9].

Приведенные выше подходы к определению структуры метафоры выявляют общее положение: метафора состоит из двух компонентов. Первый компонент метафоры – «источник» («предмет») – обозначает предмет или явление, которые подлежат сравнению; второй компонент – «цель» («образ») – обозначает предмет или явление, которые служат средством сравнения.

В метафоре осуществляется перенос значения из области «источника» («предмета») в область «цели» («образа»). Область, в

которой осуществлен перенос, то есть которая включает «источник» («предмет») и «цель» («образ»), называется «границей метафорического переноса». Эта «граница» графически может полностью или частично совпадать с границей слова, словосочетания, предложения.

Значения сложных слов исследуются на материале романа современного американского писателя Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков». Главная тема произведения – время, неотвратимость его течения. Повествование глубоко эмоционально и ярко: радость жизни, наполняющая главного героя – двенадцатилетнего Дугласа Сполдинга, соединяется с острым чувством тоски об утраченном времени и страхом одиночества.

Наиболее распространенными тропами в романе являются метафоры, значительная часть которых выражена сложными словами. Под сложными словами понимаются слова, состоящие из двух и более полнозначных слов, образующих структурно-семантическое единство.

В английском языке словосложение занимает особое место. По словам Г.Н. Шевченко, «именно сложные слова наиболее полно отражают гибкость и подвижность английской лексической системы, ее стремление к предельной экономичности и выразительности» [6. С. 9].

Экономия языковых средств характерна для сложных слов, используемых в научных, технических текстах: в одном термине соединяются как минимум два понятия. Стремление к выразительности отражается в сложных словах художественного текста. «По самой своей структуре сложные слова приспособлены для образной репрезентации мира: наличие двух или более основ предполагает первоначальную соотнесенность с двумя или более референтами, их сопоставление, сравнение, связи. Само сложное слово, таким образом, уже представляет минимальный контекст, в котором может реализоваться образное видение мира», отмечает С.А. Венгерова [7. С. 28]. Следовательно, благодаря концентрации смыслов сложные слова в художественном произведении могут приобретать метафорическое значение, выступая средствами выразительности.

На основе анализа структуры метафоры нами разработана классификация метафор, выраженных сложными словами. Критерием

классификации является расположение границы метафорического переноса. Выделяются три варианта расположения границы метафорического переноса:

1. Граница метафорического переноса совпадает с границей сложного слова: один компонент слова представляет источник, второй – цель. В этом случае первый компонент сложного слова может сравниваться со вторым, то есть признаки одного компонента переносятся на другой:

а) **corn-haired** boys

Сложное слово *corn-haired* состоит из компонентов: *corn* в значении «кукуруза» и *haired* (от *hair* волосы + суффикс – *ed*). Волосы мальчиков по цвету сравниваются с кукурузой.

hair волосы (источник) = *corn* кукуруза (цель);

б) **flour-haired** old men

Сложное слово *flour-haired* образовано сложением *flour* в значении «мука» и *haired* (как в предыдущем примере).

Волосы пожилых людей по цвету напоминают муку, то есть они седые.

hair волосы (источник) = *flour* мука (цель);

2. Граница метафорического переноса имеет соотнесенность с границей сложного слова: один из компонентов переноса (источник или цель) представлен в сложном слове, а другой вынесен за его пределы. В этой подгруппе первый компонент переноса реализуется в сложном слове, а второй компонент материально не выражен, поэтому его нужно домыслить. Связь между источником и целью в таких случаях очень тонкая, почти неуловимая:

а) **maidenhair**

Сложное слово создано из *maiden* в значении «девушка» и *hair* – «волосы»; данное сложное слово переводится как «венерин волос» (растение, разновидность папоротника).

В данном примере источником является растение, которое похоже на «девичьи волосы» (цель):

растение (источник) = *maidenhair* венерин волос (цель);

б) **knucklehead**

Сложное слово *knucklehead* образовано от *knuckle* в значении «сустав пальца, костяшка» и *head* «голова». Слово *knucklehead* встречается в разговорной речи для характеристики недалекого, неумного человека и переводится как «тупица», «болван».

Источником метафоры является человек, не отличающийся большим умом, у которого голова похожа на костяшку (это значение представляется наиболее подходящим), то есть слово *knuckle* выражает цель. Следует заметить, что вместо слова «человек» *man* используется слово «голова» *head*. В данном случае осуществлен метонимический перенос: голова → человек.

Таким образом, структуру метафорического переноса в данном примере можно представить так:

head голова [→ человек «тупица», «болван»] (источник) = *knuckle* «костяшка» (цель);

3. Граница метафорического переноса совпадает с границей словосочетания, в котором сложное слово выполняет функцию определения. В данной подгруппе один компонент переноса находится в сложном слове, а другой – в слове, которое также входит в состав словосочетания:

а) **marble-round day**

Слово *marble* используется в значении «цветной шарик из твердого материала (например, стекла, камня) для детских игр», *round* – «круглый», *day* – «день». День сравнивается с шариком: он такой же круглый.

day день (источник) = *marble* шарик (цель);

б) **harp-wire chair**

Слово *harp* используется в значении «арфа», *wire* – «провода», *chair* – «стул». Спинка плетеного стула сравнивается с арфой.

chair стул (цель) = *harp* арфа (источник);

в) **yellow-toothed piano**

Слово *yellow* обозначает «желтый», *toothed* (от *tooth* в значении «зуб» + суффикс – *ed*), *piano* – «пианино».

В данном случае представлена сложная метафора: пианино – человек; клавиши – зубы; пожелтевшие зубы – пожилой человек.

Структуру метафоры можно представить следующим образом:

piano пианино (источник) = *yellow-toothed (man)* «желтозубый» человек, пожилой человек (цель).

Данная классификация позволяет наглядно представить границу метафорического переноса, определить местонахождение его источника и цели, раскрывая, таким образом, механизм создания метафоры.

Сложные слова - метафоры в художественном произведении могут выступать в роли сюжетной метафоры или символа. «Образ, проходящий через все произведение, становится носителем иного значения, помимо того, какое ему отведено в цепи событий. Он становится метафорой или символом; значение его определяется только из содержания всего текста, и часто трудно его выразить в словесной формуле», отмечает Н.Ф. Пелевина [5. С. 151-152].

Сюжетной метафорой в романе «Вино из одуванчиков» является слово *dandelion* «одуванчик» – символ лета, жизни, времени:

«Dandelion wine. The words were summer on the tongue. The wine was summer caught and stoppered... Hold summer in your hand, pour summer in a glass; change the season in your veins by raising glass to lip and tilting summer in» [8. С. 17-18].

«Вино из одуванчиков. Самые эти слова – точно лето на языке. Вино из одуванчиков – пойманное и закупоренное в бутылки лето... Возьми лето в руку, налей лето в бокал, поднеси его к губам – по жилам твоим вместо лютой зимы побежит жаркое лето...» [9. С. 22-23].

В романе приводится сравнение одуванчиков с благородными и гордыми львами, олицетворяющими силу и красоту: «**Pride of lions** in the yard... A common flower, a weed that no one sees, yes. But for us, a **noble thing**, the dandelion» [8. С. 16].

«Вон их сколько, стоят **гордые, как львы...** Ведь простой цветок, можно сказать, сорная трава, никто ее не замечает, а мы уважаем, считаем: одуванчик – **благородное растение**» [9. С. 21].

Интересно, что в слове *dandelion* «лев» действительно «присутствует». Существует предположение, что английское название *dandelion* – это измененное французское *dent de lion*, означающее «зубы льва», на которые похожи заостренные листья одуванчика. В некоторых европейских языках встречаются схожие названия этого растения, например, в уэльском *dant y llew*, итальянском *dente di leone*, каталанском *dent de lleó*, испанском *diente de león*, португальском *dente-de-leão*, норвежском *Løvetann*, датском *Løvetand*, немецком *Löwenzahn* [10].

Таким образом, слово *dandelion* целесообразно считать сложным словом, состоящим из *dande* (измененное *dandy* со значением «отличный, превосходный, первоклассный») и *lion* «лев». Данное сложение обусловлено не столько морфологическим, сколько

смысловым, «образным» соединением. *Dandelion* «гордый, благородный лев» – метафора, отражающая тонкое мировосприятие Рэя Брэдбери.

Исследования особенностей функционирования сложных слов в художественной литературе представляют несомненный интерес. Сложные слова, благодаря своей структуре, способны передавать метафорическое значение. Сложные слова-метафоры являются средством создания ярких образов. Некоторые из них достигают уровня символа, который служит ключом к пониманию всего произведения. Изучение сложных слов в художественном тексте, основанное на когнитивном подходе, открывает новые возможности в стилистике.

Библиографический список

1. Забияки А.П. Культурология. XX век. Энциклопедия. Университетская книга, 1998 // Электронный ресурс Интернет: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/563/%D0%9E%D0%91%D0%A0%D0%90%D0%97
2. Философская энциклопедия: в 5 т./ гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1960-1970 // Электронный ресурс Интернет: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4605/%D0%9E%D0%91%D0%A0%D0%90%D0%97
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига: URSS, 2007. 576 с.
5. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1980. 272 с.
6. Шевченко Г.Н. Продуктивность модели морфологически сложных слов с первым субстантивным элементом типа *to baby-sit* в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1976. 21 с.
7. Венгерова С.А. Сложные слова как способ создания образности в художественном произведении // Проблемы лексической и словообразовательной семантики в современном английском языке: Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск, 1986. 228 с.
8. Bradbury R. *Dandelion wine*. М.: Айрис-пресс, 2006. 320 с.
9. Брэдбери Рэй. Вино из одуванчиков / Пер. с англ. Э. Кабалевской. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. 320 с.

10. Taraxacum // Электронный ресурс Интернет:
http://en.wikipedia.org/wiki/Dandelion#cite_note-12#cite_note-12

Сведения об авторе

Пашкеева Ирина Юрьевна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
в профессиональной коммуникации
Казанского национального исследовательского
технологического университета
E-mail: irinpash@yandex.ru

УДК 811.111'38:070.41

ЖАНРОВЫЙ ПОДХОД В ОПИСАНИИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В.В. Фёдоров

*Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский*

Статья содержит критический анализ жанрового подхода, применяемого для описания функционального стиля публицистики. Изучение языкового материала двух текстов биографической направленности позволяет признать, что исследование функционального стиля, основывающееся на описании отдельных жанровых типов текстов, относящихся к нему, не отвечает требованиям обобщающего описания всего многообразия текстов публицистической направленности.

Ключевые слова: стилистика, функциональный стиль, публицистика, жанр, жанровый подход.

The Genre-Based Approach in Descriptions of Modern English Journalism Vitaliy Fyodorov

The article contains a critical overview of the genre-based approach in describing the functional style of modern journalism. The study of two biographical texts makes it possible to demonstrate that analysis of the functional style, based on descriptions of specific genre types, does not provide an adequate generalized description of widely diverse texts in modern political journalism.

Key words: stylistics, functional style, journalism, genre, genre-based.

Любое научное исследование основывается на фундаментальных представлениях, накопленных и сформулированных в ходе становления и развития определённой отрасли знания. В научной парадигме функциональной стилистики к представлениям подобного рода относятся, в первую очередь, концепция стиля и классификация функциональных стилей.

Исследователь, занимающийся изучением вопросов, связанных с сущностью и особенностями актуализации функциональных разновидностей языка, так или иначе будет соотноситься в своих рассуждениях с уже существующим опытом научного исследования, адаптируя известные теоретические постулаты к нуждам своей научной деятельности, в соответствии с собственным видением проблем функциональной стилистики.

В современной стилистике широкое распространение получает жанровый подход к описанию функционального стиля, который предполагает описание отдельных групп текстов, учитывающее сферу их функционирования и частные жанровые характеристики.

Термин «жанр», широко применяющийся в литературоведении, стал употребляться и в отношении «жанров» различных функциональных стилей языка [1; 2; 3; 4; 5]. Однако в силу универсальности своего значения и разноплановости описываемых с его помощью явлений он по сей день не получил чёткого определения, что не может не сказываться на результатах его применения в конкретных исследованиях.

Несмотря на указанный недостаток, применение этого термина знаменует осознание большинством исследователей важнейшего свойства функциональных стилей – их неоднородности с понятийной и, в меньшей степени, языковой точки зрения. В то же время необходимо ясно осознавать, что возможность выделения внутри публицистического стиля определённых разновидностей, различающихся по экстралингвистическим и лингвистическим характеристикам, не должна приводить к бесконечному дроблению материала, так как в этом случае единицей классификации оказывается один текст.

Жанровая классификация продуктивна и целесообразна только тогда, когда с её помощью выявляются наиболее общие инвариантные свойства больших групп текстов внутри публицистического стиля, тогда как их вариативные признаки должны описываться с принципиально иных позиций.

Литературоведы неоднократно сталкивались с необходимостью ограничить применение термина «жанр», который характеризуется неограниченным речепотреблением и не может восприниматься как строго научный термин.

Ярким примером того, как недифференцированное использование изначально продуктивного термина может привести к его обесцениванию и к утрате своего металингвистического статуса, служит классификационная терминология газетных жанров, используемая исследователями газетно-журнальной речи.

В исследованиях, посвящённых языку газетной публицистики, широко используются такие понятия, как: краткое информационное сообщение, передовая газетная статья, проблемная статья, проблемно-

аналитическая статья, научно-популярная статья, интервью, репортаж и т.д. [6; 7; 8]. Подобное обилие «жанров» – разновидностей газетной речи – не подкрепляется детальным сравнительно-стилистическим анализом, в ходе которого была бы обоснована методологическая правомерность выделения их в особые типы. Понятно, что упомянутые «жанры» до некоторой степени отличаются друг от друга, однако дидактическая и исследовательская ценность подобного дробления, не сопровождаемого анализом того, до какой степени сходны эти тексты и какие факторы определяют их языковое различие, представляется дискуссионной.

Не менее сложна ситуация и с определением жанра «эссе», представляющего собой основу эссеистического направления в публицистике. Несмотря на то, что жанр эссе существует уже более четырёхсот лет, он остается одной из наименее теоретически изученных разновидностей публицистики. Непрестанно обновляясь и видоизменяясь от автора к автору, эссеистика выступает скорее как некая наджанровая система, включающая самые разнообразные философские, исторические, критические, биографические, автобиографические, публицистические, духовно-нравственные и научно-популярные сочинения.

Даже самый беглый анализ текстов эссе наглядно показывает, что выделение этого «жанра» публицистики представляется в целом весьма условным и субъективным, и находится в полной зависимости от творческого потенциала исследователя и его личных предпочтений. Тем более, что не поясняются принципиальные языковые отличия, позволяющие отграничить тексты эссе от текстов социально-политического красноречия, с одной стороны, и текстов мемуаров и биографий, с другой, а также выявить общность этой жанровой разновидности публицистики с другими жанрами, традиционно относимыми к публицистическому стилю.

В соответствии с представлениями М.П. Брандес, газетно-публицистический стиль включает две группы публицистических текстов: газетно-журнальную публицистику и социально-политическое красноречие (выступления, воззвания, обращения и т.п.), которые соотносятся с коммуникативным характером аудитории: аудитория печатной и аудитория устной пропаганды [9. С. 239]. При этом политическое красноречие носит двойственный

характер: изначально рассчитанное на аудиторию устной пропаганды, оно публикуется в печати, становясь частью газетной публицистики.

В этом случае за пределами публицистического стиля остаются многочисленные тексты, обладающие качествами «публицистичности», но не укладывающиеся в предлагаемую жанровую классификацию. Кроме того, возникает вполне правомерный вопрос, какие языковые характеристики обеспечивают двойственность природы политического красноречия в его устной и печатной форме и действительно ли эти формы столь различны. Не означает ли это, что тексты радиокomentarиев, изначально рассчитанные только на аудиторию устной пропаганды, могут быть объединены в один публицистический «жанр» с текстами выступлений, воззваний, обращений и прочих форм устного ораторского искусства.

Сказанное выше в той или иной мере свидетельствует о некоторой недостаточности жанрового подхода для описания всей совокупности текстовых материалов, относимых к тому или иному функциональному стилю. Наименование жанра в этом случае может подвести исследователя, поскольку в текстах одного и того же жанра зачастую наблюдается абсолютно различная актуализация понятийных и языковых параметров.

Проиллюстрируем это кратким сравнительным анализом двух текстов биографической направленности:

I. **Ralph Waldo Emerson** (1803-1882) grew up in Boston and became the greatest American thinker of his day. At the age of fourteen, he entered Harvard, graduating with honors in 1821. Thereafter, he taught school and then studied for the ministry. In 1829, he was ordained as a junior pastor of Boston's Second Church, and in the same year, he married Ellen Tucker, who died sixteen months later of tuberculosis. With literary friends from Boston, Emerson founded a magazine, *The Dial*, which became an important vehicle for the Transcendentalists Movement, of which Emerson was a leader. The Transcendentalists, like the English Romantics, believed in a deep spiritual connection between people and nature. Emerson also believed that by attending closely to one's innermost thoughts and feelings, one could glimpse the great spirit of the universe, what Emerson called the "Over-Soul". Such beliefs led Emerson to a radical individualism that helped to shape the American spirit. The finest expression of this individualism is, perhaps, his essay "Self-Reliance". Emerson traveled in Europe and, on returning, moved to Concord, Massachusetts and married Lidia Jackson, with whom he had four children.

During their fifty years of marriage, the Emersons entertained at home many of the leading intellectuals of the day, including their neighbors the Alcotts and Henry David Thoreau. Today, Emerson's house in Concord remains a place of literary pilgrimage in America. Emerson himself has become a symbol of American optimism and independent thinking [10. С. 252].

II. In fact, Diana Frances Spencer was not quiet Cinderella. It was true she lived in a nondescript block of flats, wore jeans, cycled to work, took care of other people's babies – and even cleaned their houses. It was true that she was just as anonymous as any other teenager standing on line for the Number 11 bus to Pamlico. But it was also true that her blood was as blue as that of any royal. If she could claim no giants of history among her ancestors, they were still part of the backbone of British aristocracy.

The Windsor and Spencer families were tightly interwoven through generations of royal services and friendship – and were even distant cousins. Both of Diana's grandmothers had been ladies-in-waiting to the Queen Mother; Diana's father had been equerry to King George VI, and then to his daughter, Elizabeth II. Diana's father and the Queen had known each other since they were children [11. С. 6].

Оба текста представляют собой жизнеописания известных в англоязычном мире исторических личностей: первый - американского мыслителя Ральфа Валдо Эммерсона, а второй – бывшей супруги наследника Британского престола принца Чарльза Дианы Френсис Спенсер. Данный факт позволяет предположить, что оба текста носят биографический характер, т.е. выполнены в одном «жанре» биографии, и, следовательно, обнаруживают между собой максимальное сходство. В то же самое время представляется затруднительным определить общие существенные черты этих текстов, позволяющие отнести их к одному стилю. Очевидно, для этого оба текста должны быть включены в более обширный сравнительный анализ с другими типами текстов, традиционно относимых к данному функциональному стилю.

Дальнейший анализ этого материала неизбежно приводит к возникновению определённых проблем, связанных с доказательством тождественности их содержания и языкового строя, способствующих появлению сомнений в их однотипности.

Во-первых, обращает на себя внимание непропорциональное использование в рассматриваемых текстах языковых единиц понятийной направленности, напрямую отражающих содержание

«жанра» текста, связанного с хронологическим описанием человеческой жизни.

Если в первом тексте этой понятийной направленности на языковом уровне соответствует употребление таких языковых единиц, как: *grew up, became, age of fourteen, entered, graduating, taught, studied, ordained, married, died, sixteen months later, founded, traveled, returning, moved, married, fifty years of marriage, etc.*, то во втором список подобных языковых единиц будет представлен только терминами родства, не напрямую отражающими заданную тематику: *ancestors, families, generations, cousins, grandmothers, mother, father, daughter*.

В первом тексте также наблюдается ряд единиц терминологического характера (литературоведческие и философские термины), связанных с главной темой текста: *tuberculosis, Transcendentalist Movement, Transcendentalists, Romantics, individualism*, актуализирующих языковую функцию сообщения. Все они, за исключением слова *tuberculosis*, входят в состав семантического поля «Философско-литературное течение трансцендентализма», что указывает на их близость к текстам, имеющим научную или официально-деловую функционально-стилистическую ориентацию, в которых большинство слов – термины, реализующие функцию сообщения.

Во втором тексте наблюдается большее количество оценочных слов и метафорических выражений, свидетельствующих о явной актуализации ими языковой функции воздействия: *quite Cinderella, nondescript block of flats, tightly interwoven, giants of history, backbone of British aristocracy*. В первом примере к явлениям подобного рода могут быть отнесены лишь некоторые единицы, обнаруживающие наличие коннотации, придающие ему определённую эмоциональную окраску и реализующие дополнительные, по сравнению с чисто номинативными, оттенки значения: *the greatest ... thinker, important vehicle, great spirit, radical individualism, the finest expression, leading intellectuals*.

В значительной мере отличается и синтаксис обоих произведений. В первом тексте большая часть предложений характеризуется сложным синтаксическим построением, характерным для формализованных текстов. Здесь наблюдается:

а) инверсивное вынесение обстоятельственных структур различного рода в начало предложения. Например, обстоятельства времени – *At the age of fourteen, he entered Harvard, graduating with honors in 1821; Thereafter, he taught school and then studied for the ministry; In 1829, he was ordained as junior pastor of Boston’s Second Church...*; или обстоятельства образа действия: *With literary friends from Boston, Emerson founded a magazine...*;

б) наличие разнообразных синтаксических построений в общей структуре предложения, характерных для «formal speech»: приложений – *...a magazine, the Dial; his essay “Self-Reliance”*; страдательных конструкций – *In 1829, he was ordained as junior pastor*; причастных и герундиальных конструкций – *graduating with honors; by attending closely to one’s innermost thoughts and feelings; on returning; including their neighbors*; придаточных предложений – *...who died sixteen months later of tuberculosis; which became an important vehicle for the Transcendentalists Movement; of which Emerson was a leader; what Emerson called “Over-Soul”; that helped to shape the American spirit; with whom he had four children*;

в) отсутствие синтаксического параллелизма.

Во втором тексте наблюдаются:

а) случаи синтаксического параллелизма: усложнение синтаксической структуры за счёт однородных членов предложения – *It was true she lived in a nondescript block of flats, wore jeans, cycled to work, took care of other people’s babies – and even cleaned their houses*; анафора – *It was true she lived in a nondescript block of flats, wore jeans, cycled to work, took care of other people’s babies – and even cleaned their houses. It was true that she was just anonymous as any other teenager standing on line for the Number 11 bus to Pamlico. But it was also true that her blood was as blue as that of any Royal*; повтор синтаксических позиций – *Both of Diana’s grandmothers had been ladies-in-waiting to the Queen Mother; Diana’s father had been equerry to King George VI, and then to his daughter, Elizabeth II. Diana’s father and the Queen had known each other since they were children*;

б) отсутствие инверсии;

в) отсутствие страдательных, причастных и герундиальных конструкций.

Синтаксис играет в обоих текстах важную роль: если в первом случае он создаёт необходимые языковые условия для «сухого»,

неэмоционального хронологического перечисления событий жизни Р.В. Эммерсона и, следовательно, в большей степени тяготеет к реализации функции сообщения, чем сближает анализируемый текст с произведениями научного и официально-делового стилей, то во втором случае он явно способствует выражению авторского понимания хода описываемых событий, созданию экспрессивности текста, и как следствие, в большей степени тяготеет к реализации функции воздействия, чем сближает данный текст с произведениями художественной беллетристики и разговорно-обиходного стиля.

Таким образом, сравнительный анализ двух текстов, относимых к одному жанру, показывает их явные языковые различия, подтверждающие высказанные ранее замечания об условности самого термина «жанр», зачастую не имеющего ничего общего с реальными языковыми характеристиками того или иного текста. И если второй текст согласно концепции об актуализации в публицистическом стиле языковых функций общения и воздействия (В.В. Виноградов), соответствует традиционным представлениям о публицистическом стиле, то текст биографии Р.В. Эммерсона обнаруживает в себе такие языковые характеристики, которые не позволяют однозначно отнести его к разряду публицистики, а сделать вывод о наличии в его языковой структуре элементов, свидетельствующих либо о его «переходном» характере от текстов одного функционального стиля к другому, либо о его принадлежности к иной функциональной разновидности.

Всё сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

Использование жанрового подхода, несомненно, является важным в практически-ориентированных лингвистических исследованиях, целью которых является описание функционально-стилистических свойств тех или иных жанров публицистики, так как позволяет выявить особенности конкретного вида публицистического текста.

Вместе с тем следует признать тот факт, что методология выявления и изучения функционального стиля публицистики на основе анализа жанрово-стилистических особенностей составляющих его текстов не отвечает в полной мере задачам лингвистического исследования стиля, позволяющего выработать целостное видение всей функциональной разновидности речи, включающей разнородные по тематике и лингвистическому

оформлению типы текстов. Этот факт доказывает необходимость выработки иного подхода к описанию публицистического стиля в совокупности его понятийных и языковых характеристик с учётом его функционально-стилистической неоднородности.

Библиографический список

1. Кожина М. Н. *Стилистика русского языка*. М., 1983. 224 с.
2. *Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности* / Под ред. М.Я. Цвиллинга. М., 1989. 181 с.
3. Dudley-Evans T. *Genre Analysis and ESP* // *ELR Journal (English Language Research)*. Birmingham, 1987. № 1. P. 97-109.
4. Hopkins A. *Genre-based Investigation of the Discussion section in Articles and Dissertations* // *English for Specific Purposes*. 1988. Vol.7. № 2. P.113-121.
5. Swales J. *Genre Analysis*. Cambridge, 1990. 213 p.
6. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. *Стилистика газетных жанров*. М.: Высшая школа, 1978. 183 с.
7. Мешкова И. Н. *Структурно-семантические и прагматические характеристики передовой газетной статьи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 1987. 25 с.
8. Петрова А.Д. *Некоторые закономерности строения текста передовой газетной статьи*. М., 1982. 122 с.
9. Брандес М.П. *Стилистика немецкого языка*. М.: Высшая школа, 1983. 271 с.
10. *Literature and the Language Arts*. Saint Paul: EMC/Paradigm Publishing, Minnesota, 1996. 1086 p.
11. Martin R.G. *Charles and Diana*. New York: IVY BOOKS, 1985. 473 p.

Сведения об авторе

Фёдоров Виталий Викторович
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
переводоведения и восточных языков
Камчатского государственного университета
им. Витуса Беринга
E-mail: vvfedorov@mail.ru

УДК 81'28

ОТРАЖЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

И.Н. Хохлова

*Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский*

В статье освещаются проблемы отражения вариативности национального языка в общей и специальной лексикографии. Дается понятие национального языка, анализируются определения таких разновидностей национального языка, как «диалект», «форма», «вариант», «разновидность»; прослеживаются пути их становления и изменения.

Ключевые слова: разновидность языка, национальный язык, социальный, профессиональный, территориальный диалект, вариант.

National Language Variability in General and Special Lexicography

Irina Khokhlova

The article deals with variability of the national language and its definitions in general and special lexicography. It gives a definition of the term “national language,” analyzes such its varieties as “dialect”, “form”, “variant”, “variety,” and describes ways of national language formation.

Key words: language variety, national language, social, professional, territorial dialect, variant.

Современное состояние некоторых языков таково, что национальный язык может иметь несколько разновидностей. В силу многих геополитических условий национальные языки наций, имевших в своем подчинении территории чужих государств, закреплялись на них в качестве государственных. Естественное сосуществование языка господствующего государства и языка (языков) захваченных народов привело к формированию нового вида языка. Самым показательным в этом отношении является английский язык, который представлен в настоящее время множеством разновидностей, к числу наиболее ярких из которых следует отнести американскую разновидность английского языка, а также австралийскую, южноафриканскую, канадскую, индийскую разновидности (прим. 1).

Истории известны случаи, когда государства при получении независимости не спешат освободиться от языка метрополии.

Подобную ситуацию комментирует В.А. Гречко: «Освободившись от английского колониального владычества, индийское руководство решило не отменять применение английского языка в качестве одного из литературных языков страны (наряду с хинди и урду), понимая, что такая отмена нанесла бы ущерб национальным (культурным, экономическим, научным, социальным и др.) интересам государства. Второй язык в этих странах стал средством общения и использования духовных достижений того народа, который волею судьбы оказался исторически связанным с данными народами» [1. С. 319].

Появление разновидностей языка связано со множеством актуальных вопросов, решение которых в современном языкознании представлено разнообразными и неоднозначными теориями. Чаще всего проблема разновидностей языка возникает при рассмотрении статуса английского языка в современном мире и его особенностей, связанных с территорией распространения и социально-политическими условиями его функционирования. Общеизвестно, что английский язык занимает особое место в числе национальных языков на планете как по количеству говорящих, так и по территории распространения.

Национальный язык – явление неоднородное. В его составе выделяются разновидности, обозначаемые в современной лингвистике терминами «диалект», «форма», «вариант», «разновидность», «жаргон» и т.д. Так, согласно данным словаря О.С. Ахмановой, «разновидность языка – любое подразделение языка: диалект, говор, наречие, идиолект и т.п.» [2. С. 378]. Следует отметить, что в определении «подразделений языка» (термин О.С. Ахмановой) у лингвистов нет единого мнения.

Анализ лингвистической литературы показывает, что термином «диалект» могут быть обозначены разные понятия.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова дается такое определение: «диалект – местное или социальное наречие, говор» [3. С. 146]. Не трудно заметить, что словарь дает толкование одного подразделения языка через другие подразделения, поскольку для лингвиста «говор», «наречие» и «диалект» – это разные понятия. В данном словаре термин «говор» определяется как «местная разновидность территориального, областного диалекта» [3. С. 121]. Словарь С.И. Ожегова не является профессиональным

лингвистическим пособием, поэтому тонкости лингвистической терминологии в нем не учитываются.

В профессионально ориентированном словаре Л.Л. Нелюбина определения понятий «диалект» и его разновидностей выстроены очень четко и лексикографически точно: «Диалект – разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте» [4. С. 45]. Согласно приведенному определению, *диалект* – это такое подразделение языка, которое может возникать при территориальной или профессиональной общности говорящих. Следовательно, можно говорить о наличии *территориальных диалектов* и *профессиональных диалектов*, между которыми имеются различия. Сравним приводимые дефиниции:

«профессиональный диалект – разновидность *социального диалекта*, объединяющего людей одной профессии или одного рода занятий» [4. С.169-170];

«социальный диалект – форма языка, употребляемая более или менее ограниченным кругом людей, связанных специальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном контакте. В каждом языке существует множество социальных диалектов» [4. С. 207];

«территориальный диалект – 1. Диалект, распространенный в определенной местности. 2. Форма существования языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных территориальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном контакте» [4. С. 225].

По определениям, которые приведены в анализируемом словаре, можно говорить о том, что термин «диалект» соотносится с разными понятиями. Прежде всего, диалект – это форма существования языка, объединяющая людей по какому-либо признаку.

Профессионально ориентированным словарем является словарь О.С. Ахмановой, в котором анализируемые термины снабжены следующими дефинициями:

«диалект – 1. Разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной или

социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте. 2. Совокупность однородных говоров, обладающих относительным единообразием. 3. То же, что говор. 4. То же, что наречие II» [2. С. 131];

«диалект профессиональный – разновидность социального диалекта, объединяющая людей одной профессии или одного рода занятий» [2. С. 131];

«диалект социальный – диалект, принадлежащий какой-либо социальной общности или группе людей» [2. С. 131];

«диалект территориальный (диалект местный, диалект областной) – диалект, распространенный в определенной местности» [2. С. 131].

Нетрудно заметить, что термин «диалект» определяется в словаре посредством терминов «говор», «разновидность», «наречие», «вариант». И таким образом создается развернутый синонимический ряд, позволяющий использовать перечисленные слова в качестве замены одного другим.

Диалект – центральное понятие научной дисциплины диалектологии, поэтому, возможно, в классической диалектологии понятия «диалект», «говор» и «наречие» различаются родовидовыми отношениями. Авторы учебного пособия «Русская диалектология» указывают, что «*говором* обычно называют самую мелкую, далее неделимую разновидность языка. Совокупность говоров, обладающих некоторыми общими чертами, представляющая в то же время лишь часть данного языка, называется *наречием*. Термин «диалект» употребляется как в значении *говора*, так и в значении *наречия*» [5. С. 5]. В цитируемом учебном пособии дается уточнение, согласно которому «для социальных диалектов разграничение понятий наречия, говора и т.д. не установлено» [5. С. 5-6].

Необходимо также принять во внимание следующее замечание: «Диалектами называются разновидности внутри одного языка. Разграничение понятий языка и диалекта не столь просто и не всегда опирается на чисто лингвистические основания. Если мы имеем дело с двумя достаточно близкими друг другу языковыми системами, не всегда так просто решить, имеем ли мы дело с двумя диалектами одного языка или с двумя родственными языками» [5. С. 16]. Следовательно, понятие «диалект» в рассматриваемом учебном пособии практически приравнивается к понятию «язык».

Иное отношение складывается к социальным диалектам: «Социальные диалекты внутри какого-либо языка, в частности, русского, специфически отличаются от территориальных. В то время как последние могут различаться между собой фактами любой стороны языка, социальные диалекты характеризуются прежде всего особенностями словаря, словоупотребления, некоторыми фразеологическими оборотами, да и различия в словаре относятся главным образом к области специальной терминологии» [5. С. 17].

Обзор лексикографической литературы показал, что в современном языкознании термин «диалект» используется для обозначения нескольких понятий, связанных с разными подразделениями языка (по терминологии О.С. Ахмановой), не имеет четких границ своего определения. Являясь членом синонимического ряда, термин «диалект» способен в речевом употреблении выступать вместо терминов «говор», «наречие», «разновидность», «вариант» так же, как перечисленные термины способны заменить собой термин «диалект».

Важным является установление границ значения часто используемых терминов *вариант* и *диалект*, уточнение их отношений с *национальным* и *литературным* языком.

В теории вариативности оба термина используются в равной мере. Так, например, Дж. Брук (G. Brook) в книге «Английские диалекты» (*English Dialects*) определяет диалект как «любую разновидность языка, которая ассоциируется с определенной группой говорящих на ней людей, меньшей по своему размеру, чем группа людей, говорящих на общем языке» [6. С. 13]. В соответствии с этим определением Дж. Брук относит американский английский и британский английский к диалектам английского языка. Такое использование термина «диалект» представляется слишком широким.

Что касается соотношения «язык» – «диалект» – «вариант», то здесь необходимо отметить, что различие между языком и диалектом/вариантом может быть определено как различие между общим и конкретным. Определение диалекта/варианта является конкретизацией понятия «язык». Конкретизация эта достигается введением экстралингвистической характеристики в определение диалекта/варианта. В качестве экстралингвистической характеристики выступает указание на территориальную ограниченность, а также на специфику коллектива говорящих. Кроме

того, немалую роль в определении той или иной разновидности языка играют политика и государство. Данный факт хорошо отражен в афоризме «диалект – это тот же язык, но только без армии», а вот в случае с «вариантом», на наш взгляд, уже можно говорить о наличии армии, то есть понятие *вариант* гораздо шире понятия *диалект*.

Кроме того, различие между *диалектом* и *вариантом* достигается степенью удаленности от метрополии (в случае с Южной Африкой, например, речь идет о такой удаленности, следствием которой являются совершенно иные физико-географические условия проживания, что не могло не отразиться на языке), а также количеством говорящих (по данным сайта Посольства ЮАР, в стране проживает около 45 миллионов человек). Так, по данным 2005 года, население Северной Ирландии составляет около 3,5 миллионов человек, а Шотландии – 5,1 миллиона. Число шотландцев, ирландцев и уэльсцев вместе взятых составляет 15% от числа всего населения Великобритании, по сравнению с 80% англичан.

Под *диалектом* А.Д. Швейцер понимает «территориальную разновидность национального языка, ограниченную сферой народно-разговорной речи и противостоящую нормированному литературному языку» [7. С. 19]. Вариант литературного языка ученым определяется как «территориальная разновидность единого нормированного языка» [7. С. 19]. Вариант национального языка означает «совокупность территориально ограниченного варианта литературного языка и распространенных в пределах его ареала территориальных диалектов» [7. С. 19]. На наш взгляд, «южноафриканский английский, американский английский и британский английский не могут рассматриваться как диалекты, поскольку применение термина «диалект» в данном случае создает неправильное представление о структуре литературного и диалектного языка в Англии и США» [8. С. 50]. Известно, что как в Англии, так и в США существуют местные диалекты, над которыми возвышается нормированный литературный язык.

Для называния вариантов часто используется также термин «новые английские» (*new Englishes*). Эти «новые английские» напоминают диалекты, существующие внутри страны, но взятые в мировом масштабе. Ими пользуются миллионы людей, а не тысячи, как в случае с региональными диалектами. Они являются неизбежным следствием распространения английского языка по

всему миру.

В этой связи В.М. Широких отмечает: «Язык отражает различия поведения национальных групп и их стремление отделиться друг от друга, поэтому естественно, что появляются варианты. Варианты существуют во всех языках, и потому изучение языка является иногда задачей более сложной, чем представлялось вначале. Лингвисты уже давно обратили внимание на то, что язык сохраняет свои идентичные черты лишь на определенной части территории своего распространения и лишь при определенных условиях» [9. С. 33].

Следует согласиться с мнением Л.И. Аполлоновой, утверждающей, что «становление варианта предполагает изменение социальных условий его функционирования, включая изменение экологической среды и социально-лингвистической базы. Кроме того, оказавшись в новых условиях, язык продолжает изменяться в соответствии с заложенными в нем тенденциями развития, а также под действием новых экстра- и интралингвистических факторов, т.е. адаптируется к новым условиям функционирования» [10. С. 134]. Как считает В.В. Федоров, «региональные варианты, выполняя функцию языка межкультурного общения, способствуют обогащению международного английского языка. В настоящее время уже не представляется возможным говорить об английском языке только одной культуры. Английский язык стал средством выражения культур многих регионов мира» [11.С. 86].

Итак, современные лингвистика и лексикография оперируют несколькими терминами, призванными обозначить понятие разновидности языка. По словарным статьям, представленным в словарях, термины *диалект*, *говор*, *наречие*, *вариант*, *разновидность* рассматриваются в качестве синонимов, способных заменять друг друга. Проведенный краткий анализ научной литературы позволяет говорить о том, что языковая картина мира включает две связанные между собой, но различные идеи: картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной», и каждый язык рисует свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Языковая политика предполагает сознательное, целенаправленное воздействие государства и общества в целом на развитие и функционирование языка, включает совокупность мер, предпринимаемых для изменения или сохранения существующего

функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения старых языковых норм.

Примечания

1. Следует отметить, что и другие языки, оказавшиеся в аналогичной ситуации, приобрели новые разновидности. Так, *кубинский язык* – это *испанский язык* на Кубе. Имеют существенные различия *французский язык* в Европе и *французский язык* в Канаде, Марокко, Алжире.

Библиографический список

1. Гречко В.А. Теория языкознания: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2003. 375 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-кор. АН СССР Н.И. Шведовой. Изд. 2-е, стереотип. М.: Русский язык, 1990.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320с.
5. Русская диалектология. М.: Просвещение, 1973. 279 с.
6. Brook G.L. English Dialects. New York: Oxford, 1965. 323 p.
7. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. М.: Наука, 1976. 176 с.
8. Хохлова И.Н. Способы выделения южноафриканского лексического компонента в тексте // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 8. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2009. С. 48-63.
9. Широких В.М. Лингвострановедческая окрашенность общественно-политической лексики австралийского варианта английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 200 с.
10. Аполлонова Л.И. Особенности лексико-семантической системы австралийского варианта английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. 202 с.
11. Федоров В.В. Теоретические основы выделения региональной разновидности восточноазиатского английского языка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 11. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. С. 81-88.

Сведения об авторе

Хохлова Ирина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской филологии,
декан факультета иностранных языков
Камчатского государственного
университета им. Витуса Беринга
E-mail: irisha.n.56@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 811.111'25

ОБНОВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ЭВРИСТИКА ПЕРЕВОДА

М.Ю. Бродский

Институт международных связей, Екатеринбург

В статье изучаются случаи обновления фразеологических единиц, обсуждаются приёмы перевода обновлённых фразеологизмов. Ставится вопрос о целесообразности отработки навыков перевода обновлённых фразеологизмов на занятиях по переводу.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), обновление ФЕ, приёмы перевода.

Renewed Idioms From a Translation Studies Perspective

Mikhail Brodsky

The paper investigates renewed idioms and explores ways of translating renewed idioms. The author asserts that translation of renewed idioms must be taught in the classroom.

Key words: idioms (phraseological units), renewed idioms, translation.

Проблематика перевода фразеологических единиц (ФЕ) привлекала и продолжает привлекать внимание многих теоретиков и практиков перевода. Внимание к фразеологизмам объясняется, с одной стороны, тем, что ФЕ во многом определяют колорит и специфику языка, а с другой, ошибками при переводе. «Ошибок, допущенных при передаче фразеологизмов <...> как в учебных, так и в опубликованных переводах, немалое количество, и сам этот факт говорит о том, что проблема стоит достаточно остро» [1. С.99]. За годы работы переводчиком и преподавателем перевода у автора этих строк накопились собственные наблюдения, связанные с ошибками при переводе, в частности, при переводе ФЕ [2; 3].

В последнее десятилетие внимание к ФЕ проявляют и лексикографы, и переводчики. Много ценной информации может найти для себя переводчик-практик в работах А.Л. Бурака, М. Берди и В.С. Елистратова [4], М.А. Загота [5], С.С. Кузьмина [6; 7], П.Р. Палажченко [8; 9], И.А. Уолш и В.П. Беркова [10], Н.Л. Шадрина [11] и других источниках.

В любой практической деятельности человек принимает стандартные (стандартизированные) решения или эвристические. Приёмам перевода ФЕ посвящены разделы многих книг по теории и практике перевода. В нашей статье мы обратимся к ситуациям, требующим от переводчика эвристических решений. Размышления о соотношении стандартных и эвристических решений в переводоведческой литературе не столь многочисленны. А.Г. Минченков [12] разрабатывает когнитивно-эвристическую модель перевода. Об эвристике в переводческой работе пишут Т.А. Казакова [13. С.200], В.Н. Комиссаров [14. С.187], М.Я. Цвиллинг [15; 16. С.177-180].

Ниже мы подробно рассматриваем случаи обновления ФЕ. Однако кратко не можем не упомянуть другие случаи перевода ФЕ, требующие эвристических решений. Отдельную интересную группу ФЕ составляют так называемые «прецедентные высказывания»: *Восток – дело тонкое; Так выпьем же за кибернетику!; За державу обидно.* Под прецедентным высказыванием (ПВ) в работах Д.Б. Гудкова и В.В. Красных и их учеников понимается «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу <...> ПВ неоднократно воспроизводится в речи <...> К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера» [17. С.172-173]. Особое внимание исследователей к ПВ объясняется тем, что количество ПВ «весьма велико в текстах сегодняшних СМИ» [18. С.203]. В последнее десятилетие данная тематика активно разрабатывалась (и продолжает разрабатываться) в российской лингвистике. Появляются работы сопоставительного характера. Прецедентные феномены (ПФ) также привлекли внимание переводоведов. Прецедентные феномены в «широком» понимании – любые широко известные имена, высказывания, тексты, ситуации, имеющие хождение и легко узнаваемые в данном лингвокультурном сообществе, – представляют собой интерес с точки зрения теории и практики перевода. Однако ещё больший интерес, по нашему мнению, представляет «узкое» трактование ПФ – только те имена, высказывания, тексты и ситуации, которые имеют метафорический потенциал [19].

Другим интересным объектом исследования представляются те ФЕ, которые переводчики рискуют перевести с точностью до наоборот: 1) энантиосемия ФЕ, когда ФЕ имеет два противоположных значения; 2) внутренняя форма вводит переводчика в заблуждение, так называемые «ловушки внутренней формы» в терминологии Л.К. Латышева [20]. Примеры фразеологической энантиосемии (примеры отобраны из сети Интернет, перевод наш):

He is really a Jack-of-all-trades. I don't know what I would have done without him. → Он действительно мастер на все руки. Я не знаю, что бы я делал(а) без него.

Take your car to a trained mechanic, not to a Jack-of-all-trades. → Отдайте свой автомобиль квалифицированному слесарю, а не неумехе, который всё испортит.

Интересно использование данной ФЕ в заголовке статьи К.Норд «Jack of All Trades, Master of None?» [21]. Обыгрывание внутренней формы ФЕ обсуждается ниже.

По наблюдению С.С. Кузьмина, «с течением времени они [ФЕ] могут менять своё значение с точностью до наоборот» [б. С.259], например *Скатертью дорога!* Это случай диахронической энантиосемии.

Пример «ловушек внутренней формы»: *to give the lie to something* (slightly formal) to show that something is not true (дефиниция словаря www.thefreedictionary.com).

The latest soil tests give the lie to officials who say that the area is not contaminated. → Последние пробы почвы показали, что официальные лица лгут, когда говорят, что эта зона не заражена.

I don't believe in his honesty. I told him all about it, I gave him the lie. → Я не верю в его честность. Я всё сказал ему об этом, я уличил его во лжи.

После небольшого экскурса вернёмся к теме нашей статьи. ФЕ придают высказыванию выразительность. Данным обстоятельством объясняется их широкое употребление и в устной, и в письменной речи. Вместе с тем, как снашивается одежда, особенно любимая, так «снашиваются» и фразеологизмы. «Частое повторение одного и того же слова или выражения выхолащивает его смысл, превращая его в пустой звук» [22. С.54]. Частое употребление ослабляет яркость ФЕ, десемантизирует их, превращая многие из них в штампы, т.е. единицы, «у которых связи знака с денотатом (семасиологические

связи) не выражены или стёрты» [23. С.81]. Понятно в этой связи стремление продуцента текста «восстановить» и даже усилить экспрессивность ФЕ, выхоленную от частого употребления. Данная цель может достигаться умышленным обновлением фразеологизмов.

Обновление ФЕ (также в литературе встречаются термины «деформация», «разложение», «видоизменение», «трансформация» ФЕ) представляет с точки зрения переводоведения несомненный теоретический и практический интерес. Обновление ФЕ регулярно используется как стилистический и риторический приём хотя бы потому, что «нарушение привычных форм языка косвенно служит экспрессивности уже одним тем, что вносит в речь разнообразие. Нет ничего более однообразного, как повторение одних и тех же форм» [24. С.394]. Как отмечают исследователи, обновление ФЕ регулярно встречается в речи как русской, так и английской языковой личности: «Характерно, что процесс переосмысливания и трансформации различных фразеологических единиц наблюдается и в русском языке, и даже в большей степени, чем во французском» [25. С.73]. «Английские писатели, журналисты, ораторы так часто прибегают к обновлению фразеологизмов, что этот стилистический прием можно считать национальным, наряду с аллитерацией, развернутой метафорой или синонимическими парами» [26. С.43-44]. Возможно, дальнейшие исследования дадут основание утверждать, что потребность обновления ФЕ вообще и ПВ в частности универсальна.

Обновлённая ФЕ может усилить или уточнить высказывание, добавить коннотации, вызвать нужные ассоциации, развивающие мысль автора. Во многих случаях обновление ФЕ, имея своей основой обманутое ожидание реципиента текста, приводит к созданию юмористического эффекта и/или иронии [27. С.248]). Чем выше степень неожиданности, тем сильнее экспрессивность [28. С.187]. Множество примеров можно найти в творчестве Николая Фоменко: *Старый друг лучше двух подруг; Работа не волк, а произведение силы на расстоянии* и мн. др.

Непреднамеренное обновление ФЕ является или оговоркой, или языковой ошибкой, как, например, **играть большое значение* или **иметь роль* (примеры заимствованы из [26. С.43]). В таком употреблении чувствуется неграмотное смешение двух фразеологизмов. Термин «деформация ФЕ» воспринимается как

нечто негативное, как ошибка. Термин «обновление», напротив, подразумевает намеренность продуцента текста. Таким образом, знак равенства между терминами «обновление ФЕ» и «деформация ФЕ» вряд ли уместен. Всякое обновление ФЕ должно быть оправдано той целью, которую ставит перед собою автор. Читателю или слушателю эта цель тоже должна быть ясна.

Все виды обновления ФЕ можно свести к пяти основным случаям.

1. Добавление.
2. Замещение.
3. Усечение.
4. Контаминация.
5. Обыгрывание внутренней формы ФЕ.

Рассмотрим возможности, которые может использовать переводчик в каждом случае обновления. Мы осознаём, что когда автор предлагает конкретные варианты перевода, он «подставляет себя под огонь возможной критики» [8. С.10]. Предлагаемые нами ниже переводы обновлённых ФЕ, как мы полагаем, придадут импульс творческой мысли коллег-переводчиков.

1. Добавление (в литературе также встречаются термины «включение» и «вклинивание»). К исходному ФЕ добавляется один или несколько новых компонентов, причем смысловая нагрузка падает, как правило, именно на этот компонент (компоненты). Например:

Не в деньгах счастье, а в их количестве.

С милым рай и в шалаше, если «Вольво» в гараже.

По мнению Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман, введение дополнительного компонента «часто вовсе не является стилистическим приёмом. Иногда это делается для уточнения или усиления высказывания, а иногда бывает вызвано желанием автора “приноровить” сочетание к данному контексту» [26. С.48].

Переводчику к одному из имеющихся на ПЯ эквивалентов исходной ФЕ необходимо подобрать дополнительный компонент (компоненты). Желательна стилизация в виде внутренней рифмы. Иногда приходится прибегать к трансформации образа.

Не в деньгах счастье, а в их количестве. → *Money isn't everything. Big money is.* Или: *Money cannot buy happiness but big money can.*

С милым рай и в шалаше, если «Вольво» в гараже. → *A hut is a castle for those in love. And one little yacht [private jet] will be quite enough.*

Не буди во мне [в нём] зверя, особенно зайца. → *Better let my [his] sleeping dog lie, especially because it's a lap dog.* Можно попробовать: *Let a sleeping rabbit lie.*

A man is known by the company he keeps. A woman is known by the company she keeps out of. → *Мужчина познаётся по друзьям, а женщина – по недругам.* Сомнительно выглядит вариант *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу (тебе), кто ты. Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто у тебя жена.* Двусмысленность последнего варианта граничит, как кажется, с бестактностью.

Не всегда придуманные варианты удаётся стилизовать так, чтобы они были «вкусными». Видимо, в случае *Лучше синица в руках, чем утка под кроватью* приходится согласиться с вариантом *A bird in the hand is better than a bedpan under the bed.*

Сказал как сваркой отрезал. → *(He) said as if chopped off.* В данном случае «сваркой», очевидно, приходится жертвовать.

2. Замещение («замена фразеологического компонента свободным словом», «подстановка», «подмена»). Место привычного компонента (компонентов) занимает новый, который обычно совпадает с замещённым по своим морфологическим характеристикам, синтаксической позиции и ритмической структуре. Смысловая нагрузка падает, как правило, именно на этот компонент (компоненты). Часто компонент замещается паронимом, синонимом или антонимом. Например:

Ладно, оставь ты его. Не может он цифры нормально посчитать, поэт наш... Одарённому коню в зубы не смотрят!

Ревность фраера сгубила.

По нашим наблюдениям, ФЕ обновляются путём замещения компонентов наиболее часто. В переводе необходимо подобрать такой новый компонент, который – желательно – совпадает с замещённым компонентом по своим морфологическим характеристикам, синтаксической позиции и ритмической структуре.

Одарённому коню в зубы не смотрят. → *Don't look a gifted horse in the mouth.*

Ревность фраера сгубила. → *Jealousy did him in* или *Jealousy proved his undoing.*

Hypocrites of the world, unite! → *Лицемеры всех стран, соединяйтесь!*

Рождённый ползать упасть не может. → *He who is destined to crawl will never fall.* [изначально: *He who is destined to crawl will never fly*]

Рождённый ползать везде пролезет. → *He who is destined to crawl will squeeze into any hole.* В последних двух случаях на помощь пришла внутренняя рифма.

И дым копчёностей нам сладок и приятен. (Н.Фоменко) → *Sweet is the smoke of the smoked meat products.* Смотрится не так изящно, как в русском, хотя фраза и восходит к латинскому *Dulcius fumus patriae*, поскольку в английском не имеет статус ФЕ/ПВ, в то время как любой носитель русского языка вспомнит А.С. Грибоедова.

На словарь надейся, а сам не плошай. → *Dictionaries help those who help themselves* (пример С.С. Кузьмина) [б. С.52].

Заголовок статьи: *FOR WHOM THE BELLE TOILS* [29. С.105]. Строка родоначальника «метафизической» поэзии Джона Донна² стала широко известна в русском культурном пространстве благодаря произведению Э.Хемингуэя *For Whom the Bell Tolls* (1940) – «По ком звонит колокол». Благодаря использованию омографа *belle* и паронима *toils*, обновлённая ФЕ (по совместительству ПВ) приобретает особую выразительность. По всей видимости, в данном случае приходится ограничиваться деидиоматизацией и передать смысл, например: *На кого работает красotka.*

Divorces are made in heaven. (O.Wilde) → *Разводы совершаются на небесах.* (И.Кашкин)

In married life three is a company and two is none. (O.Wilde) → *В семейной жизни втроём весело, а вдвоём скучно.* (И.Кашкин), или *В браке [в семейной / супружеской жизни] третий не лишний.* В последнем варианте помогает перифраза известной поговорки.

По наблюдению С.С. Кузьмина, в английском языке замещение как приём обновления «применяют гораздо чаще, чем в русском» [б. С.52].

3. Усечение (тж. «опущение», «редукция», «эллипсис»). При опущении одного компонента (или нескольких) ФЕ оказывается

² ... any man's death diminishes me, because I am involved in Mankind; And therefore never send to know for whom the bell tolls; It tolls for thee – John Donne, “Meditation XVII”, *Devotions upon Emergent Occasions*, 1624.

незаконченным, но все компоненты легко восстанавливаются в сознании. Например:

Ладно, пойду метать бисер... (из фильма «Служебный роман»)

Good riddance [to bad rubbish].

Обычно усечение удается и в ПЯ.

Ладно, пойду метать бисер... → *All right, I'm (already) on my way to cast pearls...*

Good riddance [to bad rubbish]. → *Скатертью дорога, или Нашим легче, или Сплавил, и слава Богу!* В данном примере на ПЯ «усекать» просто нечего.

Ещё более трудный случай. В приведённом ниже примере содержится прецедентное имя Папа Карло:

Я тут каждый день как папа Карло, а вы... → *Every day I work like... and you...*, дважды прибегая к апозиопезису, или используя приём трансформации образа: *...I work my brains out.../ (sl.) my ass off and you...*

Два рассказа Джеффри Арчера называются *The Grass is Always Greener...* → *Там, где нас нет...* и *Timeo Danaos* → *Бойтесь данайцев...* В данном случае переводчик в принципе имеет право оставить в тексте перевода трансплантат *Timeo Danaos* (ведь перевод мы осуществляем с английского языка, а не со всех языков мира сразу), но в этом случае необходимо сделать сноску.

4. Контаминация. Соединение двух (в редких случаях нескольких) ФЕ в одну. Иногда возникает новый смысл, но чаще новый «фразеологизм» просто привлекает необычностью. Перефразируя героев О.Уайлда: может быть, это и не умно, но сказано хорошо.³ Например:

Не плюй в колодец, вылетит – не поймашь.

Против лома кулаками не машут.

Куй железо, не отходя от кассы. (фильм «Бриллиантовая рука»)

Не потому, что рождённый ползать летать не может, а потому, что курица не птица.

Буря мглою небо кроет в стакане воды.

³ JACK: *Is that clever?* ALGERNON: *It is perfectly phrased!* (O.Wilde. *The Importance of Being Earnest*).

Контаминация очень трудна для передачи. Необходимо контаминировать две ФЕ на ПЯ так, чтобы новая единица «вписалась» в ситуативный контекст. По счастью, контаминированные ФЕ встречаются в работе переводчика не так уж часто. Без ситуативного контекста, из которого новый «фразеологизм» может быть понят, предлагать варианты перевода нецелесообразно. Приведем только один пример перевода.

Куй железо, не отходя от кассы. → *Strike while the iron is hot and the money is near.*

Попытки сохранения второй части ФЕ *Считайте деньги не отходя от кассы* (*Check your money right at the cash register*), например: [?]*Strike the iron right at the cash register* выглядят неубедительно и, по нашим опросам, вызывает у носителей английского языка лишь недоумение.

5. Обыгрывание внутренней формы ФЕ (тж. встречаются термины «комбинированное разложение ФЕ» и «перераспределение»). Начальная ФЕ становится фоном, а высказывание приобретает большую экспрессивность. Например:

Это ясно всем, кроме ежа.

SEE THE FOREST? THE WORLD BANK CAN'T EVEN SEE THE TREES. (*New York Times*)

ФЕ в ИЯ и ПЯ не всегда совпадают, что неизбежно приводит к трудностям в обыгрывании эквивалентной ФЕ на ПЯ. Часто приходится ограничиваться деидиоматизацией, соглашаясь с потерей образности.

Это ясно всем, кроме ежа. → *It's a no-brainer for anyone but him/her / a fool / dolt / dunce / blockhead / nitwit.* «Ёж» вынужденно пропадает.

SEE THE FOREST? THE WORLD BANK CAN'T EVEN SEE THE TREES. (*New York Times*) → *Лес виден? Международный банк не видит даже деревьяев.* Интернациональная ФЕ в русском языке обыгрывается легко.

CECILY. Do you suggest, Miss Fairfax, that I entrapped Ernest into an engagement? How dare you? This is no time for wearing the shallow mask of manners. When I see a spade I call it a spade.

GWENDOLEN. [Satirically.] I am glad to say that I have never seen a spade. It is obvious that our social spheres have been widely different. (O.Wilde)

→ *Сесили. ... Если я вижу лопату, я и называю ее лопатой.*

Гвендолен. ... Рада довести до вашего сведения, что я никогда в жизни не видела лопаты. ... (И.Кашкин)

Стёртая метафора неожиданно обыгрывается. В речи такое, впрочем, случается регулярно: *О, у нашего стола такие стройные ножки!* Калька приводит к деидиоматизации.

ФЕ сначала появляется в речи, потом закрепляется на уровне языка (в словаре). От частого употребления экспрессивность стирается. Обновление ФЕ происходит снова в речи. Таким образом, обновлённые ФЕ проделывают путь: речь → язык → речь.

Переводчик, создавая вторичный текст, вслед за автором текста первичного должен обновлять ФЕ. Это нелегко. Ведь даже в случае необновлённых ФЕ (*fixed idioms*) перевод «напрямую» («*straight translation*») не всегда возможен [30. С.137]. Переводчик должен стремиться передать идиостиль собеседников, который проявляется, в частности, в обновлении ФЕ. Иначе в условиях глобализации и большого объёма выпускаемой литературы и так уже появляются такие новопереводы (*with-it translate*), в которых проза женщины из Палестины начинает напоминать прозу мужчины из Тайваня [31. С.372].

В устном переводе при дефиците времени труднее оценить возможность создания обновленного ФЕ в ПЯ и принять решение или на обновление ФЕ, или передачу общего смысла (деидиоматизацию). Как должен поступить переводчик, когда в ответ на «дежурную» трансформацию *to kill two birds with one stone* → *убить двух зайцев сразу* он слышит: *Ну, господа хорошие, этих зайцев вы за уши притянули?* Очевидно, в этой неприятной для переводчика ситуации приходится «отыгрывать назад» и пояснять как смысл, так и образ ФЕ.

Обновлённые ФЕ могут встретиться в обоих типах перевода (в терминах В.В. Сдобникова): как в «собственно переводе», так и в «терциарном переводе» [32]. Под «терциарным переводом» – термин изначально предложен М.Я. Цвиллингом – понимается своего рода «перевод-перехват», выполняемый в интересах третьих лиц [16. С.118-120]. Такой перевод может, например, осуществляться в условиях психотренинга, когда тренер, наблюдая за участниками и слушая через переводчика их разговоры между собой, хочет знать не только *что* они говорят, но и *как* они это говорят [33]. При

«собственно переводе» обновлённые ФЕ регулярно встречаются в заголовках статей и названиях фильмов.

Нужно ли учить будущих переводчиков переводить обновлённые ФЕ? Конечно, в первую очередь в любой практической деятельности – будь то управление автомобилем, игра в теннис, приготовление пищи или перевод – необходимо освоить стандартные приёмы. Однако водитель, проезжая по давно знакомой дороге, должен заметить открытый на дороге люк или пешехода, соскользнувшего с сугроба на проезжую часть, и принять эвристическое решение. По мнению М.Я. Цвиллинга, в работе переводчика важным «является своего рода “эвристический ноу-хау”, т.е. развитая до автоматизма способность находить оптимальное решение в непредсказуемой лингвистико-коммуникативной ситуации» [16. С.177]. Мы убеждены в том, что на занятиях по переводу эвристическим упражнениям время должно находиться. «...методика обучения должна способствовать развитию эвристических способностей и умений у будущих переводчиков. Этой цели могут служить проблемные задания «”перевод непереводимого” <...> [16. С.180]. Упражнения по переводу обновлённых ФЕ развивают креативность и эвристичность мышления. Отдельные упражнения можно найти в [6]. Много примеров обновлений для упражнений можно найти в словаре Г.Тайтлмэна [29].

Итак, обновление ФЕ в переводе по своему характеру эвристично. Оно сродни игре слов [6. С.37]. Для того чтобы подготовиться к ситуации перевода обновлённой ФЕ, прежде всего в устном переводе, переводчику необходимо:

- 1) постоянно сопоставлять ФЕ двух языков и учить эквивалент(ы);
- 2) составлять картотеку новых ФЕ (и ПВ), ещё не зафиксированных словарями, придумывать собственные варианты перевода;
- 3) в случае перевода на иностранный язык необходимо проверять придуманные варианты с носителем языка, иначе обновлённый фразеологизм может смотреться (звучать) неубедительно;
- 4) обновлять ФЕ в собственной речи на обоих (всех) рабочих языках.

Библиографический список

1. Коралова А.Л. Осторожно, - фразеологизм! // Тетради переводчика. Вып. 22. М., 1987. С. 99-106.
2. Бродский М.Ю. Пёрловая каша, или Как НЕ надо переводить. Екатеринбург: АМБ, 2007. 128 с.
3. Бродский М.Ю. Пёрловая каша-2010. Екатеринбург: АМБ, 2010. 91 с.
4. Бурак А.Л., Берди М., Елистратов В.С. Дополнение к русско-английским словарям. М.: Астрель, 2003. 69 с.
5. Загот М.А. Ищите и найдете, или Англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого. М.: Р.Валент, 2004. 280 с.
6. Кузьмин С.С. Идиоматический перевод с русского языка на английский (Теория и практика). М.: Флинта: Наука, 2004. 312 с.
7. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. М.: Флинта: Наука, 2006. 776 с.
8. Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика). М.: Р.Валент, 2002. 304 с.
9. Палажченко П.Р. Несистематический словарь-2005. М.: Р.Валент, 2005. 248 с.
10. Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. М.: Астрель, 2002. 320 с.
11. Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь устойчивых сравнений. СПб.: Изд-во «Золотой век», 2003. 528 с.
12. Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология, 2007. 256 с.
13. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: СПбГУ, 2006. 224 с.
14. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
15. Цвиллинг М.Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков // Чтение. Перевод. Устная речь. Л., 1977. С.172-180.
16. Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. М.: Восточная книга, 2009. 288 с.
17. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
18. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

19. Brodsky M. Learning Cultures in the Age of Globalization (precedent phenomena in intercultural communication and translation) // *Russia and China in the Modern Global World*. Chanchun, 2007. P.257-264.
20. Латышев Л.К. *Технология перевода*. М.: НВИ-Тезаурус, 2000. 280 с.
21. Nord C. Jack of All Trades, Master of None? // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. С. 114-121.
22. Костомаров В.Г. *Культура речи и стиль*. М.: ВПШ, 1960. 72 с.
23. Миньяр-Белоручев Р.К. *Теория и методы перевода*. М., 1996. 208 с.
24. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 416 с.
25. Мосьяков А.Е. Разложение фразеологизмов и перевод // *Тетради переводчика*. Вып. 13. М., 1976. С. 70-74.
26. Левицкая Т.Р, Фитерман А.М. Обновление фразеологических единиц и передача этого приёма в переводе // *Тетради переводчика*. Вып.5. М., 1968. С. 43-52.
27. Кузьмин С.С. *Перевод русских фразеологизмов на английский язык*. М.: Высшая школа, 1977. 270 с.
28. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. *Проблемы перевода*. М.: *Международные отношения*, 1976. 208 с.
29. Titelman G.Y. *Random House Dictionary of Popular Proverbs and Sayings*. NY.: Random House, 1997. 468 p.
30. Snell-Hornby M. *The Turns of Translation Studies*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. 208 p.
31. Spivak G. *The Politics of Translation* // *The Translation Studies Reader* [ed. By L.Venuti]. NY., 2008. P.369-388.
32. Сдобников В.В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. Вып.10. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. С.132-143.
33. Шайффеле Э., Бродский М.Ю. Как важно быть серьёзным... при переводе на психотренинге // *Мосты. Журнал переводчиков*. № 4 (12). 2005. С. 47-49.

Сведения об авторе

Бродский Михаил Юрьевич

кандидат филологических наук, доцент,

зав. кафедрой перевода

Института международных связей, г. Екатеринбург

E-mail: mikhail.brodsky@gmail.com

УДК 81'255.2:6

ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Т.А. Волкова

Челябинский государственный университет, Челябинск

В статье рассматривается авторская дискурсивно-коммуникативная модель перевода, описываются возможности применения модели к анализу и переводу научной и технической литературы, подходы к трактовке понятий «научный текст», «научный дискурс», «научная коммуникация» в теории и практике перевода с целью определения стратегий перевода научной и технической литературы, оптимизации алгоритма работы письменного и устного переводчика, методики обучения переводу научной и технической литературы.

Ключевые слова: дискурсивно-коммуникативная модель перевода, научный текст, научный дискурс, научная коммуникация, стратегия перевода, предпереводческий анализ, интердискурсивность.

A Discourse and Communication Model of Translating Scientific and Technical Literature

Tatiana Volkova

The paper describes an original discourse and communication model of translation and suggests ways of applying it to analysis and translation of scientific and technical literature. The author discusses approaches to defining such notions as “scientific text,” “scientific discourse” and “scientific communication” in terms of translation theory and practice, in order to define translation strategies for scientific and technical literature, streamline the translation and interpreting processes, and determine optimal techniques for scientific and technical translation.

Key words: discourse and communication translation model, scientific text, scientific discourse, scientific communication, translation strategy, pre-translation analysis, interdiscursivity.

Перевод научной и технической литературы различными авторами определяется как специальный перевод, научно-технический перевод, технический перевод, предполагающий перевод технических и научных статей и докладов, технических книг, учебников, научных монографий, патентов (описаний изобретений, прилагаемых к патентам), перевод проектных материалов, юридических документов, маркетинговой литературы, руководств по эксплуатации, локализацию программных продуктов. Существуют понятия коммерческого, экономического, юридического перевода. Принимая во внимание различные жанры и тематики текстов, далее

мы будем оперировать понятиями «перевод научной и технической литературы» и «перевод научных текстов», соотнося данные понятия как общее и частное.

Развитие науки и техники на современном этапе расширяет границы междисциплинарности, предполагает работу переводчика в разнообразных отраслях науки и техники, в различных языковых комбинациях, требует развития теории перевода научной и технической литературы. Настоящая статья посвящена исследованию научных текстов, научного дискурса и научной коммуникации в теории и практике перевода в рамках авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода.

С целью уточнения понятий рассмотрим существующие представления о научном тексте, научном стиле, научном дискурсе, научной коммуникации в практике филологической интерпретации научных произведений. Научный текст выступает как выражение и отражение научного стиля, особого способа когнитивных и коммуникативно-речевых действий субъекта, решающего в процессе формулирования текста задачу сообщения нового знания о действительности и доказательства истинности этого знания. Содержанием научного текста является вербализованное знание; в речевой форме фиксируется производство и функционирование знания [1. С. 22].

По мнению В.Е. Чернявской, научный текст может и должен анализироваться в строгом терминологическом смысле как дискурс. Текстовая ткань рассматривается в неразрывной связи с ментальными и коммуникативно-типологическими условиями создания текста, с системой когнитивных и прагматических стратегий, операциональных установок автора научного сообщения, взаимодействующего с адресатом, с комплексом экстралингвистических факторов, надстраивающихся на языковые особенности. В этом отношении научный текст синонимичен понятию «научный дискурс». Тексты научного дискурса связаны друг с другом широкими семантическими отношениями и объединены в коммуникативном и функционально-целевом аспекте [1. С. 24-25].

Соотношение понятий «дискурс – стиль – текст» неоднозначно. Исследователи представляют текст как языковой конструкт, вербальный компонент акта коммуникации, реализующий законченную смысловую модель; стиль представляется как языковые

структуры текста, в которых отражена специфика принятых форм коммуникативного взаимодействия в той или иной сфере; дискурс представляется как совокупность коммуникативных и вербальных параметров, определяющих способы осуществления коммуникации в той или иной сфере, получающих материальную реализацию в виде формации текстов, маркированных наличием специфичных языковых структур (стилистических черт) и воплощающих особый способ отражения мира, принятый в рамках данной коммуникативной сферы [2].

По мнению Ю.Е. Прохорова, текст и дискурс не находятся между собой в родовидовых отношениях; дискурс не является промежуточным звеном между системой и текстом, он не есть текст в совокупности с экстралингвистическими параметрами, равно как и текст не является дискурсом за минусом этих параметров. Текст и дискурс являются «фигурами коммуникации» [3. С. 33]. Коммуникация, таким образом, содержит три неслиянные и нерасторжимые составляющие: материальную фигуру действительности, в сфере которой и на основании которой осуществляется коммуникация; интровертивную фигуру текста, обеспечивающую ее содержательно-языковую основу; экстравертивную фигуру дискурса, обеспечивающую содержательно-речевую основу взаимодействия участников коммуникации [3. С. 34-35].

Данное соотношение понятий «текст», «дискурс» и «коммуникация» представляется нам некоторым концентрированным отражением сложившихся в современной лингвистике и смежных областях науки взглядов на дискурс. В рамках комплексного исследования дискурса, стратегичности перевода и коммуникации представляется целесообразным рассмотреть возможность включения в общую схему интерреляции понятий «текст», «дискурс», «коммуникация» двухуровневой структуры переводческих стратегий. Основу применения переводческих стратегий, на наш взгляд, можно представить в виде комбинации ряда взаимосвязанных компонентов: уровень текста, уровень дискурса, уровень коммуникации. Лингвистические (стилистические, лексико-семантические, синтаксические, прагматические) особенности исходного текста, его дискурсивные характеристики (авторство, адресность текста, нарратив), узловые точки дискурса, его конститутивные признаки

(цели, ценности, хронотоп, языковое воплощение, тематика, участники дискурса, интердискурсивность), функции, типовые свойства и стратегии коммуникации определяют переводческие решения, формируют микростратегии перевода на уровне текста и макростратегии перевода на уровне дискурса и коммуникации. Типология переводческих стратегий в рамках предлагаемой дискурсивно-коммуникативной модели перевода включает также общую стратегию перевода (стремление переводчика как можно полнее понять переводимый текст и найти ему наиболее точное соответствие в языке перевода) и этапы процесса перевода.

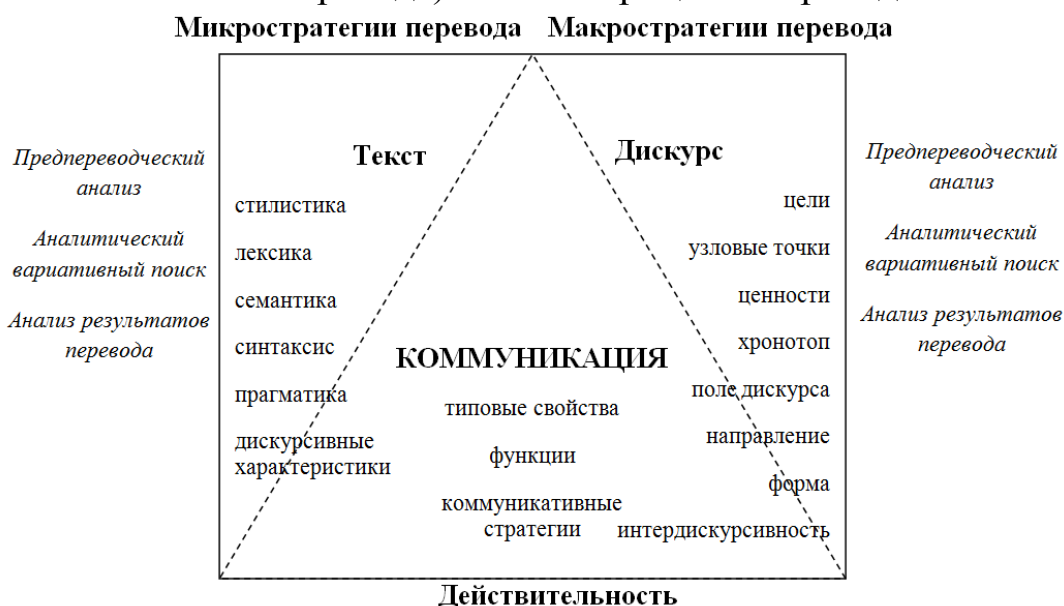

Схема 1. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода

Элементы дискурсивно-коммуникативной модели перевода соотносятся с этапами процесса перевода и отдельными компонентами предпереводческого анализа, обозначенными И.С. Алексеевой: сбор внешних сведений о тексте (автор, реципиент, время создания и публикации, отношения интертекстуальности, представление об источнике), состав информации и ее плотность (компрессивность), коммуникативное задание, доминанты перевода, жанр текста [4]. Отметим также компоненты предпереводческого анализа, обозначенные О.В. Петровой: тематическая отнесенность текста, цель создания оригинала (коммуникативное назначение исходного текста), цель создания перевода, адресат, композиция текста, жанрово-стилистические характеристики текста [5]. Анализ лингвистических особенностей текста и функций коммуникации позволяет определить состав и плотность информации, жанровую

принадлежность текста, функцию текста. Коммуникативное задание переводчик получает от заказчика и/или выявляет на этапе анализа лексико-семантических, прагматических и иных особенностей текста и его дискурсивных характеристик, узловых точек и конститутивных признаков дискурса, типовых свойств, функций и стратегий коммуникации, что позволяет переводчику составить представление о цели создания оригинала и цели создания перевода.

В рамках авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода представляется возможным отметить основные особенности научного текста, дискурса и коммуникации. В соответствии с доминирующей текстовой функцией выделяют следующие типы текстов в сфере научной коммуникации: академические (научно-теоретические), реализующие собственно исследовательские цели и вербализующие новое научное знание; научно-информационные; научно-критические; научно-популярные, научно-учебные. Существенное значение имеет разделение различных типов текста в научной коммуникации по принципу первичности / вторичности, в зависимости от содержания сообщаемого научного знания [1. С. 38-39].

Научная и техническая литература характеризуется разной степенью специализации, для отдельных видов текстов характерна шаблонность. Для научного стиля, реализующего теоретическое мышление в понятийно-логической форме, характерны информативность, объективность, некатегоричность, взвешенность и соразмерность оценок, обобщенность, подчеркнутая логичность и доказательность, точность и ясность, сфокусированная коммуникативная направленность на адресата, диалогичность изложения; отвлеченность, терминологичность, однозначность, краткость.

К признакам и характеристикам научного дискурса относят интеракциональность, интенциональность, адресность, обязательность инференции (выводного знания), диалогичность [6].

Для научного дискурса характерны типизированные условия общения, которые предполагают свободный обмен мнениями, равные пресуппозиции участников, сформированная традиция общения и наличие значительного пласта общих текстов [7]. Отношения участников определяются двумя коммуникативными установками: официальным статусом, информационным равенством. В качестве

участников научного дискурса выступают ученые, исследователи, формирующие определенные научные сообщества [2].

Цели научного дискурса связаны с принципиальной ориентацией на получение нового знания и определяются процессом вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленным в вербальной форме и обусловленным коммуникативными канонами научного общения (логичностью изложения, доказательством истинности либо ложности тех или иных положений, предельной абстрактизацией предмета речи) [7]. Цель, как правило, эксплицитно выражена в тексте:

Целями данной работы были изучение последовательности превращений в оксидах железованадиевых концентратов при переработке, определение температуры восстановления разных металлов из этих оксидов, а также параметров твердофазной металлизации и разделительной плавки для наиболее полного извлечения металлического железа

The purpose of this work is to study the sequence of transformations in the oxides of the iron-vanadium concentrates during processing, to determine the reduction temperatures of various metals from these oxides, and to find the parameters of solid-phase prereluction and separation melting in order to extract metallic iron <...> [9; 10] <...>

К узловым точкам научного дискурса представляется возможным отнести ключевые концепты «истина», «знание», «исследование». «Истина» как ключевой концепт научного дискурса обладает рядом характеристик: истина едина, путей к ней множество, истине противопоставляется ложь и видимость истины; для научного дискурса актуальным является доказательство отклонения от истины, т.е. доказательство заблуждения [8]. Значимыми для научного дискурса являются критерии научности: систематичность, методичность, критичность, общезначимость результатов [11; 2].

Ценности научного дискурса сводятся к признанию познаваемости мира, необходимости умножать знания и доказывать их объективность, уважению к фактам, беспристрастности в поисках истины, высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления [6], определяются принципами научной этики.

Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога в письменной и устной формах [8]. Хронотоп научного дискурса определяется в двух планах: реальных и текстовых действий. Реальные действия осуществляются в локализованном времени и пространстве, текстовые выходят за их пределы, формируя специфическое ментальное пространство, в котором осуществляется диалог с теориями и концепциями вне учета их временной и пространственной локализации [2].

Научный дискурс охватывает широкую тематику; очевидно, что важным является выделение различных областей знания, каждая из которых определяет свой круг особенностей. В силу прозрачности границ дискурса происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте [12], взаимопроникновение дискурсов, возникает интердискурсивность как способность дискурса манифестировать свои системообразующие признаки в нетипичной для данного типа дискурса ситуации (в ситуации, которая по внешним признакам относится к другому типу дискурса). Исследование понятия интердискурсивности представляется важным этапом функционального анализа дискурсивной практики. В рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода интердискурсивность представляется возможным определять по следующим параметрам: поле (тематика) и направление (участники) дискурса, цели и ценности дискурса, узловые точки дискурса, лингвистические особенности и дискурсивные характеристики отражаемого дискурсом текста (форма дискурса), типовые свойства и функции коммуникации, применяемые коммуникативные стратегии.

Научный дискурс проявляет высокую степень интердискурсивности; в отражающих научный дискурс текстах в рамках научного нарратива представляется возможным выделить различные типы интертекстуальной связи. Научный текст предстает как интертекст благодаря наличию в нем переклички авторской позиции с позицией / позициями оппонентов, благодаря диалогу между своим (новым) и чужим (старым) знанием. В этом же смысле реализацию интердискурсивности научного общения можно усмотреть в особой организации смысла текста, направленной не только на формирование и выражение новой идеи, но и на активизацию ментальной работы предполагаемого читателя, его убеждение. Научный текст, рассматриваемый в аспекте становления и

выражения в нем нового знания, представляется возможным понимать как интердискурс [13].

Представляется целесообразным подчеркнуть типизированную структуру текстов, отражающих научный дискурс, проявляющуюся в его организации как последовательности этапов рассуждения, что подтверждается, например, структурой научной статьи (аннотация, ключевые слова, введение, материалы, методика и результаты экспериментов, обсуждение результатов, выводы). К основным этапам представляется возможным отнести выдвижение гипотезы, введение термина и понятия, приведение доказательств, описание, констатацию, конкретизацию, логические операции и причинно-следственные связи, актуализацию внимания, цитирование, иллюстрирование, приведение примеров, обобщение, обоснование вывода, подведение итогов [14], например:

<p>Из сопоставления результатов исследований фазового состава исходного концентрата и продуктов его металлизации, результатов микрорентгено-спектрального анализа фаз и анализа дериватограмм следует ряд выводов. Во-первых, <...> Это следует из результатов анализа содержания углерода в металлической фазе <...></p>	<p>Based on the results of studying the phase composition of the initial concentrate and the products of its prereduction, the EPMA results, and an analysis of derivatograms, we can draw the following conclusions. First, <...> This conclusion follows from the results of analysis of the carbon content in the metallic phase <...> [9; 10].</p>
---	--

Основные характеристики научного дискурса устанавливают его связь с ситуацией общения, подтверждая неразрывную связь текста, дискурса и коммуникации. Коммуникация является неотъемлемым средством существования науки как формы деятельности.

Научная коммуникация социально регламентирована; основными аспектами научной коммуникация являются информационный и интерактивный [15]. К наиболее выраженным типовым свойствам научной коммуникации как профессиональной отраслевой коммуникации представляется возможным отнести ритуальность, институциональность, эзотеричность (исключение составляют научно-популярные статьи, учебные тексты), полноту информации (за исключением текстов, адресованных узкому кругу

специалистов). Для научной коммуникации характерна стандартность, оценочность (выражаемая имплицитно и эксплицитно), толерантность, диалогичность («диалог на расстоянии» при работе с письменным текстом).

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода находит свое применение в письменном переводе, устном переводе, обучении переводу научных текстов. Дополняя существующие рекомендации по переводу научной и технической литературы (А.Л. Пумпянский, Б.Н. Климзо, М.П. Брандес, В.И. Провоторов, И.С. Шалыт, Е.К. Масловский, методические руководства издательских и переводческих компаний), представленный подход по мере накопления данных позволяет определить стратегии перевода научных текстов различных жанров, сформулировать более эффективный алгоритм работы письменного и устного переводчика научных текстов. Применение дискурсивно-коммуникативной модели перевода позволяет также оптимизировать методику обучения переводу научной и технической литературы в рамках приоритетных направлений развития науки, технологий и техники.

Библиографический список

1. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
2. Мишанкина Н.А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Томск, 2010. 46 с.
3. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006.
4. Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 288 с.
5. Петрова О.В. Модель предпереводного анализа текста // Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: Монография / Под общ. ред. В.В. Сдобникова. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 38-42.
6. Какзанова Е.М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2011. 46 с.

7. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 318 с.
8. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.5-20.
9. Роцин В.Е., Асанов А.В., Роцин А.В. Твердофазная металлизация железованадиевых концентратов и жидкофазное разделение продуктов их восстановления // *Металлы*. 2010. №6. С. 15-22.
10. Roshin V.E., Asanov A.V., Roshin A.V. Solid-Phase Prereduction of Iron-Vanadium Concentrates and Liquid-Phase Separation of the Products of their Reduction // *Russian Metallurgy (Metally)*. 2010. No. 11. Pp. 1001-1008.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С. 24.
13. Данилевская Н.В. Научный текст в аспекте интердискурсивного подхода // *Вестник Пермского университета*. 2009. Вып. 3. С. 18-22.
14. Большакова Е.И., Баева Н.В. Автоматический анализ дискурсивной структуры научного текста // *Электронный ресурс Интернет*: <http://www.dialog-21.ru/materials/?id=56271>
15. Литвинов А.В. Научный дискурс в свете межкультурной коммуникации // *Филология в системе современного университетского образования: Материалы научной конференции (22-23 июня 2004 г.)*. М.: УРАО, 2004. Вып.7. С. 283-289.

Сведения об авторе

Волкова Татьяна Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
Челябинского государственного университета
E-mail: tatia.volkova@gmail.com

УДК 81'255:004.5

КОРПУС ТЕКСТОВ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СЛОВАРЮ В ПЕРЕВОДЕ И КОРПУСНАЯ ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА

А. Ю. Мордовин

Иркутский государственный лингвистический университет, Иркутск

На основе прагматической и функциональной схожести словаря и корпуса текстов для целей перевода текстов предпринята попытка сопоставить два указанных вида ресурсов с целью определить их принципиально важные методологические и прагматические свойства, выявить преимущества и ограничения, присущие словарю и корпусу применительно к переводу, а также описать прагматический аспект взаимодействия переводчика с корпусом.

Ключевые слова: корпус текстов, словарь, перевод, прагматика перевода.

The Text Corpus as an Alternative to the Dictionary, and Corpus Pragmatics of Translation

Alexey Mordovin

Accepting the pragmatic and functional similarity of the dictionary and the text corpus for the purpose of text translation, the article compares the two types of resources in order to define their key methodological and pragmatic properties, to identify their inherent advantages and restrictions, as applicable to translation, and to describe the pragmatics of “translator-corpus” interaction.

Key words: text corpus, dictionary, translation, translation pragmatics.

Данное исследование посвящено анализу потенциальной «конкуренции», которую корпусы текстов не только могут, но уже начинают оказывать традиционным словарям, и представляет собой попытку осмыслить причины и сущность происходящих в этой связи процессов в области профессионального перевода.

С целью максимально точного обозначения поля и основных объектов исследования необходимо уточнить объем обсуждаемой прототипической ситуации и уровень вовлеченных языковых компетенций.

Суть рассматриваемого вопроса в следующей триаде: «переводчик – словарь – корпус». Исключительно для целей нашего размышления, за пределами этой рабочей связки, организованной по типу «исполнитель (творец) – инструмент», мы оставляем исходный текст (автора) и текст перевода (реципиента). Иначе говоря, нас интересует исключительно внутренний механизм процесса перевода,

поэтому мы вынужденно отвлекаемся от вопросов его соотнесенности с исходным замыслом автора и степени удовлетворенности потребителя перевода (реципиента).

Определим основные методологически важные признаки элементов нашей триады.

Говоря о переводчике, мы подразумеваем профессионального переводчика, имеющего необходимое образование, навыки, опыт работы, а также компетенции по взаимодействию с соответствующими электронными интерфейсами.

Наше представление о словаре определяется двумя принципами: прототипом переводчика и его переводческой задачей, а также необходимостью объяснить природу постулируемой методологической схожести словаря и корпуса текстов.

С одной стороны, поскольку речь идет о профессиональном переводчике, необходимо придавать максимально возможный приоритет эргономичности словаря и его «энергоэффективности». Иначе говоря, при обращении переводчика к словарю в дополнение к базовым ожиданиям любого пользователя (наличие достаточного выбора языковых единиц, системы помет, точность определений и т.д.), для профессионального переводчика большое значение имеет субъективная эффективность словаря, т.е. отношение затрат времени и усилий на навигацию по словарю к удовлетворенности полученным результатом. Такая эффективность словаря оценивается переводчиком субъективно и обязательно соотносится с текущими требованиями в отношении сроков, качества, лингвокультурной точности и иных параметров перевода.

Кроме того, сфера деятельности профессионального переводчика, как правило, не ограничивается узким кругом специализации. Поэтому большое значение уделяется также и принципу эргономики словаря, т.е. удобства и привычности в использовании несмотря на смену тематики или формата перевода.

С учетом текущего развития компьютерных технологий можно констатировать, что всем указанным требованиям к эргономичности и эффективности словаря в полной мере соответствуют лишь профессиональные электронные словари. Поскольку данное исследование не ставит задачи составления таксономии электронных словарей, ограничим наше внимание двумя наиболее

распространенными на рынке продуктами – словарями Lingvo и Multitran.

Эти словари обладают следующими общими свойствами, которые позволяют значительно повысить уровень субъективно воспринимаемой эффективности словаря: многоязычность, однообразие интерфейса и основных принципов взаимодействия с ним, удобный способ организации переводов в тематики (подсловари), возможность индексации, подшивки, пометки выбранного пользователем варианта перевода и т.д. Кроме того, словарь Multitran позволяет всем желающим пользователям добавлять в словарь собственные варианты переводов, которые далее становятся доступными для всех остальных пользователей словаря при минимальной «цензуре» (за что Multitran на сленге переводчиков достаточно быстро снискал прозвище «свалки»).

Основные шаги обращения переводчика к такому словарю следующие: копирование искомого слова (словосочетания) в интерфейс словаря – отправка поискового запроса – вывод большого числа вариантов, разбитых по тематикам – выбор необходимой тематики и варианта – быстрое копирование перевода в переводимый документ.

Нетрудно заметить, что такой порядок действий отнюдь не является уникальным для электронного словаря, но свойствен любой электронной поисковой системе. Таким образом, на уровне прагматики словарь постепенно перестает восприниматься как авторский труд, или как продукт «ручного» анализа языковых компетенций информантов. В особенности, если переводчику известно, что интересующий его вариант перевода добавлен в словарь другим таким же переводчиком, то, в сущности, обращение к словарю превращается в обращение к прочим участникам (двуязычного) языкового сообщества, организованного в оболочке словаря, и в целом мало чем отличается от запроса в поисковую систему по сети Интернет, на профильный форум и т.д.

Различие заключается лишь в том, что в электронном словаре искомым ответ доступен мгновенно, частично «легитимизирован» (если внесен пользователем с «авторитетным» именем пользователя, например «Dzherko» в словаре Multitran). Электронные словари тесно увязаны (особенно в онлайн-версии) с профильными форумами, где

всегда присутствуют компетентные переводчики, также способные дать оперативный ответ.

Ссылки на исходные бумажные словари, послужившие в качестве исходника при разработке тематик словаря (подсловарей), как правило, не приводятся; впрочем, и не вызывают интереса пользователя.

Для случаев, когда от переводчика требуется сознательное обращение к определенному изданному словарю, когда нужны его выходные или авторские данные, существуют иные специализированные онлайн-сервисы, например «Яндекс.Словари».

Все описанное выше необходимо для того, чтобы проиллюстрировать, что с точки зрения практикующего переводчика словарь – всего лишь один из удобных способов обратиться к опыту соответственного языкового сообщества.

В этом смысле и оказывается интересным его сходство с корпусом текстов. Строго говоря, между корпусом текстов и словарем, применительно к переводу существует фундаментальная разница: словарь указывает на межъязыковые эквиваленты, тогда как перед корпусом такой задачи не стоит, он всего лишь более или менее адекватно воспроизводит текущее состояние иностранного (родного) языка переводчика и оборудован системой для построения конкордансов и иных видов поиска.

Однако во взятой нами за основу прототипической ситуации, в силу высокого профессионального уровня переводчик нередко знаком с большинством вариантов перевода и нуждается в информации для совершения мотивированного выбора. Для этого он может выбрать обращение либо к словарю, либо к корпусу.

Обращение к словарю возможно по двум сценариям:

1) направление соответственного поискового запроса в электронный словарь с дальнейшим выбором варианта на основании того, в какую тематику (подсловарь) он будет включен,

2) использование комбинаторного словаря.

На наш взгляд, корпус позволяет решить такой тип задачи гораздо эффективнее и убедительнее.

Справедливо будет отметить, что несвязанные с корпусами текстов численные методы для выбора варианта сочетаемости/выбора из группы синонимов известны достаточно давно, со времени появления крупных поисковых сервисов в сети Интернет. Это очень

разнообразные по способу и форме алгоритмы принятия решения на основании данных о количестве найденных поисковой системой веб-страниц, содержащих необходимую речевую единицу (единицы). Могут использоваться различные операторы поисковых запросов, фильтры и т.д., что позволяет приспособить метод к решению конкретной задачи.

Этот метод страдает рядом недостатков, как будто бы устраненных в корпусах текстов. Во-первых, поиск осуществляется по неоправданно зауженному сектору дискурса – только по тем жанрам, которые доминируют в сети Интернет (именно доминируют, а не просто присутствуют, ведь этот метод – строго статистический по своей сути). Во-вторых, при таком поиске только частично решена проблема численной адекватности результата, особенно, когда полученные результаты численно близки. Дело в том, что в сети нередко существует большое количество «клонов» текстов, и чем текст популярнее, тем больше у него «клонов» на различных ресурсах. В предельном выражении это может привести к тому, что какое-либо языковое/речевое явление, будучи практически идиосинкратическим по сути, за счет популярности текста может создавать видимость высокой частотности употребления в языке. Частично проблема «клонов» решается с помощью интерфейса самой поисковой системы.

Формально корпуса текстов лишены присущих поисковым системам недостатков, хотя существует точка зрения, что сеть Интернет необходимо также считать корпусом («веб как корпус»).

Корпусы текстов сочетают в себе методологические преимущества и сети Интернет, и классических словарей одновременно. Корпусы составляются таким образом, чтобы наиболее полно и непредвзято отобразить весь объем дискурса на данном языке. При этом применительно к целям перевода они превосходят словари по объективности, ведь корпуса не являются, в отличие от словаря, «опосредованным» продуктом. Взамен корпуса текстов переключают на пользователя задачу, уже выполненную в рамках словаря, а именно – смысловую интерпретацию количественных результатов поиска в корпусе.

Корпус не может рекомендовать какие-либо варианты перевода, он лишь указывает на их частотность, тогда как словарь не только указывает, но и рекомендует. При этом переводчик может счесть

рекомендации словаря искаженными, устаревшими, авторскими и т.д. А вот с корпусом уже не поспоришь, правда, и ответственность за принятое на основании корпуса решение переводчик несет лично, и сослаться в случае ошибки практически не на кого. Это связано с тем, что численное доминирование никоим образом не трансформируется в смысловую правильность употребления.

Собственно говоря, корпус – это не такой уж непосредственный языковой ресурс, каким он представляется самим составителям корпуса. Корпус также подвергается опосредованию в момент составления по ряду причин: социолингвистический «срез» корпуса, его жанровое наполнение, интерференция коллективной языковой личности авторского коллектива, та или иная форма «цензуры» корпуса. Другое дело, что в силу несопоставимо большого для словаря размера «словарной статьи» в корпусе, т.е., как минимум фразы, или текста в целом, в корпусе эти погрешности нивелируются значительно сильнее, чем в словаре.

Следует понимать, что корпус в какой-то мере – это недословарь. Это – словарь, в котором авторов попросили «отойти в сторону» сразу после того, как необходимый иллюстративный языковой материал был подобран, и вместо языковой компетенции авторов или их информантов эту базу текстов проиндексировали и снабдили поисковым механизмом. Можно считать, что обращение именно к корпусу, а не к словарю – это определенная реакция недоверия, либо проявление жажды самостоятельного языкового исследования со стороны пользователя.

Между тем, существуют также и частотные словари, которые, по мнению автора, неспособны конкурировать с корпусами. Не предлагая ничего качественно нового в сравнении с корпусами текстов, частотные словари не снабжены прозрачной или легкодоступной базой текстов, на основании которой составлены, и, соответственно, вызывают меньше доверия.

Если взглянуть на ситуацию с иной стороны, можно утверждать, что переводчику всегда хочется наблюдать языковую компетенцию носителя иностранного языка в как можно более непосредственном и удобном виде. Тем не менее, на начальном профессиональном уровне переводчик может оказаться не готовым столкнуться с необработанным, метафорически говоря, «непереваренным» массивом текстов на иностранном (родном) языке, поэтому он

предпочтет обратиться к словарю, предлагающему определенные гарантии уверенности. По мере профессионального роста переводчик, с одной стороны, все более нуждается в основаниях для выбора среди синонимов, чем в собственно переводе, а с другой, – все менее склонен слепо доверять словарю, и все более готов к «бунту» против него.

Помимо прочего, привлекательность корпусов текстов для совершенствующегося переводчика объясняется осознанным или подсознательным пониманием того, что «содержание текста или его фрагмента приравнивается к ситуации в реальной действительности, которая описывается в данном тексте или фрагменте текста» [2. С. 75] Очевидно, что чем выше требования к качеству перевода устанавливает для себя переводчик, тем в большей степени ему необходимо вникнуть в коммуникативную ситуацию и коммуникативное намерение автора. В случаях, когда это невозможно или затруднительно, любой вариант, основанный на количественной корпусной оценке, представляет собой убедительный аргумент.

Таким образом, если существует общий принцип, гласящий, что «сверх»-переводчику интересен «недо»-словарь, то в крайнем выражении мы имеем бесконечно профессионального переводчика, которого абсолютно не интересует какой-либо словарь, он полагается исключительно на собственное непосредственное восприятие иностранного языка с минимальной количественной и без абсолютно какой-либо качественной обработки. С другой стороны – наихудший переводчик избегает «прямого» контакта с языком в виде корпуса и полностью доверяет словарю.

Очевидно, что в действительности ни один из типов не существует в чистом виде, однако можно постулировать, что готовность обращения к корпусу является диагностическим критерием профессионального роста переводчика, манифестацией когнитивного диссонанса переводчика [1].

Наконец, необходимо указать на возможные риски и трудности, поджидающие переводчика при работе с корпусом. Метафорически выражаясь, можно сказать, что корпус не адаптирован под человека. Если угодно, корпус – это некоторая глыба текстов, которая может легко подавить языковую эрудицию отдельного индивида. Неохватность корпуса – это его и преимущество, и недостаток одновременно. С одной стороны, она гарантирует невиданную ранее в

лингвистике объективность результата, но, с другой стороны, значительно повышает планку для переводчика в части исследовательской интуиции и смекалки, т.е. предъявляет к переводчику дополнительные и достаточно высокие требования.

В самом деле, как убедиться в уместности/правильности определенного синонима/варианта сочетаемости в определенном контексте с помощью корпуса, без какого-либо обращения к словарю? Необходимо составить конкорданс искомого слова относительно иных возможных кандидатов, однако в качестве одного из условий поиска задать дополнительный параметр: указать жанровую, временную или иную (гендерную, социальную и т.д.) характеристику текста, либо указать слово или ряд слова, на определенном расстоянии от которых может находиться искомая единица в тексте. Последний вариант уже требует от переводчика определенных знаний в области особенностей синтаксиса переводимого языка (например, нужно знать, располагать ли в запросе сопутствующие слова слева или права от искомого, и на каком расстоянии), его семантики (как правильно подобрать такой комплект концептов, который наиболее вероятно укажет на искомый дискурсивный контекст), или прагматики (в случае, если корпус оборудован широким диапазоном дифференциации авторов, жанров или формата текстов).

В целом, на начальном этапе обращение с такой целью к корпусу очень может напоминать известную задачу «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Переводчик изначально совсем не обязательно будет знать, в едином концептуальном поле с какими единицами должен соседствовать искомый вариант. Поэтому в дополнение к глубокому знанию языка, его теоретических принципов и лингвострановедческой компетенции, при работе с корпусами текстов переводчик обязан проявить высокий уровень исследовательской интуиции.

Сложность работы с корпусом в целом и в целях перевода в частности обусловлена тем, что мы предлагаем называть «неорганичностью» машинного языкового массива. Корпус – это техногенный по своей сути объект, поэтому взаимодействие с ним сопровождается неестественной, можно даже сказать «патологической» прагматикой.

Изначально при рождении человек обладает лишь способностью непосредственно работать только с тем объемом языкового материала, который умещается в его краткосрочной и долгосрочной памяти. До изобретения письменности на этом уровне человек и оставался на всю жизнь. После ее изобретения и распространения, по мере социализации, человек научается работать со все большим объемом языкового материала одновременно, т.е., грубо говоря, с книгой.

Тем не менее, в отсутствие электронного поискового интерфейса происходило лишь «усиление» человеческой памяти, повышалась готовность информации к извлечению в нужный момент.

В отличие от книги электронный поисковый интерфейс – это гигантский качественный методологический и философский прорыв, значение которого еще не было оценено по достоинству.

Сохраняя функцию «ускоренной книги», электронный поиск способен генерировать новое объективное знание там, где это было ранее невозможно и немислимо. С методологической точки зрения, выводы, полученные путем количественного анализа языка на столь высоком уровне и в столь большом объеме, как в случае с корпусом, уникальны.

По сути, сама постановка вопроса о том, можно ли использовать количественные корпусные данные при принятии переводчиком решений в отношении языкового узуса – это микрореволюция, потому что только теперь, с появлением корпусов текстов, человек смог по-настоящему, хоть и не полностью, абстрагироваться от языка.

Представляется, что все человечество в целом еще пока находится в процессе осознания наступившей машинной реальности, и опосредование языка машиной находится лишь в зачаточном состоянии. Однако уже сейчас возникают принципиально новые вопросы взаимодействия человека и оцифрованного языка, такие, например, как вопрос взаимоотношения переводчика и корпуса. Время покажет, в какой степени машинные массивы текстов, построенные по принципу корпуса, смогут вытеснить словари.

В заключение отметим, что корпуса текстов представляют собой ценный языковой ресурс, функционал, эффективность и область применения которого не аналогичны словарю. Ряд переводческих задач, таких как выбор синонима/альтернатив сочетаемости, может быть решен с помощью корпуса более

эффективно, и тому имеются все необходимые методологические обоснования. Тем не менее, корпус, являясь техногенным объектом, обладает рядом онтологически непривычных для человеческой языковой способности аспектов, что требует от переводчика особых навыков, подготовки и интуиции, а также налагает на переводчика дополнительную ответственность и уменьшает возможности опоры последнего на авторитет словаря.

Библиографический список

1. Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 : Иркутск, 2004. – 296 с.
2. Сдобников В.В. Мир за текстом (к вопросу о восприятии оригинала в процессе перевода) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып.2. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. С. 72-83.

Сведения об авторе

Мордовин Алексей Юрьевич
кандидат филологических наук,
докторант кафедры прикладной лингвистики
Иркутского государственного лингвистического университета
E-mail: alexmordovin@mail.ru

УДК 81'246.2'25

МЕХАНИЗМ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-НАПРАВЛЕННЫХ НАВЫКОВ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АУДИРОВАНИЯ

Е.А.Руцкая

Пермский государственный технический университет, Пермь

В статье рассматривается формирование информационно-направленных навыков переводческого аудирования, обеспечивающих выявление внутренней структуры содержания оригинала и отбор информации для письменной фиксации, во взаимосвязи с механизмом языкового переключения, который является условием функционирования переводческого билингвизма и одной из предпосылок успешного осуществления аудирования в условиях устного последовательного перевода.

Ключевые слова: переводческое аудирование, информационно-направленные навыки, внутренняя структура предметного и смыслового содержания, механизм переключения, переводческий билингвизм.

The Switchover Mechanism in Developing Information-Oriented Listening Skills

Ekaterina Rutsкая

The article looks at the role of information-oriented listening skills in consecutive translation and suggests an approach to developing these skills in connection with the switchover mechanism, which allows for successful listening and functions as an important precondition for a translator's bilingualism.

Key words: listening, consecutive translation, information-oriented listening skills, switchover mechanism, bilingualism.

Механизм языкового переключения, который рассматривается Р.К. Миньяр-Белоручевым как первостепенная характеристика переводческого билингвизма [1], функционирует, как показала И.А. Зимняя, уже на этапе восприятия и осмысления оригинала [2]. В то же время успешность данного процесса зависит от навыков, которые позволяют раскрыть внутреннюю структуру предметного и смыслового содержания звучащего текста путем выявления схемы тема-рематического развития [3; 4], словосочетаний, обозначающих денотаты и позволяющих выявить инвариант содержания [4; 5; 6 и др.]. Все вышесказанное обусловило цель данной статьи – выделить речевые навыки аудирования, выявляющие внутреннюю структуру содержания звучащего текста, рассмотреть механизм языкового переключения и его роль в процессе переводческого аудирования, предложить варианты упражнений, направленных на развитие

механизма переключения в процессе формирования указанных речевых навыков аудирования.

Специфику аудирования в условиях устного последовательного перевода определяют следующие факторы: необходимость глубокого, детального понимания смыслового содержания исходного сообщения с целью его передачи во вторичном тексте-высказывании переводчика, одновременность осмысления оригинала и формирования замысла текста-высказывания перевода, синхронизация аудирования и письма-фиксации [7], дискурс как объект восприятия и осмысления информации [8].

В процессе осмысления и понимания звучащего текста переводчик выявляет структуру предметного содержания, представленную иерархией денотатов в их предметных связях, структуру смыслового содержания (иерархию предикатов), восстанавливая тем самым коммуникативную целостность текста, а также его смысловую целостность, которая представлена ключевыми словами, выражающими ведущую тему текста. Данные операции должны выполняться на уровне автоматизма, т.е. здесь требуется сформированный навык со всей совокупностью качеств.

Речевой навык аудирования – это способность осуществить речевую операцию аудирования наилучшим образом, на оптимальном уровне совершенства речевого действия аудирования операционального аспекта деятельности [9; 10; 11; 4]. Операциональный уровень речевого действия аудирования, объектом которого являются единицы лексической и структурно-композиционной организации звучащего текста, предполагает обращение к его информации через ключевые слова и словосочетания, тема-рематические единства, словосочетания, выражающие денотаты. При осознанном выделении средств, передающих содержание, принципиально важна направленность на предмет деятельности, т.е. на ту информацию, которая передается с их помощью. Все перечисленные выше операции являются способом выявления информации оригинала. Поэтому навыки, содержанием которых они являются, можно объединить под общим названием информационно-направленных навыков. В соответствии с содержанием речевых операций аудирования следует выделить пять типов информационно-направленных навыков.

К первому типу относятся речевые лексические навыки восприятия, осмысления и выделения лексико-семантической цепочки (сетки), представленной ключевыми словами.

Второй тип представлен речевыми лексическими навыками восприятия, осмысления и выделения иерархии денотатов, словосочетаний, выражающих денотаты в их последовательности.

К третьему типу отнесены речевые структурно-композиционные навыки восприятия, осмысления и выделения иерархии предикатов и построения схемы тема-рематического развития.

Четвертый тип включает речевые структурно-композиционные навыки восприятия, осмысления и построения лексико-семантической модели воспринимаемого фрагмента на основе межпонятийных связей, выраженных ключевыми словами и словосочетаниями.

К пятому типу относятся речевые структурно-композиционные навыки осмысления, выявления и построения денотатной структуры определенного фрагмента текста.

Заметим, что первые два типа включают только те лексические навыки аудирования, которые, наряду со структурно-композиционными, направлены на выявление внутренней структуры содержания звучащего текста и обеспечивают отбор информации для письменной фиксации.

Оптимальный вариант процесса выявления внутренней структуры предметного и смыслового содержания оригинала и отбора информации для построения последующей программы текста-высказывания переводчика предполагает функционирование механизма языкового переключения, который является одним из условий переводческого билингвизма.

Как известно, «переводчик является билингом по определению» [12]. Однако переводческий билингвизм существенно отличается от обычного двуязычия. По мнению Р.К. Миньяр-Белоручева, одним из важнейших умственных механизмов, задействованных в переводческой деятельности, является механизм перехода от одного языка к другому [1. С. 134].

И.А. Зимняя подчеркивает, что при достаточно высоком уровне владения переводческой деятельностью осмысление исходного сообщения осуществляется посредством языка перевода или внутреннего предметно-схемного кода. В противном случае возникает разрыв между исходным смыслом и замыслом вторичного текста, и

появляется необходимость осознания связи между ними. При осмыслении средствами языка перевода формирование смысла совпадает с формированием замысла. В этом случае процесс осмысления включает переформулирование средств выражения воспринимаемой мысли, которое протекает как неосознаваемая высокоавтоматизированная операция [2].

Процесс восприятия, осмысления и понимания в устном последовательном переводе сопровождается письменной фиксацией информации с целью формирования программы последующего вторичного высказывания переводчика. Высокий уровень владения деятельностью устного последовательного перевода предполагает осуществление письменной фиксации преимущественно на языке перевода (а также с использованием специальных символов переводческой записи).

С механизмом языкового переключения связан соответствующий навык, который является одним из условий осуществления переводческих операций на формально-знаковом уровне в процессе перевода. Именно навык переключения отличает переводчика от любого другого билингва [1. С.101]. Необходимость целенаправленного формирования навыка переключения обусловлена тем фактом, что владение двумя языками еще не обеспечивает переключение с одного языка на другой на уровне, необходимом в условиях данной деятельности. Для обычного билингва при отсутствии развитых переводческих навыков и умений характерно наличие замкнутых семантических систем или микросистем, каждая из которых содержит знаки только одного языка. Воздействие вербального или предметного раздражителя актуализирует знаки в пределах одной микросистемы. Т.е. семантические системы двух языков в рамках одного семантического поля не взаимодействуют, как и семантические системы разных полей в пределах одного языка.

Специфика функционирования речевых механизмов профессионального переводчика заключается в том, что слово на одном языке стимулирует смысловые связи в системе другого языка в рамках той же тематической и стилистической микросистемы.

Как отмечает Р.К. Миньяр-Белоручев, навык переключения с одного языка на другой в процессе перевода предполагает выполнение автоматизированных операций «по поиску и реализации решения на перекодирование объявленного для передачи обозначения

ситуации» или ее элемента [1. С.109]. По мере возрастания временных ограничений увеличивается необходимость навыка переключения. Поэтому его формирование относится к важнейшим задачам подготовки устного переводчика.

Переход на язык перевода в процессе аудирования высказывания предполагает наличие в долговременной памяти переводческих соответствий, которые благодаря сформированному механизму переключения должны мгновенно извлекаться в момент восприятия и осмысления звучащего текста и письменной фиксации ключевой информации. Это делает возможной фиксацию на языке перевода независимо от того, стоит ли перед переводчиком задача прямого или обратного перевода. В случае, если переключение с одного языка на другой будет происходить только на этапе порождения вторичного текста-высказывания переводчика, возможны нежелательные паузы, потери информации и т.п.

Необходимость и важность целенаправленного формирования навыка языкового переключения подтверждается небольшим экспериментом, который был проведен среди студентов третьего и четвертого курсов специальности «Перевод и переводоведение». Студентам были представлены для прослушивания фрагменты видеотекстов на немецком и на русском языке, предложено зафиксировать ключевую информацию. Фиксация информации иноязычных текстов велась в одном случае на немецком, в другом случае на русском языке. Цель-задача учащихся состояла в том, чтобы передать содержание исходных сообщений средствами русского языка. Информация русских текстов фиксировалась в одном случае на русском, в другом случае на немецком языке с целью передачи ее в собственном высказывании на немецком языке.

Результаты показали, что при прослушивании русскоязычного текста письменная фиксация ключевых лексических единиц на немецком языке явно более затруднена, нежели фиксация на русском. Об этом говорят более высокие информационные потери. У некоторых обучаемых (20%) механизм переключения почти не срабатывает: фиксация на немецком языке содержит в основном случайные слова, отсутствуют ключевые лексические единицы. Высказывания студентов на основе таких записей были недостаточно связными и цельными, хотя предложенный для прослушивания видеотекст относился к знакомой предметной области, лексика

которой изучена студентами. Не всем удается переходить на другой язык в процессе письменной фиксации (70-80%). В то же время в процессе аудирования иноязычного текста наблюдается тенденция к более подробной фиксации информации на русском языке, нежели на немецком, в тех случаях, когда лексика и сама предметная область достаточно известны (30%). Также есть случаи перехода на родной язык в ходе фиксации отдельных сегментов информации иноязычного текста, в то время как задание предусматривало фиксацию на языке источника. При этом фиксировались не отдельные слова, а тематические единства в виде словосочетаний.

Следовательно, при наличии прочных связей между лексическими единицами двух языковых систем, т.е. при наличии сформированных переводческих соответствий, и при незатрудненном понимании передаваемого с их помощью смыслового содержания, письменная фиксация на родном языке представляет меньшую трудность, нежели на иностранном. Это говорит о важности формирования переводческих соответствий и упражнений, предполагающих их извлечение из долговременной памяти при переключении на другой язык.

В процессе формирования информационно-направленных навыков переводческие соответствия могут быть представлены в виде информационной основы речевой деятельности аудирования. Затем, по мере «встречи» с ними в различных контекстах при выполнении речевых операций в рамках речевой деятельности аудирования, соответствия становятся личностным новообразованием в индивидуальном лексиконе будущего переводчика.

Это могут быть ключевые слова и словосочетания на русском языке, словосочетания, выражающие денотаты как отраженные в мышлении неделимые фрагменты действительности [5; 6].

В первом случае инструкция к упражнению может звучать так: «Прослушайте видеотекст, выделите и зафиксируйте на русском языке словосочетания из немецкоязычного текста, являющиеся ключевыми для предлагаемого видеофрагмента. Скажите, какая информация о преимуществах семейного бизнеса сообщается с их помощью».

Ниже приводятся словосочетания на русском языке, из которых только некоторые отражают содержание предлагаемого видеофрагмента:

*продавать ниже себестоимости
обходиться меньшей прибылью
жить за счет основного капитала
обеспечить дальнейшее существование предприятия
личные интересы
покупать/продавать с определенным сроком платежа
отойти на второй план
общая цель
колебание курса валюты
быть на первом плане
преодолеть кризис.*

При формировании навыков восприятия, осмысления и выделения иерархии денотатов и словосочетаний, выражающих денотаты, упражнение можно организовать следующим образом: «Прослушайте видеосообщение, посвященное фирме Rasch и ее деятельности. О каких из данных предметов или явлений идет речь? Выделите соответствующие словосочетания и расскажите, какую информацию они передают в тексте фильма»:

*инвестиции в размере 9 млн. евро
товарооборот 9 млн. евро
основание дочернего предприятия
расширение производства
строительство производственных цехов
обои для Германии
обои для России
Россия как самый крупный клиент фирмы на внешнем рынке
Россия как новый клиент компании на внешнем рынке
сверхсовременный дизайн
сверхсовременные станки
автоматизированное производство
снижение доли экспорта.*

Далее учащимся предлагается информационная основа в виде словосочетаний, выражающих денотаты-темы, к которым необходимо зафиксировать денотаты-ремы, т.е. выделить информационные единицы. Таким образом, языковое переключение осуществляется частично без наличия внешней опоры. Данное упражнение выполняется при повторном просмотре фильма, когда лексические единицы, которые необходимо выделить в качестве предикатов,

фиксируемых на русском языке, уже должны были стать личностным новообразованием в лексиконе студентов. Задание может быть сформулировано следующим образом: «Посмотрите телепередачу, посвященную компании Mehler, и запишите в таблицу русскоязычные соответствия неделимым словосочетаниям, передающим в фильме информацию о данных субъектах, предметах и процессах. Опираясь на заполненную таблицу, расскажите о компании, ее владельцах и ее деятельности»:

Семья Мелер	
Суконная фабрика в г.Тиршенройт	
Шерстопрядильный цех в г. Форст	
Сукно как основная продукция компании	
Процесс производства сукна	
Рекорд Гинесса, установленный компанией Mehler	

В подобные упражнения может включаться задание расположить ключевые слова и словосочетания в порядке их следования в высказывании; выделить те слова из списка, которые обозначают тему (подтемы) данного фрагмента, передают информацию по определенной теме или же образуют неделимые для данного звучащего текста словосочетания, т.е. обозначают целый фрагмент действительности.

Выполнение упражнений, направленных на формирование перечисленных навыков, осуществляется на основе как языкового, так и когнитивного сознания. Когнитивное сознание, без которого невозможен переводческий билингвизм, соотносится с концептуальной картиной мира [13]. Его формированию способствует выделение в воспринимаемом сообщении ключевых слов – ведущих референтов текста, слов и словосочетаний, выражающих денотаты как фрагменты неязыковой действительности, а также суждений, умозаключений. При этом И.И. Халеева подчеркивает, что обучение аудированию должно осуществляться на базе звучащих текстов как единиц коммуникации, в которой находят отражение лингвистические признаки иноязычного лингвосоциума. Данные

тексты нуждаются в типологизации в дидактических целях. В силу трехмерной структуры контекста слова в языковом сознании в процессе обучения заслуживает внимания не только языковой, но также эмотивный и когнитивный контексты слова. Эмотивный контекст обусловлен тем, что человек переживает впечатления, воспринимаемые и восстанавливаемые в памяти. Когнитивный контекст образуется за счет совокупности связей, актуализируемых словом, через которое открывается доступ к результатам обработки опыта взаимодействия человека с окружающим миром [13].

Принципиально важно не просто формирование иноязычного лексикона в той или иной предметной области и навыка мгновенного переключения с языка оригинала на язык перевода в процессе аудирования высказывания, но именно формирование механизма переключения в тесной связи с информационно-направленными навыками аудирования, позволяющими отбирать информацию для записи в процессе восприятия, осмысления и понимания высказывания. Поэтому все подобные упражнения предполагают осуществление письменной фиксации в процессе аудирования.

Перед студентами ставится цель-задача - передать содержание прослушанного иноязычного сообщения средствами родного языка. Отдельным видом работы должно быть аудирование звучащих текстов на русском с одновременной фиксацией и последующей передачей содержания на иностранном языке. Так как происходит отработка действия операционального аспекта деятельности аудирования, совершаемое действие не включается в состав речевой деятельности устного перевода. Последняя требует совокупности умений, в составе которых должны функционировать и вышеупомянутые навыки во взаимодействии с другими навыками, что существенно затруднит процесс их формирования на начальном этапе. В то же время представляется целесообразным с самого начала обучения ставить перед обучаемыми цель-задачу – передать содержание прослушанного сообщения средствами русского языка, опираясь на предложенные в качестве информационной основы (выделенные из данного списка, расположенные в порядке следования или зафиксированные самостоятельно в процессе аудирования) ключевые лексические единицы на русском языке. Благодаря этому обеспечивается коммуникативная ориентация каждого упражнения и направленность на предмет деятельности, т.е.

на информацию. Выявление понимания и контроль выполнения задания осуществляется преподавателем путем анализа вторичного текста (устного или письменного), порождаемого студентом, а также результатов письменной фиксации ключевой информации в процессе аудирования.

Таким образом, в данной статье с учетом специфики аудирования в условиях устного последовательного одностороннего перевода были выделены информационно-направленные навыки переводческого аудирования. Предложен вариант взаимосвязанного формирования информационно-направленных навыков и механизма языкового переключения, который является важным условием функционирования переводческого билингвизма и, в частности, одной из предпосылок успешного осуществления аудирования в условиях устного последовательного перевода.

Библиографический список

1. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996. 207 с.
2. Зимняя И.А., Ермолович В.И. Психология перевода. М., 1981. 52 с.
3. Черняховская Л. А. 1976: Перевод и смысловая структура. М., 1976. 298 с.
4. Серова Т.С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. Пермь, 2001. 210 с.
5. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 120 с.
6. Жинкин Н.И. Психоллингвистика. М., 2009. 288 с.
7. Гавриленко Н.Н. Обучение аудированию как компоненту профессиональной деятельности переводчика: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1989. 217 с.
8. Серова Т.С. Смысловое восприятие и специфика упражнений в устном последовательном одностороннем переводе // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: устный перевод: Материалы международной научно-методической конференции. Пермь, 2008. С.182-193.
9. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М., 1983. Т.2. 317 с.
10. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1985. 160 с.

11. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному говорению. М., 1989. 276 с.

12. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 36-41.

13. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1989. 225 с.

Сведения об авторе

Руцкая Екатерина Александровна
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
Пермского государственного
технического университета
E-mail: re10@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.161.1(091)

‘THE GENTLEMAN FROM SAN FRANCISCO’ AND BUNIN’S IMAGE IN ENGLAND: HISTORY OF TRANSLATIONS AND OPINIONS¹

Svetlana Klimova

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

The paper tackles the problem of the traditional English perception of Bunin’s art with specific emphasis on the early British perception of translations from Bunin, as expressed in English periodicals and in a number of studies on the history of the Russian literature. The author analyses the contextual, social, political and cultural causes of the narrow frame into which Bunin’s works have been placed and through which it has been perceived by the English reader.

Key words: translation, perception, reader, review, publication, tradition, émigré writer.

«Господин из Сан-Франциско» и имидж Бунина в Англии: история переводов и мнений

С. Б. Климова

В статье рассматривается традиционное восприятие творчества Бунина в Англии. Основной акцент ставится на раннюю реакцию на переводы из Бунина в английской прессе и в отдельных исследованиях по истории русской литературы. Анализируются социально-политические и культурно-исторические причины узких рамок, в которые традиционно «встраивается» восприятие Бунина англичанами и в наши дни.

Ключевые слова: перевод, восприятие, читатель, рецензия, публикация, традиция, писатель-эмигрант.

When in 2007 *The Boston Globe* published a review of a new translation of Bunin’s works into English, British perception of the Russian author seemed to the reviewer an obvious case of underestimation: ‘Ivan Bunin <...> is known among English-speaking readers mainly for one short story, *The Gentleman from San Francisco*. Years of critical neglect

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

and the difficulties of translation have restricted interest in his work to scholars of Russian literature' [1].

If we go down to some earlier reviews and other critical judgments, this statement will strike us as true of the British perception of Bunin's art for the whole period. Thus, fifty years earlier, in 1957, Oliver Edwards, in his review of Bunin's works under the expressive title 'Some Secret Fibre?', published in *The Times*, formulated a similar idea in a much less sympathetic tone: 'Bunin burst upon the western world as the author of 'The Gentleman from San Francisco' <...> has any other writer found lasting power for a whole literary reputation in a single short story?' Also, describing the quality of 'the whole corpus of Bunin's short stories that we have in English' he claimed that the Russian writer 'seems no more than a moderate practitioner' [2].

In the obituary, published by *The Times* on November 9, 1953, the anonymous author states that 'to English readers Bunin is probably still best known for his long short story 'The Gentleman from San Francisco'', and continues: 'Although he produced fine work in the early years of exile, he eventually suffered the normal fate of an exile, and his later stories reflect only dimly his former powers' [3]. In a review of Bunin's first book, translated into English and published in *The Times* on May 17, 1922, it is stated that *The Gentleman from San Francisco* is 'a remarkably able piece of work' and that 'the other three stories in the book are, in comparison, slight' [4].

In many studies of Bunin and Russian literature we come across the same points: Bunin's limited fame in England, his being known as an author of one short story, and the neglect of his works as those by an exiled Russian. Thus, Janko Lavrin in his *A Panorama of Russian Literature* notes that 'of all the many narratives, long and short, written by Bunin, *The Gentleman from San Francisco* is a masterpiece which brought him international reputation' [5]. In *The Cambridge History of Russian Literature* it is argued that 'Ivan Bunin <...> produced several of the finest Russian stories and novels of the twentieth century, but his fame has been limited because he went into emigration after 1917' [6]. It is not surprising, then, that David Richards' *Introduction* to the Penguin edition of *The Gentleman from San Francisco and Other Stories* begins: 'Ivan Bunin <...> is one of Russia's supreme literary artists, yet even today <...> the unique power of his strikingly individual voice has not gained anything like due recognition in the English-speaking world' [7].

The questions provoked by these statements can be formulated thus: why was *The Gentleman from San Francisco* preferred to all other Bunin's works? Is it true that the English did not try to go further and deeper with Bunin? If not, what has impeded the dialogue between them and the Russian author?

To answer the first question, we should begin with the history of the story's publication and the earliest English reactions to it. *The Gentleman from San Francisco* was Bunin's first prose work to reach the English reader. The point was made clear in M. J. Middleton's review (published in April 1922 in the *Times Literary Supplement*) of its French version: 'This is, we believe, the first opportunity given to those who do not read Russian to appreciate the work of a writer whose fame has reached them hitherto by report alone' [8]. Before that, two of his short poems were translated into English and published by Peter Selver in 1917 in his anthology *Modern Russian Poetry. Texts and Translations*. In the *Preface* Bunin's poetry was described equivocally as 'showing no traces of the later developments of Russian poetic style' and hence, 'more typically Slavonic than any of the modernists' [9]. But it was his four short stories, published by the Hogarth Press in 1922, which really made the name of Bunin known to the English reader.

This publication was initiated by S. S. Kotelianskii. Kotelianskii is known to have been in close relations with such 'apostles' of British Modernism as D.H. Lawrence, Virginia Woolf, and Katherine Mansfield. He collaborated with Lawrence and Leonard Woolf to produce translations from Russian. Bunin was among the first contemporary Russian writers on his list. Besides Leonid Andreev, he turned to be the only one contemporary Russian writer published by Leonard and Virginia Woolf's Hogarth Press. The first collection of Bunin's stories included *The Gentleman from San Francisco*, translated by Kotelianskii together with Lawrence, *Gentle Breathing*, *Kasimir Stanislavovitch*, and *Son*, translated by Kotelianskii in collaboration with Leonard Woolf. Later on, in 1933 and in 1935 the Hogarth Press published Bunin's novel *The Well of Days* (translated by G. Struve and Hamish Miles) and *Grammar of Love* (translated by John Cournos). In 1923 Bunin's *Village* and in 1924 a volume of *Fifteen Tales*, translated by Isabel Hapgood and Bernard Guernay respectively, were published. All the publications were reviewed, or at least mentioned, in *The Times* and in *The Times Literary Supplement*. There were also a number of American editions of Bunin's works at that

time, which could have made their way to the English reader – they were *Mitya's Love*, published by Henry Holt in 1926, *The Gentleman from San Francisco and Other Stories*, *The Village*, and *Dreams of Chang and Other Stories*, all published by A. Knopf in 1923, *The Well of Days* and *The Elaghin Affair and Other Stories*, published by the same publishing house in 1934 and 1935 respectively.

The intriguing history of relations between the Hogarth Press and Bunin has been vividly depicted and analyzed in detail by N. Reingold (2006) [10] and A. Rogachevski (2004) [11]. To illustrate these relations it is enough to say that it was Kotelianskii who, on his own initiative, made the first translation of Bunin's prose work into English; that the Woolfs put a lot of efforts to find the author in Paris, and received Bunin's first answer on August 17 1922; and that it was Bunin who in a letter dated October 17, 1931 offered the Woolfs the rights to his new novel, *The Well of Days*, and recommended Gleb Struve and Hamish Miles as the translators.

The English public's reaction to the translations was not simple or steady. On the one hand, we have Leonard Woolf's and D.H. Lawrence's high opinion of *The Gentleman from San Francisco*, and evidence from Woolf of its popularity. Thus, Woolf says in his *Autobiography*:

'Bunin's *Gentleman from San Francisco* is one of the greatest of short stories'.

And, further on:

'We printed, I think, 1,000 of each of the three books [Bunin's, Tolstoi's and Dostoyevskii's] <...> Each of them sold between 500 and 700 copies in twelve months and made us a small profit' [12].

And Lawrence, having read it for the first time, praised the story in a letter to Kotelianskii in the following passage:

'Have read *The Gent.* – and in spite of its lugubriousness, grin with joy. <...> it is screamingly good of Naples and Capri: so comically like the reality: only just too earnest about it' [13. P.656].

On the other hand, we have a very different opinion of Lawrence about the rest of the stories in the collection, and many other controversial publications of Bunin's writings. Thus, writing back to Kotelianskii in 1922 about Bunin's stories, Lawrence says: '... the tales are not very good: *Gentleman* is much the best' [13. P.712]. As we have seen, a similar opinion can be found in many British reviews of Bunin's works in the 1920s and 1930s.

To understand this reaction, the phrase ‘typically Slavonic’, which concluded Peter Selver’s characterisation of Bunin’s poetry in the above-mentioned edition of 1917, should be remembered. It should also be compared with a number of other characteristics given to Bunin the writer and the man.

From this point of view, a *Foreword* to Abraham Yarmolinskii’s translations from L. Andreev and I. Bunin, a book of which came out in Boston, the USA, in 1918, is revealing. Notwithstanding the fact that it has only a slight correspondence to the English perception of Bunin’s art, it is strongly connected with the major tendencies which directed British (and European, American – in other words, ‘western’) understanding of Russian literature at that time. What the author denoted by the letters ‘H. T. S.’ does in his *Foreword* is placing the two authors inside the tradition of ‘the great Russian literature’ as interpreted in the West: ‘*Lazarus* and *The Gentleman from San Francisco*, while fairly typical of Slavic literature, nevertheless contain few of the elements popularly associated with the work of contemporary Russian writers. They have no sex interest, no photographic descriptions of sordid conditions and no lugubrious philosophizing. <...> They both contain what the Greek called *katharsis* <...> The two stories in this book will arouse thought. They will be severely criticized by those who <...> as an excuse for their superficial shallowness condemn all Russian literature, for Russian literature is nothing if not thought-provoking’ [14].

If compared to the early criticism of Bunin’s other stories in the above-mentioned review by M. J. Middleton, and to the judgment of Bunin’s art made at different times by such renowned literary critics as D. S. Mirskii and R. Guernay, the inner cause of *The Gentleman*’s popularity becomes clear. Indeed, if the *Foreword* speaks about ‘thought’ and ‘katharsis’, Middleton and Mirskii reproach Bunin with shallowness and of a lack of psychological profundity [15]. If ‘H. T. S.’ points out Bunin’s Slavic typicality, Guernay, on the contrary, stresses that ‘Bunin <...> strikes one not as a Slav but as a Gaul who has chosen impeccable Russian as his medium’ [16].

The Gentleman from San Francisco was chosen, then, as a more or less typically Slavonic (Russian) piece of literature, which implied the meanings of ‘psychological profundity’, ‘Christian sympathy with other beings’, and ‘tragic katharsis’. These were the characteristics searched for

and found in Tolstoy, Chekhov and – even more – Dostoyevskii, whose fame by that time had grown to a cult in England [17; 18; 19].

The list of translations of Bunin's works, even if we take into account only those published by the Hogarth Press, testify to the fact that English readers did not try to find these characteristics in *The Gentleman* alone. Their inability to draw 'The Village' or 'The Well of Days' into the settled frame of understanding Russian literature should be attributed to two things. The first is, of course, Bunin's style and world-vision. The deliberately loose composition, the principle of objective description, as well as the lyricism of his works, could hardly be understood through Tolstoy or Dostoyevskii, and were taken for 'vagueness', 'inconclusiveness' and lack of 'meaning' [20]. Bunin's special, careful choice of words made British critics label him as 'the foremost Russian stylist of the first half of the 20th century' [21].

The second can be noted in some of the above-quoted fragments and is made clear in John Cournos's bitter review of the Parisian Russian émigré journal *Sovremennaya Zapiski* in the *Criterion* issue of April, 1934. The critic sternly places Bunin within the frame of 'émigré literature' which, he says, 'is willy-nilly forced to subsist on the cumulations of the past, with few stimulations from the present' [22]. Cournos's disparaging and hostile attitude to everything coming from the émigré makes him doubt not only the aesthetic value of *The Life of Arsenyev* (he equivocally describes it as 'an evocation of the past', and 'simplicity itself in its theme, prose and unaffected loveliness'), but the fairness of the Nobel Committee's decision and the value of Bunin's art on the whole (in brackets he says that Bunin, 'I hear, has snatched the laurels from Gorky at the Nobel Committee conference').

The tradition of placing Bunin within the narrow frame of Russian émigré literature and of stylistic inventions seems to have survived in Britain until the present: the back cover of the first British publication of the whole set of Bunin's *Dark Avenues* (2007) provide the reader with the following description of the cycle: 'One of the great achievements of twentieth-century Russian émigré literature <...> took Bunin's poetic mastery of language to new heights' [23].

So, *The Gentleman from San Francisco*, with its clearly defined theme of 'a singularly ruthless indictment of modern civilization' [4], with its obvious reference to the tragedy of the *Titanic*, and to modern social, political, spiritual upheavals, came to the English reader at the right time

and in the right way. In the 1920s it could be read and understood within the frame of English perception of Russian literature, and, naturally, gained popularity – at least among intellectuals. The way to Bunin's other stories and novels for the British reader turned quite rough, partly because of their different aesthetic qualities, partly because of Bunin's position as an émigré writer.

Bunin's art has yet to be appreciated in England.

Библиографический список

1. Maas Judith. Russian master's stories reclaimed // *The Boston Globe*. October 25. 2007. P. 11.
2. Oliver Edwards. Some Secret Fibre? // *The Times*. October 17. 1957. P. 13.
3. Anonymous. Mr. Ivan Bunin (Obituary) // *The Times*. November 9. 1953. P. 11.
4. Anonymous. Ivan Bunin. Review of 'The Gentleman from San Francisco and Other Stories' (Hogarth Press) // *The Times*. May 17. 1922. P. 16.
5. Lavrin Janko. *A Panorama of Russian Literature*. London: University of London Press Ltd, 1973. P. 210.
6. *Cambridge History of Russian Literature* / ed. by Charles A. Moser. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 397-398.
7. Richards David. Introduction // Ivan Bunin. *The Gentleman from San Francisco and Other Stories*. Middlesex: Penguin Books Ltd, 1987. P. 7.
8. Middleton Murry J. Review of *The Stories of Ivan Bunin* / *The Times Literary Supplement*, 20 April 1922. P. 256.
9. *Modern Russian poetry. Texts and Translations* / selected and edited with an intr. by P. Selver. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd, 1917. P. XV.
10. Рейнгольд Н. Редингский бювар с письмами Бунина // *Вопросы литературы*. 2006. № 6. С. 152-168.
11. Рогачевский А. И.А. Бунин и «Хогарт Пресс» // *Иван Бунин. Новые материалы*. Вып. 1. М.: Русский Путь, 2004. С. 333-353.
12. Woolf Leonard. *Downhill All The Way; an Autobiography of the Years 1919-1939*. New York: Harcourt, Brace & World, 1967. P. 74.
13. Lawrence D. H. *Collected Letters* / ed. J.T. Boulton: in 8 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1979-2001. Vol. II.

14. H. T. S. Foreword // *Lazarus* / by Leonid Andreyev; *The Gentleman from San Francisco* / by Ivan Bunin / tr. by A. Yarmolinsky. Boston: Stratford Co., 1918. P. V-VI.
15. Mirskii Dmitrii S. *Contemporary Russian Literature*. London: London University Press, 1926. P. 104-106.
16. Guernay Bernard G. *A Treasury of Russian Literature*. London: Bodleay Head, 1948. P. 904-905.
17. Kaye Peter. *Dostoyevsky and English Modernism, 1900-1930*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 248 p.
18. Zytaruk G. J. D. H. *Lawrence's response to Russian Literature*. The Hague, Paris: Mouton, 1971. 193 p.
19. Davie Donald. Introduction // *Russian Literature and Modern English Fiction. A collection of Critical Essays* / ed. by D. Davie. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1965. P. 1-9.
20. Anonymous. Review of *Short Stories by Ivan Bunin* // *The Times*. March 8. 1935. P. 11.
21. Colin A. Guershoon. *Ivan Bunin in Retrospect* // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 34. No. 82. December 1955. P. 156-173.
22. Cournos John. Review of 'Sovremennya Zapiski', Paris, 1934 // *The Criterion*. Vol. 13. No. 42. April 1934. P. 535.
23. Bunin Ivan. *Dark Avenues* / tr. by Hugh Alpine. L.: Oneworld Classics (London House), 2008. Back cover.

Сведения об авторе

Климова Светлана Борисовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: klimova1@hotmail.com

УДК 82.09:821.161.1:39

**А. ГРИГОРЬЕВ, Н. ДОБРОЛЮБОВ И КАТЕГОРИЯ
«НАРОДНОСТИ»²**

Анджей де Лазари

Лодзинский университет (Лодзь, Польша)

Andrzej de Lazari

University of Lodz (Lodz, Poland)

В статье исследуется становление категории «народность», особенности ее восприятия писателями и мыслителями XIX века. На примере литературной критики А. Григорьева и Н. Добролюбова анализируются корреляции народности с такими понятиями, как национальность, этничность, русскость, патриотизм, этнокультурная идентичность, устанавливается взаимосвязь между концепцией народности Н. Добролюбова и классовостью советской эпохи.

Ключевые слова: Григорьев, Добролюбов, народность, народная самобытность, народность литературы.

A. Grigoryev, N. Dobrolubov and the Category of «Narodnost'»

Andrzej de Lazari

The article looks at the development of the notion “*narodnost'*” (“national spirit”, “nation-ness,” “folk origins”) and its understanding by authors and thinkers in the 19th century Russia. Analyzing the usage of the term in the literary criticism by A. Grigoryev and N. Dobrolubov, the author seeks to correlate it with such concepts as “nationality,” “ethnicity,” “Russian-ness,” “patriotism,” and “ethnic and cultural identity,” and to trace the connection between Dobrolubov’s concept of “*narodnost'*” and the Soviet class mentality.

Key words: Grigoryev, Dobrolubov, *narodnost'*, unique national identity, folk origins, national spirit, *narodnost'* of literature.

Есть категории в данной культуре, которых по словарю не переведешь на другой язык. Как, например, отличить на польском языке по словарю *русского* от *россиянина* или *русскость* от *российскости*? Нет словарных возможностей. С категорией **народности** проблем не меньше. Кто из русских не согласится, что **«Пушкин – народный поэт»**? А кто в состоянии перевести эту фразу на другой язык? Кто в состоянии перевести на другой язык почетное звание **Народный артист** (СССР, России) или официальные названия Осиповского оркестра: старое – Государственный

² Основой этой статьи являются мои книги: В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М., 2004 и «Ostatni Romantyki» Apollon Grigorjew (Zarys monografii światopoglądu). Katowice, 1996.

академический **русский народный** оркестр; или новое: Национальный академический оркестр **народных инструментов России?**

В XIX веке проще не было. В 1861 году, определяя направление своего журнала, Достоевский спрашивал: „Почему, с какой стати народность может принадлежать только одной простонародности? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, «образованные», уж и не русский народ?» [1. С. 14].

Понять эти слова человеку из другой эпохи и другой культуры – задача непростая, да и мало кто из русских россиян, думаю, успешно справится с ними. Правда, в словаре Владимира Даля, который вышел, когда эти слова еще звучали, появилась **народность** (истолкованная как „совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого”), наряду со словами **простонародность** и **национальность** (последнее объясненное как **синоним народности**). Однако эти толкования абсолютно не передают всей сложности применения данных понятий в русской мысли того и, тем более, сегодняшнего времени. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что организаторы симпозиума достоевсковедов, который состоялся в августе прошлого года в Неаполе, предлагая среди других тему «Достоевский и поэтика *народности*», на английском языке передали ее как «Dostoevsky and the Poetics of *narodnost*’», не рискуя определить эквивалент *народности* в англоязычных культурах [2].

Надеюсь, никто не будет со мной спорить, что категорию **народности** принес русской мысли западный **романтизм**. Первое современное представление о *народе/нации* как об исторической, а не только политической общности нашло выражение в *Идеях к философии истории* (1784-1791) Иоганна Гердера. Немецкий философ первым подошел к народу/нации как к коллективному „организму”. Отвергнув просвещенческую идею о единообразии законов, управляющих жизнью и прогрессом, он обратил внимание на разнообразие жизненных проявлений и, не отказываясь от категории человечества, узаконил в качестве ее составной части категорию народа и его „духа” [3. С. 142-146]. Когда впоследствии Иоганн Фихте в *Речах к немецкой нации* (1808) увидел в национальном сообществе основную движущую силу истории и одновременно выдвинул концепцию „избранного народа”, который на данном историческом этапе лучше других реализует универсальные

ценности, путь к новой категории, каковой для романтизма стала *народность*, а затем и для споров, какой народ лучше выражает смысл истории, был открыт.

Считается, что в истории русской мысли термин *народность* первый раз появился в письме Петра Вяземского к Александру Тургеневу из Варшавы 22 ноября 1819 г. [4. С. 111]. В Польше в то время термин *narodowość* был уже широко распространен, хотя интерпретировался неоднозначно. Вяземский отдавал себе отчет и в многозначности соответствующего русского понятия. В 1824 г. он писал, что слово *народный* соответствует французским словам *populaire* и *national*: выражение *народные песни* переводится как *chanson populaire*, а народный дух – как *esprit national* [5. С. 14].

Пользуясь современным польским языком, Вяземский мог бы сказать так: слово *народный* соответствует польским словам *ludowy* и *narodowy*: выражение *народные песни* переводится как *pieśni ludowe*, а народный дух – как *duch narodowy*.

Присутствие в польском языке разных слов способствует выявлению смысловой разницы этих категорий, зато, если на русском языке не противопоставить словам *народ*, *народный*, *народность* слов *простонародье*, *простонародный*, *простонародность* или *нация*, *национальный*, *национальность*, часто сложно понять, о чем идет речь.

Для русских мыслителей 1820-1830-х годов главной проблемой было определение „народной самобытности”, что и выразилось прежде всего в дискуссии о *народности* литературы, причем само понятие *народность* оставалось неопределенным. Пушкин, пытаясь определить, что в его понимании значит *народность*, писал: „Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу” [6. С. 39-40].

На рубеже тридцатых и сороковых годов в кругу славянофилов появляется осознание *простого народа* как носителя русской культуры и *народности*. Это связано с идеей о том, что русское крестьянство якобы лучше всего выражает „русский дух”, в отличие от „нерусской”, европеизированной, „оторванной от почвы” интеллигенции, которая, утратив *народность*, не может выражать ничего русского. Таким образом, слово *народность* в интерпретации

славянофилов приобрело новое значение. Для них русская интеллигенция перестала быть народом, таковым остался только *простой народ*. Только здесь *простой народ* становится самостоятельной историческо-философской категорией. Константин Аксаков даже ставит **знак равенства между понятиями *народ* и *простой народ***, говоря, что „простой народ точно, есть ПРОСТО НАРОД, или народ собственно” [7].

Аполлон Григорьев, Достоевский и другие мыслители почвеннического толка в шестидесятые годы выступили против такого отождествления *народности* и *простонародности*. Тогда Достоевский поставил упомянутый вопрос: «Почему, с какой стати народность может принадлежать только одной простонародности? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, „образованные”, уж и не русский народ?» [1. С. 14]. В конце же столетия последний почвенник XIX в., Николай Страхов, уверял, что „**начало народности** имеет силу главным образом, как поправка и **дополнение идеи государства** [...], что наилучший порядок тот, **когда пределы государства совпадают с пределами отдельного народа**”, считая, разумеется, что Российская империя „совпадает” с пределами расселения русского народа [9. С. 188]. Таким образом он, во-первых, возвращался к уваровской «официальной народности», во-вторых, предвещал будущую государственную идею *советского народа* и сегодняшнюю – *российской нации*.

Григорьев же, защищая *народность Пушкина*, защищал право русской культуры на самобытность, на свой „цвет” среди других культур. Именно исходя из этого принципа он отстаивал и уникальность других культур, например, украинской и польской. Всякая *народность* была для него неповторимой ценностью. Нет „народов избранных”, народов – выразителей гегелевского *Weltgeist*. Каждый национальный организм замкнут сам на себя, сам для себя необходим, сам себе позволяет жить по своим собственным законам и не должен служить переходной формой для другого народа. Поэтому Пушкин, хотя и является самой значительной фигурой в истории русской культуры, в европейской культуре ставится Григорьевым вровень с Байроном и Мицкевичем. Пушкин и Мицкевич – „вода и огонь, море и горы нового мира... Все жгучее еврейских пророков в певце Валленрода; все широкое, безграничное, и вместе с тем женственно-ласкающее в натуре Пушкина” [10. С. 217].

Исходя из посылки, что русская литература постепенно осознает особое развитие России, Григорьев искал кульминационный пункт такого развития, дабы утверждать: с такого-то момента литература стала наконец *народной*. Правда, самым народным писателем для него всегда оставался Пушкин, но создатель *Евгения Онегина* в интерпретации критика был гением как бы надвременным. У Лермонтова и Гоголя идеал противоречил действительности, в связи с чем их творчество, а также творчество их последователей, представляло действительность односторонне – отрицая ее. Необходимо было «новое слово», новый взгляд на действительность, который бы в «двойственной» действительности делал акцент на русской истории, национальной традиции, русском мировоззрении, религии. Такое «новое слово» в русской литературе, по мысли Григорьева, сказал Александр Островский. В анализе творчества Островского Григорьев пришел к выводу, что автор «Грозы» – не сатирик и обличитель русского мрака и деспотизма, как доказывает в своих статьях Добролюбов, а «народный поэт», и в его произведениях главное – это категория *народности*, принятие подлинно русских элементов, а не отрицание окружающей действительности [11. С. 372]³.

Добролюбов ответил на это таким образом: «разбирая «Грозу», г. Григорьев посвящает нам несколько страничек и обвиняет нас в том, что мы прицепили ярлычки к лицам комедий Островского, разделили все их на два разряда: самодуров и забитых личностей, и в развитии отношений между ними, обычных в купеческом быту, заключили все дело нашего комика. Высказав это обвинение, г. Григорьев восклицает, что нет, не в этом состоит особенность и заслуга Островского, а в народности. Но в чем же состоит народность, г. Григорьев не объясняет, и потому его реплика показалась нам очень забавною. Как будто мы не признавали народности у Островского! Да мы именно с нее и начали, ею продолжали и кончили. Мы искали, как и насколько произведения Островского служат выражением народной жизни, народных стремлений, что это, как не народность?» (*Луч света в темном царстве* [12]).

³ Подробнее на эту тему: Lazari A. «Ostatni romantyk» Apollon Grigorjew. Katowice, 1996.

Разве Григорьев и Добролюбов действительно не понимали друг друга? – Вряд ли. Просто они вкладывали в понятие *народности* разный смысл. Для романтика Григорьева («последнего романтика», как он сам себя называл) **основой народности была этничность**. А что же понимал под *народностью* почти позитивист Добролюбов?

В статье *О степени участия народности в развитии русской литературы* (1858) Добролюбов пишет: «...Пушкин так умел овладеть **формой русской народности**, что до сих пор удовлетворяет в этом отношении даже вкусу весьма взыскательному. Мы сказали: **формой народности**, потому что содержание ее и для Пушкина было еще недоступно. **Народность понимаем мы** [не только] как умение изобразить красоты природы местной, употребить меткое выражение, **подслушанное у народа**, верно представить обряды, обычаи и т. п. Все это есть у Пушкина: лучшим доказательством служит его "Русалка". Но чтобы быть **поэтом истинно народным**, надо больше: надо **проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий**, книжного учения и пр., **прочувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ**, – этого Пушкину не доставало» [13].

Другую статью, рецензию на *Рассказы из народного русского быта* Марка Вовчка (1859), Добролюбов озаглавил *Черты для характеристики русского простонародья* (1860). Говорит он в ней, что рассказы Вовчка «взяты из жизни **народа великорусского**» и что: «Мы вовсе не из землячества интересуемся изображениями великорусского быта более, чем малороссийского. У нас есть на это другие причины, заключающиеся в тех мнениях, каким в последнее время подвергался **великорусский крестьянин**, преимущественно пред малорусским. **Узкий патриотизм**, все человеческие интересы подчиняющий **землячеству**, достаточно надоедает [...]; мы не понимаем, отчего же, если я из Нижегородской губернии, а другой из Харьковской, то между нами уже не может быть столько общего, как если бы он был из Псковской. Если сами малороссы не совсем доверяют нам, так этому виной [такие] исторические обстоятельства [, в которых участвовала административная часть русского общества,] а уж никак не **народ**. Да это, впрочем, понимает масса людей в самой Малороссии [: москалями зовут там солдат, так точно, как панами зовут помещиков...] [...] Великие силы, таящиеся в

народе, и разные способы их проявления **под влиянием крепостного права** – вот что видим мы в этих рассказах» [14].

Из сказанного выше получается, что категория *народности* Григорьевым и другими почвенниками отождествлялась с категорией *этнической национальности*, а более конкретно – просто с *русскостью* (ни в коем случае **не с российскостью** по современным понятиям).

Достоевский, пытаясь сформулировать, в чем состоит суть мировоззрения почвенников, писал в *Объявлении о подписке на журнал Время на 1863 г.*: «весь спор состоит в том, как нужно понимать народ и народность [...] Доктринеры хотят учить народ... и не понимают главнейшей аксиомы, что только тогда народ станет читать их книжки, когда они сами станут народом, [...] когда народные интересы станут совершенно нашими, а наши его интересами. [...] Повторяем: все дело в понимании слова «народность». [...] ... нравственно надо соединиться с народом вполне и как можно крепче... надо совершенно слиться с ним и нравственно стать с ним как одна единица. [...] Мы вносим новую мысль о полнейшей народной нравственной самостоятельности, **мы отстаиваем Русь, наш корень, наши начала**» [15. С. 208-210].

Для Добролюбова же этнический элемент, «узкий патриотизм», «землячество» не были ценностью; народ для него – это социальный класс, крестьяне и низшие городские слои общества. Не случайно Добролюбов стал авторитетом, «революционным демократом» для советских идеологов. Коммунизм выбросил ведь народ/нацию в мусор и заменил его категорией класса. Пролетарии всех стран должны были соединиться и не могло помешать этому национальное сознание. В борющемся с национализмом коммунистическом СССР, где классовость должна была заменить народность, последняя все же поддерживалась идеологией и эстетикой. Эта *народность*, конечно, не была *этнической*. Не была и *классовой*, так как СССР стал якобы бесклассовым. Высшим проявлением *народности* стала *партийность*, но вряд ли кто-нибудь понимал, что эта догма обозначала. Развал коммунизма показал, что национальное сознание сильнее классового и бесклассового – разделились Чехословакия, Югославия, распался СССР.

И все-таки сегодняшние литературоведение и эстетика в принципе обходят категорию *народности* стороной. В западных и в

польских словарях литературных терминов такое понятие отсутствует. Тотальные концепции, требующие от содержания и формы произведений искусства соответствия „духу расы” или „духу национальной культуры”, скомпрометированы в истории столь радикально, что любые новые попытки сделать искусство зависимым от *народности* наталкиваются в современных гуманитарных науках на решительный отпор. Искусство давно перешагнуло границы государств и народов и, надо надеяться, больше никогда не замкнется в этих границах.

В сегодняшней же России *народность* в основном «ушла в деревню» и стала синонимом *фольклорности*. В идеологии же и в так называемой культурологии ее место заняла категория *идентичности*. И, по-моему, как раз эту *этнокультурную идентичность* имели в виду Достоевский с Григорьевым, когда они говорили о *народности*. Сегодня они, как недавно Солженицын, были бы обеспокоены тем, что *русскость* растворяется в *российскости*. И вряд ли доволен был бы Добролюбов идеей *российской нации*. Думаю, ближе была бы ему идея европейской гражданственности, в основе которой лежит правовое сознание каждой отдельной личности.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. I–XXX. Л., 1972-1980. Т. XIX.
2. Электронный ресурс Интернет: International Dostoevsky Society, <http://www.dostoevsky.org/>
3. Szacki J. Historia myśli socjologicznej. T. 1. Warszawa, 1981.
4. Зельдович М., Лившиц Л. Русская литература XIX века. Хрестоматия критических материалов. М., 1964.
5. Jakóbiec M. U źródeł ludowości romantycznej niektórych literatur słowiańskich // Pamiętnik Słowiański, 1963, Т. XIII.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1964.
7. Аксаков К.С. Москва, 8 июня // Молва. 1857. №9. С. 97-98 // Электронный ресурс Интернет: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_0050.shtml
8. Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Киев, 1897. Т. 2.
9. Григорьев А. Материалы для биографии. Петроград, 1917.
10. Григорьев А. Литературная критика. М., 1967.

11. Электронный ресурс Интернет: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0840.shtml

12. Электронный ресурс Интернет: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0280.shtml

13. Электронный ресурс Интернет: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0430.shtml

14. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. I –XXX. Л., 1972-1980. Т. XX.

Сведения об авторе

Анджей де Лазари
профессор Лодзинского университета (Лодзь, Польша)
E-mail: alazari@uni.lodz.pl

УДК [821.111(411)](091)

«ТЕНИ» ДЖ. МАКДОНАЛЬДА КАК РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

О.Б. Лукманова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья исследует одну из самых ранних сказок шотландского викторианского писателя Дж. Макдональда «Тени», устанавливая ее принадлежность к жанру рождественской сказки, рассматривая ее особенности в свете жанрового канона, установленного «Рождественской песней в прозе» Ч. Диккенса, и присущей Дж. Макдональду эстетики Рождества и обозначая ее как программное произведение автора в плане саморефлексии над сущностью и целями художественного творчества.

Ключевые слова: Джордж Макдональд, «Тени», рождественская сказка, «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса, саморефлексия, художественное творчество.

“The Shadows” by George MacDonald as a Christmas Fairy Tale Olga Lukmanova

The article looks at “The Shadows,” one of the earliest fairy tales by the Scottish Victorian writer George MacDonald, defining its genre as a Christmas tale and looking at its specific characteristics in the light of the classic Christmas tale genre, established by C. Dickens’ “Christmas Carol in Prose,” and in the context of MacDonald’s personal Christmas aesthetics. “The Shadows” is seen as one of MacDonald’s key artistic statements on the nature and objectives of imaginative writing.

Key words: George MacDonald, “The Shadows,” a Christmas tale, “The Christmas Carol in Prose” by C. Dickens, artistic self-reflection, imaginative writing.

Сказка «Тени» (*The Shadows*), одно из самых ранних произведений Макдональда, впервые появилась в печати в качестве одной из вставных историй в романе «Адела Кэткарт» (*Adela Cathcart*), вышедшем в 1864 г. Однако сохранилось письмо от Луизы Макдональд ее родителям от 1857 г., где она описывает семейное празднование Рождества и историю, которую Джордж рассказал ей и детям и которая, по всей видимости, и была первым вариантом сказки (заключительный эпизод с умершим принцем явно был добавлен в текст позднее, так как он содержит недвусмысленную аллюзию на королеву Викторию, потерявшую мужа в 1861 г. [1. P. 285-289]. Позднее Макдональд опубликовал «Тени» в отдельном сборнике с иллюстрациями Артура Хьюза «Встречи с феями» (*Dealings with*

Fairies, 1867), куда вошли еще две сказки из того же романа, «Невесомая принцесса» (*The Light Princess*), «Сердце великана» (*The Giant Heart*), а также «Наперекор» (*The Cross Purposes*) и «Золотой ключ» (*The Golden Key*). В дальнейшем сказка включалась и в другие сборники; в последнее время она чаще всего публикуется вместе с «Наперекор».

Уже то, что автор включил «Тени» в сборник «Встречи с феями», маркирует ее как сказку – в отличие, например, от других вставных историй в «Аделе Кэткарт», которые принадлежат к самым разным жанрам, от готической и городской новеллы («Жестокий художник» (*The Cruel Painter*) и «Сломанные мечи» (*The Broken Swords*) соответственно) до рождественского рассказа («Мой дядюшка Питер» (*My Uncle Peter*)) и аллегии («Замок» (*The Castle*)). С другой стороны, в тексте романа рассказчик говорит Аделе, что, услышав эту историю, она вряд ли посчитает ее сказкой, даже если все начинается с того, что феи из Волшебной страны намереваются сделать главного героя своим королем. Такая подчеркнутая жанровая амбивалентность не случайна (особенно если учесть, что во многом эта история посвящена теме художественного творчества, его воздействия на людей и предназначения) и лишь выводит лиминальность текста на еще один, дополнительный уровень. Конечно, рождественский хронотоп сам по себе лиминален на целом ряде уровней и смыслов, но, кроме того, протагонист все время находится между жизнью и смертью, фактом и воображением, сном и явью, серьезностью и шуткой, реальным и сверхъестественным пространством, что лишь усиливает характерный для Макдональда эффект промежуточности, пограничности, где возможно все – а значит, и самое «трудное» чудо преобразования человеческого сердца.

«Тени» – далеко не единственное рождественское произведение Макдональда. Именно из праздника Рождества (“*holyday*” в написании Луизы Макдональд), даже больше чем из Страстной пятницы и Пасхального воскресенья, писатель черпал более всего вдохновения, и Рождество особым образом повлияло на его художественное творчество. В отличие от других церковных праздников, оно упоминается или описывается в четырнадцати художественных и трех нехудожественных прозаических произведениях Макдональда и на протяжении всей жизни остается

одной из постоянных тем его поэзии. Четыре из шести первых произведений Макдональда либо были написаны во время рождественских праздников, либо предназначались к Рождеству. В 1851 г. он сделал и на собственные средства издал свой перевод «Духовных песен» Новалиса. Драматическая поэма «Внутри и снаружи» (*Within and Without*), опубликованная только в 1855 г., была написана им в период болезни и выздоровления в декабре 1850 – январе 1851 г. Мифопоэтическая повесть «Фантастес» (*Phantastes*) тоже была написана во время болезни, в декабре 1857 – январе 1858 г., а роман «Адела Кэткарт», действие которого разворачивается под Рождество, был написан в декабре 1863 г. К 1864 г. Макдональд уже опубликовал ряд произведений в специальных декабрьских альманахах: рождественскую повесть «Мой дядюшка Питер» (*My Uncle Peter*) и два праздничных стихотворения в журнале «Куин» в 1861 г., «Наперекор» в Рождественском альманахе Битона в 1862 г. и «Сердце великана» в рождественском приложении к журналу «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» в 1863 г. В 1866 г. он напечатал свои переводы рождественских стихов Лютера в «Сандей Мэгэзин», а в 1879 г. в декабрьском приложении к журналу «Грэфик» появилась его последняя сказка «История Фотогена и Никтерис» (*The History of Photogen and Nycteris*). Одним из самых известных произведений Макдональда остается его рождественская история «Дары Младенца Христа» (*The Gifts of the Christ Child*, 1882), где рассказывается о том, как одна несчастная английская семья удостоилась необычного подарка, о котором просила Бога маленькая девочка Фоси, и только этот подарок – Господне наказание – смог пробудить в мертвых сердцах людей любовь и сострадание.

В рождественских повестях «Мой дядюшка Питер» и «Дары Младенца Христа» герои, в соответствии с конвенциями жанра, оказываются в состоянии кризиса, для разрешения которого требуется чудо, даже если чудо здесь носит не столько сверхъестественный, сколько бытовой характер; «логика сюжета... подчинена преодолению неполноты, дисгармонии жизни,.. основана на евангельской системе ценностей, и в любом успешном стечении обстоятельств и автору, и героям видится вмешательство небес» [2. С. 100]. Таким образом, данная жанровая форма как нельзя лучше соответствует мироощущению Макдональда, который не видел дихотомии между бытовым и сверхъестественным и рассматривал

всякое стечение событий как Промысел. От этих двух повестей сказка «Тени» отличается наличием чудесного, сверхъестественного компонента: упоминанием Волшебной страны и присутствием самих Теней, уносящих главного героя на край света. По целому ряду параметров автор воспроизводит ставшую канонической форму «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса (одним из устойчивых определений которой в исследовательской литературе является «сказка», [3. С. 12]). Ее действие происходит в канун Рождества и начинается в Лондоне; герою, находящемуся в состоянии дистресса, являются сверхъестественные существа; он отправляется с ними в путешествие в качестве пассивного наблюдателя и в результате переживает некое прозрение, внутреннее преображение: «конфликт строится не на столкновении человека с потусторонним злым миром, а на том сдвиге в сознании, который происходит в человеке, в силу определенных обстоятельств усомнившемся в своей неверии в потусторонний мир» [4]. И у Диккенса, и у Макдональда чудесные события отчасти объясняются недомоганием героя и его сном, и хотя это является отходом от классической сказки, для рождественской истории реалистическая мотивировка вполне характерна, так как «оправдывает любую фантазмагорию» [4]. Таким образом, перед нами действительно литературный рождественский рассказ-сказка, «живущий по законам фольклорной и ритуальной “эстетики тождества”, ориентируясь на канон и штамп – устойчивый комплекс стилистических, сюжетных и тематических элементов, переход которых из текста в текст не только не вызывает раздражения у читателя, но, наоборот, доставляет ему удовольствие» [4]. Однако Макдональд использует каноническую форму в своих целях, выводя сказку на анагогический уровень и делая ее рождественской именно в духовно-религиозном смысле этого слова.

Конечно, в каком-то смысле все викторианское общество и его литература были христианскими: общепринятые нравственные принципы зиждились на иудео-христианской основе, церковь была неотъемлемой частью жизни, Библия – знакомым текстом, проповедь – хорошо известным жанром, и колокола «благовестили на колокольне, призывая всех добрых людей в храм Божий» [5], однако, строго говоря, диккенсовская «Рождественская песнь в прозе» не является христианским, духовным произведением, и все связанное с христианской религиозной традицией служит в ней, в лучшем случае,

фоном для происходящего, что вполне соответствует общей тенденции развития английской литературы в XIX в. в русле «тщательно контролируемой секулярности» [6. Р. 61]. Отчасти это была реакция на ослабленный и неуверенный в себе протестантизм, который, по словам Г. К. Честертона в трактате «Викторианская эпоха в литературе» (*The Victorian Age in Literature*, 1913), позволял викторианскому воображению только «печальное изображение сверхъестественного» (“*sad supernaturalism*”), отвергая средневековый синтез подлинного благочестия и вульгарной комедии в пользу третьесортных евангельских трактатов и серьезных «религиозных» романов, так что радостное изображение сверхъестественного у Диккенса нуждалось в собственном, светском мифе и опиралось не столько на духовность, сколько на крепкую веру в гуманистические ценности и на комико-сатирическую традицию раблезианского толка в духе Г. Уолпола, Т. Худа и У. Теккерея [6. Р. 43]. Тем не менее, Диккенс следует риторико-логической стратегии типичной протестантской проповеди: сначала героя (и читателя) устрашают призраками, напоминая ему о его грехах, затем доводят до отчаяния перед лицом смерти и вечного осуждения, а затем, несколько меняя тон, указывают путь к избавлению с обязательным условием раскаяния; наконец, рассказчик, обращаясь к читателю, описывает счастье исправившегося героя, показывая, что «дело того стоило», и в финале исправившийся Скрудж идет в церковь. Однако при этом автор фактически создает религию из самого празднования Рождества, отказываясь от которого Скрудж словно бы отказывается принимать саму суть Рождественской вести [7. Р. 275].

В сказке Макдональда тоже присутствуют темы церкви, проповеди и смерти, но совсем в ином контексте. Тени приносят протагониста Ральфа Ринкельмана в свою церковь – гигантское сборище Теней на поверхности замерзшего озера, и он ходит между ними, прислушиваясь к их рассказам о делах в мире людей. В каком-то смысле, здесь Макдональд дает читателю понять, что такое настоящая церковь: это не традиционное здание со шпилем и колокольным звоном и даже не литургия, но встреча тех, кто служит Богу, исполняя Его замыслы, а затем делится своей историей с другими, назидая их и призывая верить и не опускать руки. Тема эта была исключительно важна для Макдональда, которого в 1853 г. практически вынудили оставить пост священнослужителя и который

всю жизнь лелеял и по мере сил осуществлял мечту создать вокруг себя церковь в подлинном смысле слова, без традиционных ритуалов и деноминационных обозначений, где можно было бы просто помогать людям расти. Что касается смерти, то если у Диккенса смерть – это пугающий порог («О Смерть, Смерть, холодная, жестокая, неумолимая Смерть!»), за которым тех, кто не исполнил своего земного предназначения «общаться с людьми и... соучаствовать в их судьбе», ждет печальная участь Джейкоба Марли, а тех, кто сеял добро, – добрые слова и светлая память живущих, то Макдональд, вопреки тому, что можно было бы ожидать от проповедника со строгим кальвинистским воспитанием, не считает смерть «неумолимой секирой» и окончательным приговором. Смерть появляется в его сказке густой и молчаливой Тенью, накрывшей королевский дворец, где «мать своего народа, склонив голову, рыдает об утрате того, кому так доверяла» (принц Альберт умер под Рождество, 14 декабря 1861 г.); но желая утешить королеву, на пути к дворцу Тени встречаются «крылатых ангелов,.. эти белые тени, что падают на небесах от Света Светов», и понимают, что их служба уже не нужна. Здесь, как и в большинстве произведений Макдональда, присутствует элемент теодицеи: автор напоминает читателям, что в мире всегда присутствуют невидимые силы, неустанно действующие от имени Бога на благо людям и несущие им то утешение, то обличение, то резкое пробуждение от спячки, то подкрепление, и смерть, лишенная своего жала, является лишь дверью в иной, лучший и куда более реальный мир.

И у Диккенса, и у Макдональда Духи и Тени показывают герою истинную суть вещей, но если у Диккенса главное зло лежит в чисто горизонтальном, социальном плане (девочка Ницета и мальчик Невежество, на лбу у которого написано «Гибель» – или, в оригинале, *Doom*, что связано не только с гибелью, но и с роковой неизбежностью, фатумом, нежеланием или неумением человечества исправиться) и его рождественский миф является, прежде всего, откликом на современные ему откровения о состоянии неимущих членов общества, то у Макдональда Тени обращаются с своему новому королю с просьбой помочь им восстановить у людей духовное зрение:

«Только в сумеречных всполохах камина, или когда человек сидит один при свече, или когда несколько человек вдруг

одновременно чувствуют то же самое, сливаясь воедино, – только тогда мы показываем им себя и истинную сущность вещей... Под угрозой само наше существование. Теперь, когда не только в домах, но и в мужчинах, женщинах и детях появилось столько искусственного света, нам может прийти конец... Из городов нас почти уже изгнали. Нам остались лишь села да одиноко стоящие дома, обычно старые, деревенские домишки, откуда уже почти исчезли даже наши друзья феи. А посему мы просим Ваше Величество пустить в ход Вашу силу и вернуть нам наши законные права и в доме, и в сердцах его обитателей» (*здесь и далее перевод О. Лукмановой*).

Таким образом, для Макдональда в корне человеческих несчастий лежит не несправедливая социальная система, а духовная слепота и попытки найти истину искусственными, рационалистическими способами. В общем и целом, в английской литературе XIX в. «истории с привидениями» являются «отражением ностальгической, неутоленной тоски по метафизической, теологической модели видения / зрения, утратившей всякую достоверность в эпоху, которую В. Скотт метко назвал “веком всеобщего неверия”» [8. Р. 1110], но Макдональд отказывается от бесплодной ностальгии и предлагает свой путь решения проблемы: с помощью художественного воображения показать людям истину не столько пропозиционально, сколько экзистенциально, воздействуя на них подобно музыке. Главным средством для этого становятся истории, рассказы, сказки (*tales*); вот почему феи и Тени Волшебной страны избирают своим королем человека, который «зарабатывал на жизнь карикатурами и забавными рисунками и почти весь свой заработок пускал на трагические поэмы», – то есть художника и поэта, сочетающего в себе серьезное и комическое отношение к жизни, умение прислушиваться и присматриваться к жизни, открытость к новому и незнакомому и веру в преобразующую силу слова и творческого воображения.

Называя «Тени» программным произведением Макдональда, Н.М. Демурова отмечает, что в нем писатель «выступает в защиту сказки от сухого утилитаризма ее гонителей», так как к 1860-м годам споры о пользе сказки не только не утихли, но и приобрели особую остроту. И хотя эта сказка действительно «посвящена высокой роли писателя-романтика, призванного... продолжить фольклорные

традиции, отстоять душевный мир людей от грубого воздействия “машинной цивилизации”» [9. С. 256-257], у Макдональда искусственные огни символизируют не только засилье техногенного мышления, но и преобладание среди людей обыкновения смотреть на реальность и оценивать ее с помощью собственного «света» (автономного разума) и их отказ от подлинного света свыше. Люди-«просветители», которые всеми силами пытаются изгнать мрак и тени, будоражащие их воображение и вызывающие дискомфорт напоминаниями о трансцендентном (в том числе и о сущности смерти), на самом деле оказываются блуждающим во тьме. Сумерки вообще являются для Макдональда весьма знаковым символом. С одной стороны, это пограничный момент между светом и тьмой, днем и ночью, явью и сном, а с другой стороны – особое пространство тишины и молчания, где человек остается наедине с самим собой, прислушивается к голосу воображения и погружается в наиболее плодотворные размышления. Тени в сказке опечалены тем, что скоро их окончательно изгонят прочь и они лишатся возможности приходить к людям в сумеречном уединении, «чтобы те замолчали и задумались,.. чтобы вселить в них немного благоговения». Получается, что для внутреннего преображения действительно необходим вывод человека в некое пограничное состояние, где у сил сверхъестественного мира появляется возможность воздействовать на него ради его блага, и тогда призвание писателя, помимо всего прочего, состоит еще и в том, чтобы создавать духовные и душевные «сумерки» с помощью теней, падающих от истинного света; создавать некое лиминальное пространство, где люди могут меняться под воздействием «музыки» подлинной поэзии и воображения, вновь обретая подлинное видение реальности.

В разных произведениях Макдональд неоднократно подчеркивает связь Рождества с детством и детскостью (*childlikeness* в отличие от инфантильности, *childishness*), а также с рассказыванием историй и сказок:

«Каждый год, когда приближается Рождество, я снова начинаю молодеть. По крайней мере, так мне кажется на основании того факта, что странное, таинственное, уже давно знакомое, но все еще не очень понятное и всегда разное наслаждение оживает у меня внутри при первом же намеке (откуда бы он ни взялся, с церковной службы или из витрины магазина) на то, что главный день года уже не за горами,

что он уже начал пробиваться из-под верхней оболочки мира. Я радуюсь ему, как ребенок... Больше всего мне нравится слушать сказки и истории, а иногда их рассказывать... Именно рождественское пиршество оправдывает все пиршества, как хлеб и вино Евхаристии являются сущностью всякого хлеба и вина, всей силы и радости» («Адела Кэткарт»).

Как «главный день в году» (“*the day of all the year*”) придает вес и значимость всем остальным дням, так и история Рождества, предвечная драма о воплотившемся Боге (“*the story of all stories*”) самой своей изобильной плодородностью порождает другие истории [10. P. 17]. В центре Рождества неизменно оказывается ребенок, который одним своим присутствием тоже рассказывает какую-то историю: как у Диккенса маленький хромым Тим радуется, что, глядя на него, люди могут в первый день Рождества вспомнить о Томе, «Кто заставил хромым ходить и слепых сделал зрячими», так и у Макдональда старик, позволивший себе опуститься в глубины нелюбви и жалости к себе, вдруг узнает в маленькой внучке тень умершей дочери, раскаивается и познает радость, а главный герой сказки видит на стене тень Младенца Христа, которую отбрасывает его сынишка. И у Диккенса, и у Макдональда средством внутреннего преобразования оказываются истории, эпизоды, разыгрываемые тенями (*shades, shadows*) для главного героя в рождественскую ночь. У обоих авторов нравственная деградация человека начинается постепенно, с малых бытовых поступков и встреч, и, разыгрывая для людей бурлески на стенах их комнат, Тени пытаются удерживать их от зарождающегося тщеславия, пьянства, пренебрежения долгом, корысти и других пороков, которые, если их вовремя не остановить, могут привести к страшным последствиям, включая физическое и нравственное убийство. Макдональд углубляется до метафизического основания этих пороков, связывая Рождество с «детством года» и говоря о необходимости для каждого человека опуститься в его глубины: «Бог словно говорит каждому из нас именно так, как ему нужно это услышать: “Сын мой, дочь моя, ты становишься старше и хитрее; тебе нужно снова стать ребенком”» («Адела Кэткарт»). К тому же в сказке звучит и тема социальной ответственности писателя и поэта: что будет с людьми и миром, если он перестанет своими произведениями, этими «тенями реальности», будить в читателях

воображение и тем самым помогать им вступить в экзистенциальный контакт с красотой и истиной?

Один из способов уподобиться ребенку – это обрести детское удивление таинственности мира, которое тоже является плодом подлинного художественного творчества и разбуженного им воображения. Ральф Ринкельман, чье имя является омонимическим каламбуром и намеком на то, что он несколько одряхлел душой (*Rinkelmann – Wrinklemann*, «морщинистый»), замечает, что после возвращения из путешествия с Тенями спальня, всегда казавшаяся ему загадочной, становится еще более таинственной, и из этого заключает, что «видение его, скорее всего, было истинным, ведь из-за него обычные вещи не стали казаться ему обыденными, но, напротив, раскрыли то чудесное, что в них таилось, – то же самое можно сказать о всяком подлинном искусстве». Рождество оправдывает и возвышает не только фантазийное творчество, но и безудержное веселье и смех, «смешение юмористического, даже нелепого с серьезным», о чем Макдональд писал в своей критической статье «О “Кануне Рождества” Браунинга» (*Browning's “Christmas Eve,”* 1882) [11. P. 122]. Писатель считал, что в Рождество люди должны быть еще ближе к детству – а значит, еще беззаботнее и веселее, чем всегда, и в его собственной семье, несмотря на постоянные болезни и сравнительную бедность, в это время года неизменно царила атмосфера льющейся через край радости, фантазии и щедрости, с украшением елки и всего дома, множеством подарков, угощением и праздником для ребятишек округа, пиршеством для детей и взрослых, играми, песнями, танцами, сказками и комическими представлениями в духе балаганных пантомим и шарад [1. P. 285-287]. В сказке автор и его протагонист постоянно скользят между романтическим и поучительным, шуткой и серьезностью, комическим и трагическим. Впервые познакомившись с Тенями, Ральф пытается острить, на что те с полной серьезностью просят его не шутить, а на его возражение о том, что они только и делают, что шутят, отвечают: «Мы Тени, Ваше Величество. И когда мы шутим,.. то всегда шутим всерьез». Предупредив его о неуместности дешевого, поверхностного веселья, они, тем не менее, остроумно парируют его вопросы о свете и тьме рифмованными ответами, словно играя в знакомую ему литературную игру. По ходу повествования они нередко сменяются и веселятся, рассказывая о своих «забавах» с людьми, пытаются рассмешить тех,

кто опустил руки, заставляют гордецов посмеяться над собой, вызывают у поэтов и музыкантов раскатистый смех, подкидывая им свежие идеи для творчества, и т.п., но при этом ни у кого не возникает сомнения в том, что заняты они исключительно серьезным, глубоким делом.

Более того, злу – как и тьме – отказано в подлинной серьезности и подлинной реальности. Снимая, вслед за Новалисом и его «Гимнами к ночи», привычную однозначную бинарность тьмы и света, смерти и жизни, Макдональд соглашается с Августином, считавшим, что мрак не имеет собственной онтологической сущности и является лишь отсутствием света, но идет еще дальше, утверждая, что мрак – это тени, отброшенные светом и служащие его замыслам; фактически, это слуги блага. Таким образом, Тени, могущие показаться чем-то злым и пугающим и порой обретающие страшные очертания, на самом деле «всегда являются отражением иной, невидимой глазу жизни» [9. С. 255]. Зло вообще эфемерно и вторично, так как вечной и первичной является только радость. Поэтому страдание (например, смерть в королевском дворце и даже крестная смерть, незримо присутствующая в Рождестве и лишь углубляющая его радость) вовсе не отменяет беззаботность, смех, комические игры, нелепые истории – то есть благодать невинного веселья. Таким образом, подобно Диккенсу, хоть и с несколько иными целями, Макдональд через фигуру состарившегося писателя, которому необходимо было снова вернуться в детство и вспомнить, что в основе мира лежит не безнадежная трагедия, а радость, выступает против тех, кто считал подобное времяпровождение под Рождество фривольным и недостойным – на этот раз, недостойным не делового человека (как Эбенезер Скрудж), а серьезного христианина и писателя (как Ральф Ринкельман). Веселье не только оправдано радостью и торжеством первого Рождества, но и является источником жизненной энергии, дающей поэту силы помогать тем, кто блуждает во тьме. Эту мысль прекрасно выразил почитатель и ученик Макдональда Кл. С. Льюис: «На небе радость – самое серьезное дело» [12. С. 402] .

Библиографический список

1. MacDonald Gr. George MacDonald and His Wife. London: George Allen and Unwin, 1924. 619 p.
2. Петрова Л.В. Жанр рождественского рассказа в творчестве Сьюзен Хилл // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 4 (14). С. 100-103.
3. Бондаренко М.И. Традиции «Рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840-1890-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006.
4. Душечкина Е.В. Святочный рассказ // Электронный ресурс Интернет: <http://art.1september.ru/articlef.php?ID=200702305>
5. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе. Перевод Т. Озерской // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d12.txt>
6. Prickett S. Victorian Fantasy. Indiana University Press. Bloomington and London, 1979. 257 p.
7. Kállay G. “What Wilt Thou Do, Old Man?” – Being Sick Unto Death: Scrooge, King Lear, and Kierkegaard // Partial Answers. 2011. Vol. 9. №2. P. 274-275.
8. Smajic S. The Trouble with Ghost-Seeing: Vision, Ideology, and Genre in the Victorian Ghost Story // ELH. 2003. Vol. 70. № 4. P. 1107-1135.
9. Демурова Н.М. Английская детская литература 1740-1870 гг: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1983. 443 с.
10. Gabelman D. “The Day of All the Year”: MacDonald’s Christmas Aesthetic // North Wind. 2010. № 29. P. 11-23.
11. MacDonald G. Browning’s “Christmas Eve” / Dish of Orts. Kessinger Publishing, 2004. P. 119-134.
12. Льюис Кл. С. Письма к Малькольму // Льюис Кл. С. Собрание сочинений в 8 томах. Том 8. М.: Библия для всех, 2000. 464 с.

Сведения об авторе

Лукманова Ольга Борисовна
аспирант кафедры зарубежной литературы
и теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: estson@gmail.com

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811:378.66

МОДИФИКАЦИЯ ЦЕЛЕЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Е.Н. Баранова

*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.А. Алексеева, Нижний Новгород*

В статье даётся обоснование необходимости уточнения целей иноязычного образования. Наряду с подтверждением центральной цели – совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции – новый акцент сделан на участии дисциплины «Иностранный язык» в формировании ряда значимых профессиональных и общекультурных компетенций. Автором предложен модифицированный вариант целеполагания во вузе, находящийся в контексте компетентностного подхода.

Ключевые слова: компетентностный подход, цели, иноязычная коммуникативная компетенция, общекультурные, профессиональные компетенции.

Modifying Targets of Teaching Foreign Languages to Technology Specialists in the Context of Competence Approach Elena Baranova

The article explains the necessity of specifying goals of foreign language training in the context of a technical university. While affirming the principal goal of such training as perfecting students' competence in foreign language communication, it puts a new emphasis on the role foreign language training plays in forming a number of other professional and general competences. The author suggests a modified competence-based approach to setting goals for foreign language training in a technical university.

Key words: competence approach, goals, foreign language communication competence, general cultural competences, professional competences.

Процесс иноязычного образования сложен и многогранен. Он интегрирует реализацию трёх целей – обучения, развития и воспитания. Образовательный процесс во многом зависит от выбранного подхода, который является «базисной категорией методики, определяющей стратегию обучения языку и выбор метода

обучения, реализующего такую стратегию; представляет собой точку зрения на сущность предмета, которому надо обучать [1. С. 200].

Выбор подхода влияет на все остальные компоненты образовательной системы. Он прежде всего реагирует на запросы времени и является вектором, направляющим весь образовательный процесс. Смена ориентиров в образовании вела к появлению новых подходов. В иноязычном образовании в разные периоды времени доминировали различные подходы – познавательный (когнитивный), системный, личностно-ориентированный, коммуникативно-деятельностный, социокультурный, культурологический, межкультурный и др.

В свете интеграционных процессов в европейском образовательном пространстве и пересмотре образовательных моделей, построенных на знаниево-ориентированной составляющей, в последнее десятилетие наиболее востребованным стал компетентностный подход. В его фокусе – формирование личности компетентного специалиста. Разграничивая понятия «компетенция» и «компетентность», сторонники подхода видят в компетенции:

- внутренние потенциальные личностные образования,
- знания, навыки, умения,
- представления,
- программу действий,
- систему ценностей;

а компетентность рассматривают как умения реализовывать приобретённые компетенции в конкретной деятельности [2].

Нельзя отрицать тот факт, что в рамках компетентностного подхода ряд проблем остаётся нерешённым. Среди них:

- отсутствие общепризнанного реестра компетенций;
- неоднозначность их трактовки;
- необходимость уточнения совокупности компетенций, значимых для конкретной профессиональной сферы;
- отсутствие верифицированных способов проверки уровня сформированности компетенций;
- необходимость изменения формата «экзаменов».

Вместе с тем большинство исследователей подчёркивает бесспорные достоинства компетентностного подхода, среди которых особо следует отметить такие, как:

- ✓ личностно-ориентированная цель обучения;
- ✓ развитие потенциально значимых качеств личности;
- ✓ формирование как профессиональных, так и общекультурных компетенций;
- ✓ учёт мнения работодателя.

В связи с введением в 2010 году Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения возникла необходимость практической реализации компетентного подхода во всех вузах, что требует уточнения, корректировки, а в ряде случаев и существенного пересмотра традиционных представлений обо всех компонентах образовательного процесса: целях, содержании, принципах, методах и формах работы.

Анализ заявленных образовательных целей позволил нам сделать вывод о необходимости модифицировать цели иноязычной подготовки специалистов технического профиля. Очевидно, что дисциплина «Иностранный язык» играет особую роль в реализации трёх основных целей образовательного процесса во вузе – образовательной, воспитательной, развивающей. Для уточнения целей, наиболее полно согласующихся с компетентным подходом, остановимся на специфике целеполагания в коммуникативном и межкультурном подходах.

В контексте коммуникативного подхода основной целью овладения иностранным языком считается овладение иноязычной коммуникативной компетенцией, включая такие составляющие, как языковую, речевую, социокультурную. Отметим, что в большинстве проанализированных нами рабочих программ по дисциплине «Иностранный язык», в том числе, и программ, ориентированных на новые ФГОС ВПО, приоритетной целью остаётся формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Авторы программ уточняют при этом достигаемый уровень сформированности названной компетенции, а также целевые сферы общения.

Приверженцы межкультурного подхода декларируют иное целеполагание. Опираясь на теорию языковой (вторичной языковой) личности (Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева), ряд исследователей продолжают поиск способов интеграции межкультурной и коммуникативной компетенций в процессе иноязычного образования,

возможностей формирования у учащегося основных черт вторичной языковой личности. Такие черты в своей совокупности составляют «сложное интегративное целое, выходящее не только на коммуникативную, но и межкультурную компетенции» (Н.Д. Гальскова).

Эти идеи, адаптированные к условиям технического вуза, нашли своё продолжение в ряде исследований. Так, М.Г. Евдокимова видит конечную цель обучения иностранному языку в вузах неязыкового профиля в «формировании у студента основ профессионально ориентированной вторичной языковой личности, готовой к профессиональной межкультурной коммуникации и саморазвитию в новой информационно-коммуникационной среде» [3. С. 8].

Вместе с тем, несмотря на широкое распространение идей межкультурного подхода, связанные с ним представления о необходимости формирования основ вторичной языковой личности по-прежнему соотносятся со специальным лингвистическим образованием и подготовкой специалистов по межкультурной коммуникации. Перенесение рассмотренных идей в сферу иноязычной подготовки в неязыковых вузах представляется нам непродуктивным. Слишком разными остаются рамочные условия языковой подготовки лингвистов и нефилологов.

Полностью разделяя идею формирования вторичной языковой личности применительно к профессиональному лингвистическому образованию, мы убеждены, что в условиях вуза такая цель может быть реализована в рамках ограниченного спектра программ, ориентированных на слушателей с исходным уровнем владения языком не ниже уровня В1 общеевропейских языковых компетенций. К таким программам могут быть отнесены, в первую очередь:

- факультативы для выпускников школ с углублённым изучением иностранных языков;
- программы иноязычной подготовки магистрантов и аспирантов;
- программа подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации (технический профиль);
- специализированные курсы для участников различных международных проектов, в том числе студенческих (аспирантских)

программ обмена, обучения и прохождения производственной практики за рубежом.

Как показывает практика иноязычной подготовки нефилологов, цель «формирования основ профессионально ориентированной вторичной языковой личности» остаётся лишь декларацией о намерениях. Реализация такого целеполагания в рамках базового курса иностранного языка (первый – второй курс при «интенсивности» занятий 2 часа в неделю) во втузе не представляется возможной.

В условиях дефицита времени (340 академических часов, 9 кредитных единиц) и низкого уровня сформированности коммуникативной компетенции выпускников школ (А2) в новой «Примерной программе по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы)» (составитель Г.В. Перфилова, МГЛУ, 2011 г.) конечной целью овладения иностранным языком объявляется «формирование межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции» [4. С. 8-9], а заявленным итоговым уровнем овладения указанной компетенцией является уровень В1.

Общую цель овладения иностранным языком в курсе бакалавриата автор программы видит в «формировании зрелой гражданской личности, обладающей системой ценностей, взглядов, представлений и установок, отражающих общие концепты российской культуры, и отвечающей вызовам современного общества в условиях конкуренции на рынке труда» [4. С. 8]. В качестве приоритетных качеств будущих бакалавров называются:

- способность осуществлять межкультурные контакты в профессиональных целях;
- конкурентоспособность;
- стремление к самосовершенствованию в постоянно меняющемся многоязычном и поликультурном мире;
- мобильность и гибкость в решении задач производственного и научного плана;
- потребность в самообразовании [4].

Особое внимание в новой программе обращается на образовательный, воспитательный и развивающий параметры конкретизации заявленной общей цели. Такой подход полностью

соответствует гуманистической парадигме образования. На наш взгляд, он является ещё одним весомым аргументом в пользу идеи иноязычного образования, противопоставляемого рядом исследователей узко прагматической ориентации на иноязычную подготовку/обучение (Е.И. Пассов и др.).

Проанализировав базовые работы по компетентностному подходу и соотнеся их с современными нормативными документами, а также опираясь на собственный практический опыт организации системы иноязычной подготовки во втузе (с 1988 г.), мы пришли к выводу о необходимости модификации целеполагания дисциплины «Иностранный язык» в техническом вузе. Без уточнения и конкретизации целей (и как следствие – пересмотра всех остальных компонентов образовательной системы) практическая реализация компетентностного подхода невозможна.

Выдвинутой и подтверждённой в ходе нашего эксперимента гипотезой стало следующее представление о целях иноязычной подготовки специалистов технического профиля:

1. Первой, центральной целью дисциплины «Иностранный язык», остаётся формирование и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции студентов. Следует подчеркнуть, что в поле зрения педагога должны быть все её составляющие.

Опытно-экспериментальное обучение показало: с учётом специфики неязыкового вуза, особенностей речевого поведения студентов технического профиля специальный акцент в образовательном процессе необходимо сделать на формировании прагматической и стратегической (компенсаторной) компетенциях.

Результаты экспериментальной работы подтвердили единство целей совершенствования иноязычной и билингвальной коммуникативной компетенций. Обязательным условием реализации заявленной цели являются: а) опора на родной язык; б) согласованное/параллельное формирование коммуникативной компетенции на родном и иностранном языках. Речь идёт о едином пространстве языкового образования втуза.

2. Вторая цель предполагает участие дисциплины «Иностранный язык» в формировании профессиональных компетенций будущих специалистов в интегративном образовательном пространстве технического университета. В фокусе

междисциплинарных усилий представителей специальных дисциплин и дисциплин социально-гуманитарного блока находится проблема формирования целого ряда профессиональных компетенций. Как показали специальный анализ и результаты экспериментальной проверки, иностранный язык играет свою особую роль и непосредственно участвует в формировании следующих профессиональных компетенций будущих специалистов технического профиля:

- «способность и готовность анализировать научно-техническую информацию, изучать отечественный и зарубежный опыт по тематике исследования;
- умение готовить презентации, научно-технические отчеты по результатам выполненной работы, оформлять результаты исследований в виде статей и докладов на научно-технических конференциях;
- способность понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации» [5].

Изучение иностранных языков во втузе оказывает влияние и на формирование некоторых других профессиональных компетенций.

3. Третья цель дисциплины «Иностранный язык» – формирование и совершенствование общекультурных компетенций будущих специалистов. Достижение цели происходит за счет параллели и контаминации с процессом формирования как ключевых составляющих иноязычной коммуникативной компетенции, так и межкультурной компетенции. Сравнение общекультурных компетенций с составляющими иноязычной коммуникативной компетенции и с содержанием межкультурной компетенции позволяет распознать:

- умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь, проявлять уважение к людям, толерантность к другой культуре (речевая, прагматическая, и другие составляющие коммуникативной компетенции, межкультурная компетенция);

- способность социально взаимодействовать на основе принятых моральных и правовых норм, демонстрируя уважение к людям, толерантность к другой культуре, готовность к поддержанию партнерских отношений (социальная, социокультурная и межкультурная компетенции);

- способность к работе в коллективе, в том числе и над междисциплинарными проектами (социальная, дискурсивная и другие виды компетенций) [5].

Очевидна необходимость участия дисциплины «Иностранный язык» и в формировании других общекультурных компетенций (прим. 1).

4. Четвертая цель – участие в формировании, развитии и воспитании компетентного специалиста как личности нравственной, интеллектуальной, креативной, деятельной, толерантной, духовной, готовой и способной решать как сложные профессиональные задачи, так и проблемы в сферах социального и межкультурного взаимодействия.

Названные общие цели конкретизируются с учётом многоуровневой системы образования, модифицируются во втузе для различных ступеней: бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура.

При обсуждении проблемы модификации целеполагания в свете компетентного подхода необходимо учитывать личные цели овладения иностранным языком студентами как субъектами образовательного процесса. Большинство из опрошенных студентов-нефилологов по-прежнему видят главную цель изучения иностранного языка в успешной сдаче зачёта (экзамена). Об этом свидетельствуют результаты проведённого анкетирования (100% опрошенных). В качестве дополнительных студенты называют и другие цели изучения иностранного языка, представляющие интерес для организации образовательного процесса (анкетируемые могли выбрать несколько целей, выделяя приоритетные):

- повышение шансов трудоустройства (65%);
- получение престижной (высокооплачиваемой) работы в иностранных компаниях в России (52%);
- участие в международных проектах – получение грантов (стипендий) для продолжения образования в стране изучаемого

языка, прохождения зарубежной производственной практики (стажировки), участия в исследовательских проектах и др. (46%);

- чтение специальной литературы на иностранных языках для знакомства с научно-техническими инновациями (42%);

- общение с носителями языка, в том числе, в социальных сетях (38%);

- возможность трудоустройства за рубежом (27%);

- путешествия (25%);

- другие цели (12%) (прим.2).

Учёт личностно ориентированных целей субъектов образовательного процесса повысит как степень студенческой мотивации, так и эффективность их автономной работы над дисциплиной «Иностранный язык».

Практика показывает, что в вузах проводится кропотливая работа в направлении реализации главных целей иноязычной подготовки. Вместе с тем отсутствует целостная система междисциплинарного взаимодействия по формированию выделяемых нами компетенций. Логика компетентного подхода диктует необходимость создания интегративного образовательного пространства, оптимального для формирования ключевых компетенций будущего специалиста технического профиля и становления его как личности.

Достижение целей иноязычного образования невозможно без переосмысления роли преподавателя иностранного языка и его ключевых компетенций. Эффективно участвовать в становлении личности будущего специалиста может только личность, и поэтому к личности педагога сегодня предъявляются повышенные требования. Необходимые преподавателю качества можно представить в формуле 5 «К»: «компетентность», «корректность», «креативность», «конкурентоспособность», «коммуникабельность».

Рис.1. Основные требования, предъявляемые к личностным качествам педагога.

Эти качества, включая многочисленные составляющие, в том числе новые, выдвигаемые временем [6], способствуют более успешному продвижению в реализации целей иноязычного подготовки специалиста в контексте компетентного подхода.

Результатом проведённого исследования и экспериментальной работы стало уточнение целей дисциплины «Иностранный язык» во вузе, их модификация в свете требований компетентного подхода. Корректировка проведена в содержании каждой из четырёх выделяемых нами целей:

1. Подтверждена центральная цель иноязычной подготовки - формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции. Подчеркнута необходимость реализации заявленной цели в параллели и контаминации с совершенствованием билингвальной коммуникативной компетенции и опорой на родной язык. Новые акценты при формировании коммуникативной компетенции сделаны на её специфических составляющих – прагматической и компенсаторной компетенциях.

2. Обосновано выделение в качестве специальной новой цели участие дисциплины «Иностранный язык» в формировании профессиональных компетенций специалистов технического профиля.

3. Выявлена ведущая роль иностранного языка в формировании ряда общекультурных компетенций, многие из которых в своём содержании контаминируют с собственно коммуникативной и с межкультурной компетенцией.

4. Выделены значимые личностные качества педагога, участвующего в формировании личности компетентного специалиста.

Особо отмечено, что компетентный педагог не только способствует осознанию студентами программных целей дисциплины «Иностранный язык», но знает и развивает личные целевые приоритеты субъектов образовательного процесса.

5. Названо основное условие реализации компетентностного подхода и эффективного образования, воспитания и развития личности современного специалиста. Таким условием является создание интегративного образовательного пространства технического вуза, объединяющего междисциплинарные усилия педагогов и личностно мотивированную деятельность субъектов образовательного процесса – студентов.

В заключении ещё раз подчеркнём: только в поликультурном креативном вузовском пространстве при высокой степени мотивации и интеграции всех его участников станут возможными как достижение центральной цели компетентностного подхода – формирование личности компетентного специалиста, так и реализация заявленных целей иноязычной подготовки, являющейся важной составляющей инновационного образовательного процесса втуза.

Примечания

1. Результат анализа выделенных в ФГОС ВПО профессиональных и общекультурных компетенций по различным (более 30) направлениям подготовки специалистов технического профиля показал, что определения этих компетенций и отнесённость к той или иной сфере деятельности нуждаются в дальнейших уточнениях и корректировках. Вместе с тем, представленный перечень компетенций позволил нам выделить те из них, в формировании которых может и должна принять участие дисциплина «Иностранный язык».

2. Приведённые результаты опроса первокурсников больше свидетельствуют о связываемых с этой дисциплиной ожиданиях, чем об осознанном определении студентом личностно значимой цели изучения иностранного языка во втузе. Данные последующих опросов, проведённых после завершения эксперимента, свидетельствуют о резкой дифференциации в студенческих оценках образовательного потенциала дисциплины «Иностранный язык» и как следствие – существенном переосмыслении целей овладения иностранным языком. Анализ

результатов проведенного анкетирования стал предметом отдельного исследования.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.:ИКАР, 2009. 448 с.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.
3. Евдокимова М.Г. Система обучения иностранным языкам на основе информационно-коммуникационной технологии (технический вуз, английский язык): Автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 2007. 49 с.
4. Перфилова Г.В. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 32 с.
5. ФГОС ВПО по направлениям подготовки 010400 (прикладная математика и информатика), 140800 (ядерная физика и технология), 151000 (технологические машины и оборудование) и др. / Министерство образования и науки РФ // Электронный ресурс Интернет: <http://mon.gov.ru/dok/fgos/>
6. Балыхина Т. Новые компетенции в профессиональной квалификации российского педагога // Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы: Материалы Международной научно-методической конференции. М.: РУДН, 2008.

Сведения об авторе

Баранова Елена Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой «Иностранные языки
машиностроительных специальностей»
Нижегородского государственного
технического университета им. Р.А. Алексеева
E-mail: baranova57@yandex.ru

УДК 378.147.88:378.637

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Т. К. Беляева

*Нижегородский государственный педагогический университет,
Нижний Новгород*

В статье рассмотрены основные требования к организации самостоятельной исследовательской деятельности будущих учителей, определена система условий ее реализации в педагогическом вузе. Представлен опыт организации самостоятельной исследовательской деятельности будущих учителей в Нижегородском государственном педагогическом университете.

Ключевые слова: самостоятельная исследовательская деятельность, самостоятельная работа, учебно-научно-исследовательская работа, контроль исследовательской деятельности, условия организации научно-исследовательской деятельности.

Facilitating Independent Student Research in a Teacher Training University

Tatiana Belyaeva

The article looks at basic requirements for independent research activity of future teachers, defines necessary conditions for facilitating student research within a teacher training university, and describes practical experience in organizing independent student research in Nizhniy Novgorod Pedagogical University.

Key words: independent research activity, independent work, training, scientific and research work, control of research activity, conditions for facilitating student research.

В современных условиях модернизации всех сфер общества, интенсивного увеличения объема информации, быстрой сменяемости и обновления знаний особое значение приобретает подготовка специалистов, имеющих высокую общенаучную и профессиональную подготовку, способность к самостоятельной творческой работе и непрерывному дальнейшему образованию. Эти качества должны стать неотъемлемыми характеристиками современного специалиста. Следовательно, одной из основных задач обучения является формирование у студентов стойкого познавательного интереса, развитие аналитического и творческого мышления. Выдвинутые перед высшей школой цели диктуют необходимость изменения парадигмы образования, основными составляющими которой

является личностная ориентированность на результаты учебной деятельности и компетентные элементы парадигмы. Последний компонент приобретает особое значение в связи с установкой на непрерывное образование, соответствующее стремительно меняющемуся информационному обеспечению всех сфер практической деятельности. Поэтому целью современного образования является не только накопление знаний, но и умение ориентироваться в инновационном информационном потоке и применять полученные знания в практической деятельности. Это в полной мере соответствует пониманию компетентности как социально значимого личностного качества, готовности и способности личности применять совокупность компетентностей в деятельности, учебной и жизненной ситуации.

Анализ глобальных и национальных тенденций развития университетского образования и образовательной ситуации в обществе позволяет определить тенденции, в полной мере соответствующие задачам современного высшего профессионального образования:

а) современные социокультурные условия диктуют самоценность идеи непрерывного образования, когда от человека требуется постоянное совершенствование собственных знаний;

б) в условиях информационного общества требуются принципиальные изменения организации образовательного процесса (сокращение аудиторной нагрузки, замена пассивного слушания лекций возрастанием доли самостоятельной работы студентов);

в) центр тяжести перемещается с изучения истории знаний, на которые ранее отводилось более 70% временных затрат, на освоение новых и новейших достижений в сфере будущей профессиональной деятельности;

г) профессиональная подготовка должна сочетаться с общекультурным и гуманистическим развитием личности.

Сохраняя достижения современной системы образования (качественное, осознанное овладение перечнем традиционных умений и способов деятельности), следует переориентировать студентов и преподавательский коллектив на активизацию потенциала самообразования, который наиболее эффективно формируется в процессе самостоятельной исследовательской работы. Необходимость

модернизации всей вертикали образования назрела не случайно, так как именно на рубеже веков и в первое десятилетие наблюдается всплеск разработок новых педагогических технологий и воплощение в жизнь новых педагогических идей. Особые требования предъявляются к выпускникам педагогических вузов. Современный учитель должен подготовить учеников к восприятию новых тенденций в высшем профессиональном образовании, заложить навыки самостоятельного поиска знаний. Для этого требуется не только умение квалифицированно разбираться в своем предмете и методике его преподавания, но и способность к организации соответствующей возрастным психологическим особенностям и интересам работы по самостоятельному поиску знаний и умений. Следует отметить, что в условиях переноса основной учебной нагрузки на самостоятельное изучение каждое задание приобретает характер исследовательской работы. Выполнение требует самостоятельного поиска, осмысления, выявления новых тенденций. Следовательно, рамки научно-исследовательской деятельности студентов расширяются, повышается актуальность исследовательских работ, совершенствуется методика самостоятельной исследовательской деятельности.

По мнению ряда исследователей (С.И. Архангельский, М.Г. Гарунов, Е.Я. Голант, Б.Г. Иоганзен, С.И. Зиновьев, А.Г. Молибог, Н.Д. Никандров, П.И. Пидкасистый и др.) [1] самостоятельная работа студентов становится необходимым условием подготовки компетентного специалиста. Исследования показывают, что 90% знаний и умений студент, будущий педагог, приобретает в ходе грамотно организованной самостоятельной исследовательской деятельности, направленной на саморазвитие и самореализацию его личности. Только систематическая самостоятельная исследовательская деятельность и контроль ее выполнения способствуют формированию творческого педагогического мышления, использованию исследовательского подхода к решению профессиональных задач.

В работах Н.В. Кузьминой, А.И. Щербакова, И.Ф. Исаева, В.А. Слостенина, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянова, обосновавших структуру педагогической деятельности, исследовательско-творческий компонент назван одним из важнейших. Сегодня широко

распространено понимание творчества как процесса решения поставленных задач в любой сфере деятельности, в результате которой создаются новые духовные и материальные ценности, где существует возможность развития и совершенствования личности [5]. Особенность исследовательской деятельности педагога состоит в том, что, изучая различные компоненты и явления педагогического процесса, он сам претворяет свою исследовательскую идею в педагогическую деятельность, выступая исследователем своей собственной деятельности.

Понятие «самостоятельная исследовательская деятельность» включает два элемента: во-первых, обучение студентов элементам исследовательского труда, привитие им навыков этого труда; во-вторых, научные исследования, проводимые под руководством преподавателей [2].

Методы и формы привлечения студентов к научному творчеству принято разделять на учебно-научно-исследовательскую работу, включенную в учебный процесс и, следовательно, проводимую в учебное время в соответствии с учебными планами и рабочими программами (специальные лекционные курсы по основам научных исследований, различного вида учебные занятия с элементами научных исследований), а также на научно-исследовательскую работу, выполняемую студентами во внеучебное время [3].

Самостоятельная исследовательская работа студентов под управлением преподавателя представляет собой дидактическое средство образовательного процесса, искусственную педагогическую конструкцию организации и управления деятельностью обучающихся.

Содержание самостоятельной исследовательской деятельности студентов должно быть описано в рабочей программе каждой дисциплины и направлено на формирование профессиональных компетенций будущих специалистов. Этот вид деятельности организуется в соответствии с четкими требованиями:

1. Создание в педагогическом вузе среды, стимулирующей активную самостоятельную исследовательскую деятельность, формирующей осознанную мотивацию к самостоятельному получению знаний.

2. Определение целей самостоятельной исследовательской работы. Основаниями отбора являются цели, определенные Государственным образовательным стандартом, и конкретизация целей по курсам, отражающим введение в будущую профессию, профессиональные теории и системы, профессиональные технологии и др. При определении целей следует учитывать знание источников профессионального самообразования, применение различных форм самообразования при организации самостоятельной исследовательской работы, цели самостоятельной работы должны соответствовать структуре готовности к профессиональному самообразованию, включающей мотивационный, когнитивный, деятельностный компоненты.

3. Отбор содержания самостоятельной исследовательской работы. Основаниями отбора содержания самостоятельной работы являются Государственный образовательный стандарт, источники самообразования (литература, опыт, самоанализ), индивидуально-психологические особенности студентов (обучаемость, обученность, интеллект, мотивация, особенности учебной деятельности).

4. Разработка заданий для самостоятельной исследовательской работы, которые должны соответствовать целям различного уровня, отражать содержание профессионального образования, включать различные виды и уровни познавательной деятельности студентов.

5. Организация контроля самостоятельной исследовательской деятельности студентов, которая включает тщательный отбор средств контроля, определение этапов, разработку индивидуальных форм контроля [4].

Частью профессиональной подготовки будущего специалиста в течение всего времени обучения в вузе является учебно-научно-исследовательская работа. Элементы учебной исследовательской деятельности реализуются на занятиях, но полноценная студенческая научная деятельность организуется во внеурочное время. В педагогической литературе под учебно-исследовательской деятельностью понимается овладение технологией творчества, знакомство с техникой эксперимента, научной литературой.

Каждое студенческое научное исследование должно иметь общую последовательность и включать четыре основных этапа:

1. Подготовка к исследованию. Сначала определяется цель исследования, обосновывается предмет и объект исследования, осваиваются накопленные знания по предмету исследования, проводится поиск литературы и обосновывается необходимость выполнения данного исследования, формируется рабочая гипотеза и задачи исследования, разрабатывается программа и общая методика исследования.

2. Исследовательская работа студента с различными источниками информации и их обработка. Этот этап исследования предполагает планирование экспериментальной деятельности и ее проверку.

3. Анализ и синтез результатов экспериментального исследования. Этот этап предусматривает переход от наблюдения к аналитическому описанию результатов исследования.

4. Подведение итогов исследования, определение возможности использования его результатов в практике профессиональной деятельности.

Для успешного выполнения самостоятельной исследовательской деятельности обязателен ее своевременный контроль, который может быть предварительным (необходим для получения сведений об исходном уровне исследовательских умений студентов), текущим (предназначен для управления самостоятельной исследовательской деятельностью), итоговым (предназначен для определения качества сформированности исследовательских компетенций студентов).

Важнейшим информационным источником и самостоятельной исследовательской деятельности студентов являются современные информационно-коммуникационные технологии, Интернет. При этом большое значение приобретает использование компьютера как инструмента исследования, конструирования и представления результатов исследования. В то же время работа с этими информационными источниками таит опасность компиляции устаревших, некомпетентных, иногда неграмотных работ. Задача преподавателя – предупредить об этих «подводных камнях» студента и дать представление о культуре работы с виртуальными источниками.

Очевидно, что самостоятельная работа студентов не может носить только исследовательский характер в чистом виде. Ее

интеграционный характер проявляется через применение знаний, умений и навыков на практике, в решении проблемы развития исследовательских умений на междисциплинарном уровне и т.п. В связи с этим особое значение имеет самостоятельная исследовательская деятельность студентов в период педагогической практики. Видами исследовательской деятельности на этом этапе являются разработка заданий, уроков, внеклассных мероприятий, программ и содержания элективных курсов, их экспериментальная апробация.

Для организации успешного функционирования и контроля самостоятельной исследовательской деятельности студентов педагогического вуза необходима система условий: четкая постановка познавательных целей и задач в соответствии с требованиями будущей профессиональной деятельности; знание студентами способов осуществления самостоятельной исследовательской деятельности, алгоритмов и методов педагогического исследования; четкое определение объема работы, формы отчетности, сроков представления результатов; организация консультаций (установочных, тематических проблемных); разработка критериев оценки качества самостоятельной исследовательской деятельности, стимулирующий контроль; методическое обеспечение (рабочие тетради, справочники, компьютерное оснащение); сформированность у студентов организационно-управленческих умений осуществления самостоятельной исследовательской деятельности; участие в конкурсных мероприятиях (научных грантах); моральное и материальное поощрение; возможность применения результатов в будущей педагогической деятельности.

В Нижегородском государственном педагогическом университете подготовка студентов к самостоятельной исследовательской деятельности начинается с первого курса обучения. Студенты знакомятся с направлениями научных исследований кафедр, тематикой курсовых и дипломных работ. На этом этапе студенты получают первые представления о спектре современных научных исследований факультета и его кафедр, происходит формирование представлений об исследовательской деятельности как средстве подготовки к будущей педагогической профессии. В течение первых двух лет обучения в вузе

самостоятельная исследовательская деятельность студентов организуется в разных формах: подготовка сообщений, докладов, написание рефератов, выполнение заданий продуктивного исследовательского характера. Результатом такой учебно-исследовательской деятельности являются выступления на студенческих научно-практических конференциях, участие в деловых играх, возможно, публикации (статьи или тезисы), на основе использования инновационного российского и зарубежного опыта. Центром качества подготовки специалистов НГПУ под руководством Е.Н. Перевощиковой разработана рейтинговая система контроля самостоятельной деятельности студентов. Система рейтинга – это способ мотивации студента к равномерной и активной самостоятельной исследовательской деятельности. Цель организации рейтинг-контроля - повышение качества подготовки студентов путем управления их деятельностью в течение всего периода обучения. Он является составной частью профессиональной подготовки будущих учителей и предусматривает возможность дифференцированного подхода к управлению деятельностью студентов. Для каждой учебной дисциплины разработан рейтинг-план, включающий различные виды деятельности студентов, формы ее контроля и количество баллов, определяющих оценку этого вида деятельности. Рейтинговая система способствует развитию мотивации студентов к самостоятельному получению знаний и умений.

Обобщением опыта научно-исследовательской деятельности является курсовая работа – самая массовая форма индивидуальной научной работы. Выполнение дипломной работы – важнейший завершающий этап научно-исследовательской деятельности обучающихся. Курсовая и дипломная работы содержат все основные элементы научного поиска, отличаются научной новизной и имеют практическую значимость для будущей педагогической деятельности. Магистерские диссертации, как правило, продолжают исследование, начатое в рамках курсовой работы, содержат все этапы научного поиска и представляют собой законченное и полноценное научное исследование. Обязательным условием завершающего этапа работы над магистерской диссертацией является оформление ее результатов в виде статьи для конференции или методического издания.

Контроль самостоятельной исследовательской деятельности студентов осуществляется преподавателями кафедр на протяжении всего периода обучения в НГПУ. Наряду с традиционными формами контроля (экзамен, зачет, коллоквиум и т.д.) используются инновационные формы (например, «Портфолио»). «Портфолио» – это папка достижений, в которой собираются лучшие наиболее значимые работы исследовательского характера. Состав научно-исследовательского портфолио позволяет проследить динамику формирования исследовательских компетенций и сделать самоанализ собственной исследовательской деятельности. Разработаны технологические карты самостоятельной работы студентов по каждой дисциплине. Для анализа курсовых и дипломных исследований разработаны четкие критерии оценки самостоятельной исследовательской деятельности студента научным руководителем, рецензентами, членами Государственной аттестационной комиссии.

Таким образом, организация и контроль самостоятельной исследовательской деятельности студентов является важнейшей частью учебно-воспитательного процесса в педагогическом вузе. Традиционные и инновационные подходы к организации самостоятельной исследовательской деятельности студентов способствуют развитию у них профессионально значимых качеств учителя, помогают решать проблему повышения качества высшего образования. Самостоятельная исследовательская деятельность студентов наиболее важна при многоуровневой системе образования, так как именно она способствует формированию и развитию основных компетенций будущего учителя.

Библиографический список

1. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. М.: Высшая школа, 1980. 280с.
2. Вербицкий А.А. Самостоятельная работа студентов: проблемы и опыт // Высшее образование в России. 1995. №2. С.137.
3. Коржуев А.В., Попков В.А. Традиции и инновации в высшем профессиональном образовании. М.: Изд-во МГУ, 2003. 320 с.
4. Коржуев А.В., Попков В.А. Современная теория обучения: общенаучная интерпретация: Учебное пособие для вузов и системы

последипломного профессионального образования преподавателей. М.: Академический Проект, 2009. С.73-79.

5. Новиков А.М. Научно-экспериментальная работа в образовательном учреждении. М., 1996. С. 36.

Сведения об авторе

Беляева Татьяна Константиновна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры экономической географии и
методики обучения географии НГПУ
E-mail: BSB64@mail.ru

УДК 37.018.4:004.9

РОЛЬ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

Г.В. Курицына

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются основные проблемы качества подготовки современного специалиста – выпускника гуманитарного вуза, актуальность внедрения дистанционных образовательных технологий (ДОТ). Исследуется опыт работы в информационной образовательной среде с использованием современного программного обеспечения на примере НГЛУ.

Ключевые слова: качество образования, дистанционное образование, дистанционные образовательные технологии, информационная образовательная среда.

The Role of Distance Learning Technologies in Optimizing the Education of Modern Specialists Galina Kuritsina

The article looks at the issue of quality in modern higher education and justifies the use of distance learning technologies (DLT) in optimizing the training process, describing the experience of Nizhny Novgorod Linguistic University in creating an information-based educational environment on the basis of modern computer software.

Key words: quality of education, distance learning, distance education technology, open education, information-based educational environment.

Активное внедрение в учебный процесс образовательных учреждений информационно – коммуникационных технологий стало неотъемлемой частью современного образования. Благодаря развитию коммуникаций в сети Интернет, созданию образовательных сайтов стало возможным эффективное использование технологий дистанционного обучения в системе высшего и среднего профессионального образования. Высоким качеством подготовки выпускников вузы, использующие дистанционные образовательные технологии (ДОТ), доказывают, что такая форма обучения не только имеет право на существование, но и во многом превосходит традиционные подходы. Cambridge University, Harvard University, MIT, New York University, НИЯУ МИФИ и другие престижные вузы применяют дистанционные технологии в разных областях

деятельности. Это не дань моде, это насущная потребность современного общества. Закончив вуз, получив профессиональное образование, выпускник очень быстро понимает необходимость пополнять свои знания, повышать квалификацию, а иногда и менять профессию. Сегодня актуальна концепция непрерывного образования, диплом вуза больше нельзя считать однозначным свидетельством наличия всех знаний, необходимых для работы по специальности. Более того, Интернет дает дополнительные возможности получения качественного образования людям, проживающим вдали от крупных образовательных центров, и людям с ограниченными физическими возможностями. Возникает много проблем и с переходом на уровневую систему образования, при которой сокращаются часы аудиторных занятий и экзаменов, следовательно, значительно увеличивается доля самостоятельной работы студента. Перед участниками Болонского процесса встает вопрос, как по-новому организовать контроль самостоятельной работы студентов? Специалисты, изучающие опыт европейских вузов, отмечают, что это могут быть индивидуальные собеседования студентов с преподавателями, написание рефератов, академические отчеты [2. С. 263]. ДОТ предоставляют дополнительные возможности взаимодействия участников процесса обучения, контроля и самоконтроля качества усвоения знаний. Обеспечение качества обучения – важнейшая задача любого учебного заведения. По мнению ректора Московского гуманитарного университета И.М. Ильинского, кризис современного человечества есть в сущности своей кризис качества. «И прежде всего, кризис качества образования. Основное противоречие современности заключается в том, что новые социальные реалии сплошь и рядом объясняются и «понимаются» с позиций вчерашних и устаревших социальных взглядов...которые и закрепляются в разного рода образовательных стандартах» [3]. При грамотном подходе ДОТ могут стать эффективным инструментом при разрешении проблем, связанных с контролем качества обучения.

Для того чтобы использовать преимущества дистанционного образования, необходимо четко разбираться в его сущности и терминологии. Дистанционное обучение (ДО) в современном понимании, – это обучение на расстоянии, когда преподаватель и обучаемый разделены пространственно и их взаимодействие

основано на использовании современных информационных и телекоммуникационных технологий. Различают термины «дистанционное обучение» и «дистанционное образование». Процесс обучения характеризуется в первую очередь тем, что он интерактивен в своей организации, т.е. во взаимодействии преподавателя и студента, а также учащихся между собой. Образование – более широкое понятие, включающее результат и процесс, систему обучения и самообразование. Отечественный ученый Е.С. Полат предостерегала от отождествления дистанционного образования и самообразования. Сейчас, благодаря развитию Интернет, в сети стали доступны практически любые образовательные ресурсы – от отдельных курсов до целых образовательных программ. Но в этих курсах пользователь может рассчитывать лишь на собственные силы, на собственное восприятие и осмысление программы. Даже в компьютерных мультимедийных программах, интерактивных по самой своей сути, эта интерактивность заключена в самом средстве, в его технологии, но не в процессе обучения [4]. Несмотря ни на какие новые веяния, педагогический процесс вуза должен оставаться целостным, сочетающим обучение и воспитание

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова проводит обучение студентов с применением ДОТ с 2008 года. Для этого в вузе сложились определенные предпосылки. С 2001 года для обучения студентов создавались мультимедийные обучающие комплексы. Одним из первых создан курс по античной культуре В.К. Кочетковой, содержащий электронные варианты иллюстрированных лекций и тестовых заданий. На сайте НГЛУ функционирует учебный портал, на котором размещены электронные учебно-методические материалы, работает электронный каталог библиотеки НГЛУ.

Первоначально внедрение ДОТ в учебный процесс носило опытно-экспериментальный характер. Выполнялись задачи обеспечения доступа студентов к электронному учебному контенту. Для реализации интерактивного обучения разработана специальная программа, выполняющая роль виртуального университета на сайте Института дистанционного обучения НГЛУ (ИДО НГЛУ) www.vlunn.ru. Структура виртуального университета представляет собой электронные классы преподавателей по различным

дисциплинам. В электронных классах организован доступ к блокам УМК, встроена система тестового контроля. Преподаватель назначает в определенные дни тестовые и индивидуальные задания студентам, проводит онлайн-семинары. Сервисы статистики показывают высокую активность студентов. За прошедший 2010-2011 учебный год проведено более 2500 тестирований по шестидесяти дистанционным курсам, созданным на сайте ИДО НГЛУ. В тестировании как в обучающем, так и в контрольном режиме принимали участие студенты дневной, очно-заочной и заочной форм обучения. Студенты видели допущенные ошибки и обращались к учебному материалу для получения информации. Это позволило организовать самостоятельную работу студентов, использовать систему самоконтроля знаний. Цель контрольных тестирований – подготовка к сдаче зачетов и экзаменов. Важную роль в организации обучения играет общение студентов с преподавателем и между собой в форуме электронного класса. Обсуждая наиболее важные вопросы и проблемы на форуме, каждый студент имеет возможность высказаться и быть услышанным, что не всегда возможно на очном семинаре. Платформа дистанционного обучения позволяет организовать мгновенную связь с обучающимися, корректировать их работу, оценить активность и контролировать уровень соответствия полученных знаний требованиям программ и стандартов.

Преподаватели, применяющие ДОТ в изучении иностранных языков, отмечали, что дистанционные технологии позволяли решать задачи формирования у обучающихся «мультимедийной компетенции» и повышения самостоятельности и ответственности студентов (реализация идей социального конструирования учебной реальности), а также способствовали дальнейшему углублению языковой и межкультурной компетенции.

Участвуя в процессе дистанционного обучения, каждый студент раз в неделю становится модератором в онлайн-обучении, а именно может: пополнять тематический словарь, создавать материалы или гиперссылки на аудио- или видеофайлы с формулировкой заданий.

Дистанционная платформа дает возможность проведения групповых занятий, которые предполагают следующие мероприятия: создание ресурсов для подготовки к тематическим дискуссиям и

реферированию, внесение изменений в материалы по определенной теме.

В настоящее время преподавателями вуза при активной поддержке сотрудников Отдела технических и информационных средств обучения (ОТИСО) осваивается технологическая платформа дистанционного обучения Moodle. Эта система позволяет построить эффективный дистанционный образовательный процесс, проводить гибкий контроль знаний студентов, учитывая не только конечный результат выполненного задания, но и промежуточные этапы, анализировать процесс мышления. Опыт проведения обучения на основе данной платформы показывает, что студенты с большим интересом относятся к внедрению информационных технологий. Их привлекают инновационные методы, которые помогают учиться и делают специалиста более востребованным на рынке труда, дают им возможность овладеть компьютерными программами и навыками самопрезентации, формируют умение использовать компьютерные базы данных, электронные библиотеки, позволяют совмещать работу и учебу.

Возможности ДО в дальнейшем могут существенно упростить задачу проведения семинаров и практических занятий за счет использования мультимедиа-технологий, имитационного моделирования и т. д. Виртуальная реальность позволит продемонстрировать обучающимся явления, которые в обычных условиях показать очень сложно.

ДО предусматривает создание информационно-образовательной среды, с одной стороны, и организацию и управление познавательной деятельностью учащихся – с другой. Одной из ключевых проблем внедрения ДОТ является подготовка преподавателей - тьюторов, администраторов, сопровождающих процесс обучения.

Наша познавательная, творческая и учебная деятельность имеют сетевой и коллективный характер, в связи с чем достижение конкретного результата становится возможным при совместной деятельности с использованием соответствующих материалов, средств и технологий. В современных условиях преподавателю необходимо ориентироваться в широком спектре современных инновационных технологий, идей, школ, направлений, не тратить время на открытие уже известного, а использовать весь арсенал

российского педагогического опыта. Роль преподавателя-тьютора не сводится к тому, чтобы подсказать ученику готовые пути решения проблемы. Тьютор выполняет роль консультанта и наставника, помогает учащемуся двигаться в правильном направлении.

В настоящее время в виртуальном университете НГЛУ на сайте ИДО и новой платформе Moodle активно работают 45 тьюторов, обучается около 1200 студентов всех форм обучения. Для обеспечения оптимального качества учебного процесса в вузе принята модель, основанная на интеграции очного и дистанционного обучения. Базовое обучение ведется в очной форме. В этом случае применение дистанционных технологий дает возможность для разгрузки очных занятий от рутинных видов деятельности, отводя больше времени для дискуссий, обсуждений, обмена мнениями.

Одним из преимуществ дистанционной образовательной среды является возможность студентов и преподавателей обращаться к электронным учебно-методическим материалам независимо от времени и своего места нахождения. При этом учебные материалы должны создаваться с учетом специфики дистанционной формы обучения. Тщательная структуризация материала упрощает его восприятие, четкое деление курса на модули и блоки делает возможным организацию поэтапного контроля полученных знаний. В форумах электронных классов студенты имеют возможность получить оперативную консультацию по возникающим у него вопросам, обменяться мнениями с одногруппниками.

Суть проблемы заключается не только в освоении технологических возможностей конкретной платформы ДО, но и в изменении подходов к содержанию и представлению учебного материала, отношениям ученик – преподаватель. Проведенные в нашей стране и за рубежом исследования показывают неэффективность переноса традиционного учебного процесса в дистанционную форму. По разным данным 70-90% обучающихся не завершают курсов ДО. Одной из причин является обособленность обучающегося, его самоощущение одиночества.

Взаимодействие участников обучения в дистанционной среде обладает своей спецификой и требует тщательной организации. Противники ДО в качестве аргументов в пользу своей позиции выдвигают тезисы о том, что образование посредством компьютерной

телекоммуникации лишает процесс образования живого общения педагога и обучаемого. Некоторое изменение точки зрения на обучение и его понимание как процесса организации общения (отчего, разумеется, образование не утрачивает функции передачи знаний) позволяет построить несколько отличную от традиционной модель обучения. В рамках этой модели успешность обучения обеспечивается раздельной апелляцией к коммуникативной (знаниевой), перцептивной и интерактивной сторонам общения. В силу этого требуется такая организация средств обучения, которая обеспечивала бы работу всех трех элементов общения. Пока же дистанционное обучение ориентировано преимущественно на информативную (коммуникационную) составляющую, которая является необходимой, но абсолютно недостаточной для осуществления полноценного образовательного процесса. При разработке дистанционных курсов необходимо компенсировать дефицит мало осознаваемых и поэтому теряющихся при дистанционном обучении составляющих процесса общения (интеракцию и перцепцию), обеспечить целостную активность обучаемых [5].

Для эффективной организации процесса обучения в целом, и дистанционного обучения, в частности, необходимо использовать достижения научных данных о человеке, уметь трансформировать их в научные основы построения современной прикладной педагогики. По мнению В.П. Беспалько, достижения психологии, педагогики, социологии, биологии и других наук о человеке, на которых должна основываться практическая образовательная технология, все еще находят себе очень ограниченное применение как в образовательных учреждениях, так и в материалах, предназначенных для учащихся. «Возникает типично парадоксальная ситуация, когда образовательные науки говорят одно, а образовательная практика делает совсем другое. Сказывается так называемая сила традиций, порождающая дремучий консерватизм обыденного педагогического сознания при полном отсутствии механизма объективной общественной оценки качества образования и ответственности учителя за него. До сих пор в практическом обучении не используются выработанные наукой надежные критерии для суждения о качестве образования как отдельной личности, так и образования как системы в целом» [6].

Качество образования зависит не только от работников вуза, но и от студентов, которые не могут рассматриваться лишь как объект воздействия. Поэтому при построении курса необходимо продумать мероприятия для вовлечения студентов в совместную работу, использовать технологию работы в малых группах, метод проектов.

При построении системы дистанционного обучения важно четкое определение целевой аудитории, ее потребностей. В настоящее время для студентов, желающих пройти дополнительный курс обучения по одной из программ вуза, разработаны «Программы к индивидуальному плану студента» с применением ДОТ. В программах определены часы, отводимые для работы с каждым студентом. В эти часы входит проверка заданий, курсовых работ, рефератов, консультации онлайн. Учитывая специфику лингвистического университета, преподаватели и программисты вуза разрабатывают комплексы обучения иностранным языкам, представляющие электронный учебник, в котором теоретический материал сопровождается заданиями и упражнениями, системой консультаций с преподавателем.

Сегодня в обществе происходит переосмысление взглядов на образование. Возможность учиться всю жизнь, совмещая это с работой, делает технологии дистанционного обучения необходимым звеном в современной системе образования.

Библиографический список

1. Закон РФ «Об образовании». Текст с изменениями и дополнениями на 2010 г. // Электронный ресурс Интернет: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/zakon_rossiyiskoyi_federacii_ob_obrazova/read_online.html?page=1

2. Трайнев В.А., Мкртчян С.С., Савельев А.Я. Повышение качества высшего образования и Болонский процесс. Обобщение отечественной и зарубежной практики. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2010. 392 с.

3. Ильинский И.М. Качество – ядро образовательного процесса // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/qualkernel.php>

4. Полат Е.С. Дистанционное обучение // Электронный ресурс Интернет: http://scholar.urc.ac.ru/ped_journal/numero4/pedag/polat.html

5. Наумов В.В. Общение и дистанционное обучение // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ubo.ru/articles/?cat=120&pub=1290>

6. Беспалько В.П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия) // Электронный ресурс Интернет: http://www.eusi.ru/lib/bespalko_obrasovanie/index.php

Сведения об авторе

Курицына Галина Викторовна
старший преподаватель кафедры
математики и информатики,
аспирант кафедры педагогики и психологии
НГЛУ им Н.А. Добролюбова
E-mail: kurizina@lunn.ru

УДК 378:008

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Н.В. Хорошилова

*Нижегородская государственная консерватория (академия)
им. М.И.Глинки, Нижний Новгород*

В статье идет речь о развитии студентов в условиях реализации культурологического подхода, о потенциале применения данного подхода в образовательном процессе. Определены критерии развития студентов, разработана технология применения культурологического подхода к образовательному процессу.

Ключевые слова: развитие, культурологический подход, образование, педагогическая технология.

Pedagogical Foundations of Student Development: A Culturological Approach Natalia Khoroshilova

The article looks at student development in the context of a culturological approach, highlighting the potential of this approach in education, defining the criteria of student development, and presenting a technology of applying culturological approaches to the process of education.

Key words: development, cultural studies approach, education, pedagogical technology.

В современных условиях все больше осознается необходимость в специалистах нового типа, способных к самореализации и функционированию в новых социально-экономических условиях, сочетающих в себе высокий уровень культуры, образованности, профессиональной компетентности. Данные характеристики определяют перспективу развития личности в вузе, требуют реорганизации образования на основе наиболее соответствующих для этого педагогических подходов.

Понятия «развитие» и «культура» являются основополагающими для современной педагогики. На закономерную взаимосвязь образования как процесса присвоения культуры и развития личности в этом процессе неоднократно указывали отечественные ученые (Е.В. Бондаревская, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.А. Сластенин и др.). Тем не

менее, каждый новый этап развития общества требует поиска новых культурных моделей образования, что связано с непрерывностью развития культуры как феномена социальной жизни, и актуализирует научные исследования в этом направлении.

Актуализация понятия культуры как наиболее общего основания исследования процессов развития образовательной теории и практики и их совершенствования в современных условиях рассматривается исследователями как закономерность, вызванная к жизни социальным заказом на культурную личность (А.Г. Асмолов и др.).

В общенаучном плане культура – это социально прогрессивная творческая деятельность человечества во всех сферах бытия, являющаяся диалектическим единством процессов опредмечивания (создания ценностей, норм, знаков, систем и т.п.) и распредмечивания (освоение культурного наследия, направленного на преобразование действительности, на преобразование богатства человеческой истории во внутренне богатство личности, на всемерное выявление и развитие сущностных сил человека). Понятие культуры детализировано разными науками (философией, социологией, культурологией, филологией, педагогикой и др.).

Обширные исследования феномена культуры свойственны культурной антропологии, изучающей все ее аспекты: образ жизни, восприятие мира, менталитет, национальный характер, повседневное поведение, а также человеческую способность развивать культуру через общение, коммуникацию, разнообразные формы взаимодействия и контактов (Л.С. Выготский, В.С. Библер, А.Н. Леонтьев, Ю.М. Лотман, Э. Сэпир и др.).

Не претендуя на исчерпывающий анализ данного понятия в настоящей статье, отметим, что в педагогике культура признана исторически сложившейся совокупностью социальных норм, ценностей, созданных умом и руками человека, а также совокупностью знаний и умений, обеспечивающих ценностные ориентации личности [1]. Поэтому культура выступает как способ ценностного освоения человеком действительности. Культура – это содержательная основа образования, поэтому можно утверждать, что ценности культуры являются ядром образования вообще и развития личности в частности. Признанная многофункциональность культуры

[2] обуславливает разнонаправленность развития человека в процессе ее присвоения.

Принимая во внимание тот факт, что образовательный процесс в вузе осуществляется с помощью вербального общения, можно признать наиболее продуктивным из всего многообразия пониманий культуры то, которое демонстрирует ее сходство с природой человеческого языка. С этих позиций культура может пониматься в единстве трех функций: семиотической (презентирующая систему заложенных в ней ценностей); социальной (существующая только в обществе и обеспечивающая его целостность и передачу системы ценностей от поколения к поколению); когнитивной, заложенной в ментальных структурах индивида и позволяющей ему интерпретировать происходящее вокруг него и с ним самим. Данное положение является базовым для определения содержания, способов и форм реализации культуросозидающей роли образования.

Основополагающее значение культуры в образовании нашло отражение в культурологическом подходе [3], согласно которому задачи развития студентов вуза должны охватывать когнитивную, деятельностную, ценностно-мотивационную, коммуникативную сферы личности.

Несмотря на то, что на международных симпозиумах культурологический подход концептуально определен как базовый в развитии человека и всего человечества в целом (I Симпозиум «Вузы культуры и искусств в едином мировом образовательном пространстве» (Москва, 2007 г.), II Симпозиум (Хошимин, 2008), IV международный симпозиум «Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве», 3-9 октября 2010 г., Париж, Франция и т.д.), до настоящего времени он не получил достаточного теоретического и практического обоснования. Часто он подменяется стандартизированными и формализованными методами, что не позволяет в полной мере раскрыть возможности образования и снижает его культуротворческий потенциал.

Развитие личности студента традиционно трактуется в педагогике как целенаправленный, закономерный, обусловленный социальными факторами процесс раскрытия и реализации внутреннего потенциала молодого человека [4]. Присоединяясь к данной трактовке, считаем возможным уточнить ее с точки зрения

культурологического подхода как качественное, направленное, прогрессивное преобразование личности студента в вышеуказанных сферах. Таким образом, показателями развития являются достижения студентов в области культуры мышления, учебно-познавательной и информационной деятельности, коммуникации. Положительное изменение отношения студентов к учению и познанию, к будущей профессии и, в целом, личностной активности в социально значимых и творческих видах деятельности также является существенным показателем развития.

Культурологический подход актуализирует понятие «культуротворчество». Феномен культуротворчества основан на создании в образовательном процессе вуза особой атмосферы культурного обмена и возникновении при этом возможности «приращения» индивидуальных культурных ценностей. В качестве таких ценностей выступают не только знания и умения, приобретаемые студентами в образовательном процессе, но и новые отношения, понимание действительности, эмоции и чувства, переживаемые субъектами этого процесса – студентами и преподавателями.

В связи с современным пониманием культуросообразной и культуротворческой сущности образовательного процесса вуза и его развивающей направленности педагогические условия реализации культурологического подхода целесообразно представить как комплекс, включающий два основных компонента – содержательный и технологический. Содержательный компонент раскрывает культурное содержание, которое усваивают студенты в образовательном процессе вуза (знания по дисциплинам и способы их приобретения), информационную культуру (навыки работы с информацией), коммуникативную культуру (навыки общения и коммуникации), культуру учебно-познавательной деятельности. Технологический компонент представляет собой организованную деятельность по реализации культурологического подхода и включает последовательность действий по организации и осуществлению образовательного процесса. Основные этапы разработки технологии обучения в условиях применения культурологического подхода предполагают: анализ содержания обучения, разработку приоритетных развивающих целей, конкретизацию технологических

средств, определение методов и форм обучения, установление обратных связей и анализ результата обучения.

Развивающий потенциал культурологического подхода единодушно признается мировым сообществом, ведущими исследователями в области педагогики, которые утверждают, что его использование обеспечивает развитие свободной, гуманной, духовной личности человека, познающего и творящего культуру (Е.В. Бондаревская, И.Ф. Исаев, В.А. Сластенин, Н.Б. Крылова и др.). Это отвечает основному назначению образования – передавать от поколения к поколению достижения человеческой культуры и содействовать их присвоению новыми поколениями, независимо от того, что это – мировосприятие, традиции или произведения искусств, отношения людей или производственные технологии.

Высшее образование сегодня является ведущим звеном в целостной культуuroобразовательной системе общества, поскольку оно непосредственно связано с наукой, культурой, экономикой государства. Поэтому закономерно применение культурологического подхода для осуществления образовательного процесса в вузе.

Среди мировоззренческих и коммуникативных проявлений развития студентов вуза для профессиональной деятельности в качестве специалистов наиболее существенны: стремление к созданию творчески наполненной среды, способность к диалогическому общению в процессе социокультурной деятельности. Также мы отмечаем направленность личности, способность выдвигать оригинальные решения учебных задач, осознать ценность творчества в будущей профессиональной деятельности, значение внимания, памяти, воображения, фантазии, способность к коллективной деятельности.

Для выявления развития студентов в условиях реализации культурологического подхода к обучению было проведено исследование в Нижегородской государственной консерватории, которое решало следующие задачи:

1. Выявить влияние культурологического подхода на развитие следующих личностных характеристик студентов: направленность личности (на творческое или рутинное выполнение заданий), умение выдвигать оригинальные решения учебных задач,

осознание ценности творчества в будущей профессиональной деятельности, способность к коллективной деятельности.

2. Определить критерии развития студентов, в соответствии с которыми мы анализируем полученные результаты.

3. Экспериментально проверить технологию, содействующую развитию коммуникативности и общения, познавательной и художественной деятельности, самореализации и саморазвитию студентов.

Базовыми критериями развития студентов послужили: когнитивные (знаниевые), деятельностные, аксиологические (ценностные), и, следовательно, в структуре образовательного процесса студентов – будущих специалистов в сфере культурной деятельности – выделились следующие взаимосвязанные компоненты: когнитивный (задания на приобретение необходимой теоретической и практической базы для развития потенциала студентов); ценностно-мотивационный, включающий педагогические ситуации и задания, стимулирующие студентов на развитие и саморазвитие их потенциала; деятельностно-практический (активное использование инновационных педагогических технологий) и коммуникативный.

Основные этапы разработки технологии обучения в условиях применения культурологического подхода включали анализ содержания, разработку приоритетных целей, конкретизацию технологических средств и выработку методов, моделей и форм обучения, установление обратных связей и подсчет результатов [5]. Разработанная технология применения культурологического подхода к образовательному процессу реализовывалась следующими технологическими путями:

1. Содействие развитию личностных качеств студента проходило в рамках изучения факультативных блоков и при непосредственном участии студентов в творческих проектах.

2. На практических занятиях применялась методика по развитию мышления (с проявлениями дивергентности), осуществлялось обогащение творческого потенциала студентов через активизацию воображения, креативности личности.

3. Педагогическое содействие формированию у студентов основных коммуникативных умений и направленности на

положительное развитие наиболее полно осуществляется в процессе обучения, развивающего и поддерживающего отношения сотрудничества.

Исследование проводилось на материале дисциплины «иностраный язык» при реализации следующих педагогических условий:

- насыщения содержания курса культуроведческими и страноведческими материалами и их систематизация по блокам;
- сочетания и интегрирования различных форм (простые, составные, комплексные) и средств (ЭОР - электронные образовательные ресурсы, аудио- и видеоматериалы, электронные сайты) обучения;
- использования диалога и полилога в качестве форм педагогического общения, которые полностью соответствуют субъект-субъектному типу отношений между преподавателем и студентом;
- использования эвристических методов обучения: самостоятельных практических исследований, творческих заданий, требующих от студентов не просто воспроизведения материала (калькирование), а его преобразования в процессе рефлексии и использования для построения умозаключений, обобщений, аналогий и решения проблем.

В исследовании приняли участие 76 студентов II и III курсов вокального факультета НГК (38 чел. – контрольная группа, 38 чел. – экспериментальная группа), в период 2009 - 2010 учебного года.

Результаты, полученные в ходе исследования, распределились по 3 уровням, в характеристике которых учитывались когнитивный, деятельностный, ценностно-мотивационный и коммуникативный компоненты. Характеристика уровней представлена в таб. 1.

Таблица 1.

Характеристика уровней развития студентов в условиях реализации
культурологического подхода к обучению

У р о в н и	Когнитивный компонент	Деятельностный компонент	Ценностно- мотивационный компонент	Коммуникативный компонент
Н и з к и й	Имеют место отдельные знания о культуре страны, но отсутствует потребность в расширении и углублении знаний	Деятельность носит репродуктивный характер, превалирует рутинное выполнение заданий, творческий момент отсутствует	Участвует в выполнении творческих заданий без желания, по принуждению	Избегает участия в каких-либо общественных мероприятиях
С р е д н и й	Имеет «расширенное» представление о культуре страны изучаемого языка, на занятиях проявляет заинтересованность	Имеющиеся навыки и умения уверенно применяет в знакомой ситуации. Овладевает новыми приемами	Часто стремится к творческому выполнению задания, старается хорошо выполнить задание.	Первый опыт участия в студенческих общефакультетских и общеузовских мероприятиях
В ы с о к и й	Имеет высокий уровень культуроведческих и страноведческих знаний, охотно делится ими с окружающими, использует все возможности для расширения культурного кругозора	Творчески применяет приобретенные умения и навыки, комбинирует их в зависимости от необходимости, самостоятельно находить новые решения	Стремится к участию во всех творческих проектах, побуждаемый потребностью в самореализации и самоактуализации	Регулярно участвует в общеузовских творческих проектах, часто является организатором и «мозговым центром» мероприятия, привлекает к творчеству сокурсников, помогает им.

Реализация педагогических условий, соответствующих культурологическому подходу, показала положительную динамику в развитии студентов (таб. 2).

Таблица 2.

Сравнительная динамика развития студентов контрольной и экспериментальной групп в условиях реализации культурологического подхода (100% - 38 чел.)

Уровни	Низкий	Средний	Высокий
Контрольная группа	29%	60%	11%
Экспериментальная группа	11%	66%	23%

Полученные данные свидетельствуют о положительной динамике развития студентов.

Актуальность целенаправленного применения культурологического подхода в учебном процессе очевидна: он позволяет строить современные модели взаимодействия в системе «преподаватель – студент», корректировать содержание педагогического взаимодействия в учебном процессе, насыщать обучение человеческими смыслами, ориентируя студентов на максимальное использование собственного творческого потенциала.

Библиографический список

1. Зинченко В.П. Образование, культура, сознание – элементы философского образования для XXI века. М: Триволта, 1993. 296 с.
2. Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. М.: ЛОГОС, 2000. 224 с.
3. Крылова Н.Б. Формирование культуры будущего специалиста. М.: Высшая школа, 1990. 140 с.
4. Педагогический энциклопедический словарь / Гл.ред. Б.М.Бим-Бад. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2002. 528 с.
5. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Просвещение, 1989. 192 с.

Сведения об авторе

Хорошилова Наталья Васильевна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Нижегородской государственной консерватории
(академии) им. М.И. Глинки
E-mail: giosconda@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 18:7.01

СМОТРЕТЬ ФИЛЬМ ИЗНУТРИ

Ж.-Л. Деотт

Университет Париж 8 Сен-Дени, Париж, Франция

В статье рассматривается вопрос отношения архитектуры и кино в философии Вальтера Бенямина. Согласно Бенямину, восприятие фильма и восприятие архитектуры имеет много общего: они воспринимаются также на бессознательном уровне, «тактильно». Сознательное и бессознательное восприятие соотносятся друг с другом, как сон и физиологические процессы в организме.

Ключевые слова: эстетика, архитектура, сон, бессознательное, кинематограф.

Seeing the Film from Within

Jean-Louis Déotte

The paper looks at the relations between architecture and cinema and similarities in their perception in Walter Benjamin's philosophy. According to Benjamin, both films and architecture are perceived on the unconscious level (the so-called "tactile" perception), with the correlation between conscious and unconscious perception being the same as that between dreaming and physiological processes.

Key words: aesthetic, architecture, dream, unconscious, cinema.

Работая над вопросом разрыва (современниками которого мы являемся) между проективной эрой, открытой с появлением перспективного аппарата, и эрой цифровых технологий, я пришел к выводу, что понятие пространственного «погружения» всё чаще используется как в современном искусстве («Левиафан» Аниша Капура), так и при анализе видео, снятых на сотовый телефон (Бежен).

Понятия же перемещения и погружения уже занимают центральное место в тексте Бенямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», посвященном, в основном, вопросу кино. В случае, когда речь заходит о восприятии фильма в темном зале, Бенямин проводит удивительное сравнение:

восприятие фильма подобно восприятию архитектуры города. Два фактора делают возможным это сравнение: восприятие свойственно зрительской *массе*, которая, в том и другом случае, имеет дело с движением: либо она перемещается в городе, не уделяя по-настоящему внимания зданиям, либо, в темноте, масса присутствует при смене образов, которые проходят в виде потока, который она не может остановить.

С этой точки зрения, короткий пассаж из упомянутого эссе, посвященный архитектуре, центральной теме другой работы, провозглашающей один из городов столицей не политической территории, но столетия, почти не обратил, насколько нам известно, на себя внимания, которого он заслуживает. Странная ссылка на архитектуру, которая предстает как «всегда уже присутствующая» при современном восприятии фильма, парадигмы эпохи технической воспроизводимости произведения искусства (Ж.Буле)

Беньямин же, который посвятил значительную часть своей жизни Парижу, занимался архитектурой, эпоха процветания которой пришлась на первую треть XIX века – крытым пассажем. Архитектурой, входящей в категорию «зданий коллективного сна»: музеев, вокзалов, терм. Внутренней архитектурой, а вернее архитектурой как *camera obscura*, описанной согласно лейбницевской модели монады. При этом монада является субстанцией всегда сингулярной и в то же время множественной, не имеющей прямого размыкания на внешний мир. Сегодня с ней можно отождествить кинозал. Иначе говоря, кино не зависит от репрезентации «реальности», в отличие от перспективного аппарата, который изобретает реальность, объективируя её. Мы сделаем отступление, проанализировав эту внутреннюю, интерьерную архитектуру, прежде чем сделать некоторые заключения, касающиеся восприятия кино. Что происходит в пассаже, через который «протекает» беззаботная толпа? Рецепция, которая, если обратиться к психоаналитической терминологии Эренцвейга («Скрытый строй искусства»), является не сознательной и фокусирующей, но принадлежит *scanning 'u*, бессознательному «прохождению» глазом.

Мысль Беньямина, часто описываемая как непонятная, поскольку она разрознена, в действительности очень систематична: он выстраивает отношения между отношениями. Одна из самых

разъясняющих мыслей Бенъямина касается различения первой и второй эпох техники. Она дается в следующем примере: «Знахарь и хирург относятся друг к другу как художник и оператор» [1]. Мы переходим от установления отношения, в котором художник подвергается риску растворения путем проецирования в своем холсте и где знахарь приступает путем наложения рук на тело пациента, к иному «технологическому» отношению. Кинематографист внедряется в тело человека подобно хирургу, оснащеному своими инструментами. В обоих случаях необходима техническая аппаратура, даже если – в случае с кино – она должна оставаться невидимой зрителю. Если съемка на кинокамеру является проникновением внутрь, то можно полагать, что объектами кино являются органы и аффекты. Словом, то, что Бенъямин называет «физиологическими процессами», являющимися инфраструктурой сна.

Необходимо сразу же сделать акцент на ином измерении: тот, кто рискует «потеряться» в своем холсте, как и тот, кто заставляет его поднять глаза на другого, в том, что будет позже охарактеризовано как ощущение ауры, являются сингулярностями. Для них интенсивное проецирование созерцания может кульминировать в едином схватывании в мире фантазмагии. Это происходит с влюбленным, вовлеченным в фантазмагию своей возлюбленной. Напротив, как только речь заходит об архитектуре и кино, именно масса испытывает на себе то, что буквально можно назвать «пропиткой»: впитывает, присваивает то, чего она была лишена до тех пор – культурную продукцию. Вместе с реваншем массы возникает импульс воздействия, который является пробным камнем психологии толпы, фрагменты которой представит Бенъямин.

Так, он установит аналогию между «физиологическими процессами» и технической инфраструктурой архитектуры XIX века, применительно к которой Гидеон [2] использует термин, который можно ошибочно истолковать как «бессознательное»: «Попытка радикализировать тезис Гидеона. Тот говорит, что «конструкция играет в XIX веке роль бессознательного». Не точнее ли сказать, что она играет «роль телесного процесса», на который накладывается «художественная» архитектура, подобно тому, как сон накладывается на каркас физиологического процесса?» [3].

Действительно, Гидеон, который, вероятно, позволил Бенъямину открыть современную архитектуру и – шире – вопрос техники, защищает тезис, что XIX век значительно обновил французскую, а затем мировую архитектуру, развивая техники использования металла, бетона и стекла (инженеры уже были выпускниками политехнических школ), однако так и не смог пойти до конца, отступив перед господствующими художественными идеалами (ведь архитекторы получали образование в Академии изящных искусств), и что XIX век культивировал уклон в историю, уступая мечте о прошлом. Отсюда, конечно, повсеместный триумф техники металлоконструкций в глубине здания, однако на поверхности, на уровне облицовки фасадов, устремленные в прошлое подражания, неороманские, неовизантийские, неоготические, неоренессансные и т.д. церкви.

Бессознательное у Гидеона является одновременно тем, что структурирует (конструкцией), и тем, что остается скрытым, вытесненным, ибо недопустимо для вкуса эпохи. Таким образом, существовала некая цензура, которую Гидеон обнаруживает в различные моменты истории предсовременной архитектуры (XIX век). Физиологические процессы, согласно Бенъямину, обладают тем же статусом, что и эта «бессознательная» конструкция. Следовательно, теория литературного монтажа должна существенно читаться в прозаическом – поскольку техническом – смысле, как если бы «цитаты без кавычек» в работе *Париж, столица XIX века* были лишь болтами и металлическими частями. Аналогия в этом случае была бы следующей: «вытесненные» во французской архитектуре XIX столетия технические конструкции относятся к историческим фасадам как физиологические процессы к коллективному сну.

Важно отметить, что Бенъямин, если он остается с виду верным марксистской проблематике отношений между инфраструктурой и идеологической суперструктурой (о которой напоминает Гидеон, противопоставляющий конструктивный коммунизм элитарности эстетического удовольствия) очень рано привносит в нее изменения, чтобы порвать с понятием идеологии и заменить его понятием коллективного сна, фантазмагии и т.д. Это означает, что для него первоначально отношения между материальной инфраструктурой и «идеологической» суперструктурой являются отношениями

выражения, а не *каузальности*. И поскольку то, что выражается, выражается во сне, к измерению выражения следует добавить отношение интерпретации <сна>: пробуждение. Похоже, фрейдосюрреализм берет верх над кажущимся марксизмом Беньямина, но вместо импульсов и либидо Беньямин вводит смутные «физиологические процессы». Идет ли речь об одном и том же? Когда мы заменяем отношения каузальности отношениями выражения, перемена состоит в следующем: значение материального содержания не сохраняется от причины к следствию – что иллюстрируется текстом Беньямина о спящем человеке, которого мучают кошмары, поскольку он слишком много съел. Содержание сна не состоит из образов съеденного [4]. Образы сна, как показывает Фрейд, являются продуктом работы сна, не существует непосредственной каузальности между цензурируемым желанием и его выражением в зрительных картинах и словах. Посредством этого анализа Беньямин отделяется от наиболее ортодоксального марксизма и открывает путь «антропологическому материализму».

Если отношение между условиями материального существования и суперструктурой принадлежит выражению, а не каузальности, то должно присутствовать некое символизирующее *опосредование*, занимающее место фрейдовской работы сна (*Traumarbeit*), опосредование, позволяющее осмыслить особого рода консистенцию коллективной фантазмагии. Это опосредование с помощью нового аппарата вторгается в коллективную чувственность (например, в городскую толпу), поскольку современная эпоха имела следствием разложение психосоциального элемента на психологическое, с одной стороны, и социологическое – с другой, расхождение, которое положило конец устной традиции, описанной в «Рассказчике».

В действительности фантазмагория принимает тот или иной вид, поскольку коллективную чувственность представляет такой городской аппарат, как крытый пассаж. Как показал Макс Мильнер [5], XIX век является веком фантазмагии, потому что никогда до этого протезы и иные оптическое механизмы не имели значимости для литературы, в особенности фантастической. Городской пассаж является настоящим аппаратом, поскольку он делает коллектив гипервосприимчивым к состоянию своих органов.

Гипервосприимчивость является у спящего, свернувшегося клубком в своем собственном теле, условием сновидческого выражения. В этом состоянии телесные ощущения и расположение духа отделены друг от друга, тогда как они впитываются в виде однородного ропота у того, кто пребывает в состоянии бодрствования и здоров:

«Микроскопическое путешествие, которое совершает спящий человек в частях своего собственного тела. Поскольку вещи для него обстоят так же, как для сумасшедшего: ропоты, происходящие от его собственного тела, которые для здорового человека сливаются с общим шёпотом здоровья, для человека, который спит, когда он обращает на них внимание, отделяются от общего фона: артериальное давление, движение внутренних органов, биение сердца, мускульные ощущения становятся подлежащими отдельному восприятию и требуют объяснения, которое ему предоставляют, в зависимости от ситуации, психоз или образ, приходящий во сне. Коллектив, находящийся под властью сна, который продвигается в пассажах как внутри своего собственного тела, обладает этой гипервосприимчивостью. Мы должны следовать за ним, чтобы интерпретировать XIX век как его видение, приходящее во сне [6]»

Отправная точка для Бенямина, когда речь идет о XIX веке – факт этой гипервосприимчивости, которая предоставляет коллектив, находящийся в состоянии невнимательного фланирования его разрозненными органами – модели умопостижения индивидуального опыта курильщика гашиша. Изолированная единица может познать это приближающееся к психозу состояние в момент принятия наркотиков, когда испытывающий галлюцинации «субъект» и служащий предметом галлюцинации «объект» более не отделяются друг от друга, подобно тому, как они не отделяются от плана проецирования, оставаясь слившимися в плоскости Мёбиуса, охватывающей все [7]. Наркотики являются гипервосприимчивым инструментом анализа, распознавания.

Однако эта гипервосприимчивость обладает следствием для плана проецирования: эмпатическим желанием (*Einfühlung*) в очень различных формах. Действительно, функцией мира пассажей будет выставка товаров, а затем он станет местом проституции. Товар, женщина и мода в силу этого трансформируются в сновидческие, предоставленные, желаемые образы, в гетерогенности череды их

следования, в приостановке любой деятельности, а значит, моторности, что приводит всякого приличного фрейдиста, как Бенямина, прочитавшего седьмую главу из *Traumdeutung*, к мысли о некоем мире, не имеющем отношения с принципом реальности, но подчиненном влиянию бесконечности мнезических следов, которые скользят от психических систем к психическим системам. Коллектив находится в состоянии проективной эмпатии с предметами, выставленными в этом месте, не обладающем экстериторностью.

Перевод с французского Д. Скопина

Библиографический список

1. Benjamin W. L'œuvre d'art à l'époque de sa reproduction technique. Paris: Gallimard, 1999. P.160
2. Giedion S. Construire en France, en fer, en béton. Paris: Fabrique, 2003. 243 p.
3. Benjamin W. Le livre des passages. Paris: PUF. P. 864
4. Benjamin W. Le livre des passages. Paris: PUF. P. 850
5. Max Milner. La fantasmagorie. Essai sur l'optique fantastique, Paris: PUF, 1982. 345 p.
6. Benjamin W. Le livre des passages. Paris: PUF. P. 839-840.
7. Max Milner. L'imaginaire des drogues. De Thomas de Quincey à Henri Michaux, Paris: Gallimard, 2000. 654 p.

Сведения об авторе

Деотт Жан-Луи

доктор философских наук, профессор,
Университет Париж 8 Сен-Дени, Франция

E-mail: deotte@gmail.com

УДК [329.11/12(470)](091)

АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ КАРТАШЕВ - ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТОР

А.А. Пешков

*Нижегородский государственный педагогический университет,
Нижний Новгород*

В статье анализируется либерально-консервативное направление в творчестве мыслителя, историка и политика А.В. Карташева, представителя партии кадетов. Особое внимание уделяется национальной оценке либерального консерватизма. В свете этой дискуссии оценивается адаптация А.В. Карташевым либеральных ценностей в национальной традиции.

Ключевые слова: А.В. Карташев, либеральный консерватизм, отечественный либерализм, партия кадетов, российская эмиграция.

Anton Vladimirovich Kartashev: A Liberal Conservative Aleksey Peshkov

The article looks at the Cadet Party as a prominent wing in Russian domestic liberalism. It provides an analysis of the liberal-conservative approach in the works by scholar, historian and politician A. V. Kartashev with a special emphasis on Russian national estimation of liberal conservatism, and evaluates A.V. Kartashev's particular adaptation of liberal values in the context of the Russian national tradition.

Key words: A.V. Kartashev, liberal conservatism, Russian domestic liberalism, the Cadet Party, Russian emigration.

Количество представленных на настоящий момент исследований, касающихся общественно-политических взглядов А.В. Карташева, не отражают величия этого мыслителя. Можно перечислить диссертации А.В. Бычкова, А.Л. Золаева, А.В. Антощенко, ряд энциклопедических статей, воспоминания о нем его современников и публицистику. В то же время судьба Антона Владимировича представляет собой яркое отражение исканий эпохи, также он интересен и как историческая фигура и как мыслитель. Кроме того, до сих пор не утихает дискуссия о либеральной или консервативной ориентированности А.В. Карташева.

В контексте этого спора возникает еще один вопрос, который в настоящее время также активно обсуждается – проблема идентификации либерального консерватизма. Актуальность проблемы касается обнаружения в либеральном консерватизме

либерализма национального типа как попытки сохранения в нем национальных основ общества.

Данные проблемы и пытается осветить эта статья.

Современное российское государство в своей официальной идеологии придерживается принципов либерализма и закладывает их в конституцию и другие законодательные акты, набирает силу реакция на процесс интеграции либеральных идей в российскую почву. «Проблема адаптации либеральных ценностей в лоне отечественного сознания остается болезненно острой на протяжении последних двух столетий» - отмечает В.Н. Жуков [1. С. 151]. Либеральные ценности, которые, несомненно, являются продуктом западной цивилизации, требуют своей адаптации к отечественным ценностям и вряд ли могут быть приняты в чистом виде. Особенно остро либеральная идеология оценивается со стороны православной общественности. Не отрицая жизненного потенциала либеральных идей, и говоря о непредпочтительности для РПЦ любой политической парадигмы государства, патриарх Кирилл ставит «фундаментальную мировоззренческую проблему соотношения традиционных и либеральных ценностей» [2. С. 446].

Отечественный либерализм не является прямым копированием западных форм и имеет свои национальные черты. В то же время русский либерализм предстает как интеллектуальное течение, слабо связанное с реальной исторической ситуацией. В своем происхождении российский либерализм эклектичен и являет достаточно пеструю идейную картину с рядом общих теоретических положений, центральным из которых была индивидуалистически понимаемая свобода. Тем не менее на рубеже веков в отечественном либерализме шел процесс выявления новой генерации либералов, это была смена одной мировоззренческой системы другой. В либерализме прежнего формата «принципиально важную, системообразующую роль играли религиозные и морально-этические принципы» [3. С. 6], либерализм же нового типа более соответствовал западноевропейским моделям и понятиям о гражданском обществе и правовом государстве. Носителем нового течения в отечественном либерализме становится интеллигенция. Выразителем идеологии либералов нового типа стала партия кадетов и ее бессменный лидер П.Н. Милюков [4. С. 211].

Обзор истории кадетской партии позволяет выявить в ней три основных направления, к которым тяготели основные массы ее членов. Правое крыло, тяготеющее к идеям консервативно-монархического толка, левое крыло - тяготеющее к левым партиям и идее республики, и центр с идеей непредрешения, не решавший вопрос о форме правления принципиально, конституционная монархия или республика. Следует учитывать, что в либеральное движение кадетов в начале XX века влились новые течения разочаровавшихся в своих партиях интеллигентов. Это сделало партию кадетов в идейно-политическом плане более сложной, более разнородной социально, но и более многокрасочной, отражающей идею широкого либерального фронта, граничащей с представителями многих идейно-политических течений. Партия кадетов становилась «общенациональной либеральной партией, выражавшей интересы и чаяния формирующейся российской демократии» [5. С. 8].

Таким образом, характерной чертой либеральных идейно-теоретических установок кадетизма была широта идеалов государственного устройства, от конституционной монархии до республики. Такая установка делала партию популярной для тех, кто имел широкий спектр взглядов. Данная особенность не была случайностью, лидер кадетов П.Н. Милюков откровенно признавал, что эти вопросы были намеренно «обойдены или затушеваны в программных формулировках» [6. С. 82].

С течением времени внутри партии наблюдалась идейная эволюция, часто вызванная историческими изменениями. Так, правое крыло кадетской партии, изначально отстаивавшее конституционно-монархическую форму правления, в начале двадцатых годов XX века принимало идею диктатуры как переходной формы к новой политической системе, «демократической парламентарной монархии». А центр, не говоря уже о левом крае кадетской партии, окончательно расстается с идеей конституционной монархии, принимая уже свершившуюся республику как народный выбор. В конечном итоге П.Н. Милюков от идей разложить большевистский режим изнутри приходит к позитивным оценкам советской власти.

Тем не менее, движение кадетов не растворилось в эмигрантской массе, выдержав испытание историей на прочность, что возможно, по нашему убеждению, только при наличии крепкой

идейной основы. Такой основой можно считать главные либеральные положения кадетской партии. Впрочем, В.А. Маклаков, а вслед за ним и М. Стокдейл, называли взгляды Милюкова, главного идеолога кадетской партии, радикальными, отмечая, что «его либерализм был скорее социологическим, нежели философским, в своих основаниях» [7. С. 293]. Но такой подход не отражает взгляды П.Н. Милюкова. Идейные установки П.Н. Милюкова, а вместе с ним и кадетской партии, в которых «с наибольшей полнотой и последовательностью были выражены лучшие традиции российского либерализма» [6. С. 79-80], отстаивали идею сильного многонационального государства с гарантированными правами и свободами личности и свободой культурно-национального самоопределения.

Таким образом, отечественный либерализм кадетского типа признавал не принципиальными многие вопросы, расколовшие российское общество, и обладал весьма широкой платформой по многим пунктам. Такой подход позволял либерально мыслящей интеллигенции гармонизировать свои убеждения со стремлением к либеральным ценностям. Тем не менее, либеральная доктрина кадетов не была аморфной и ее структурирующим элементом было признание доминанты права и свободы человека.

Следующий этап в истории отечественного либерализма связан с периодом эмиграции. В среде кадетов, как и у многих отечественных мыслителей за границей, на основании нового исторического опыта наблюдался отход от предшествовавших критических взглядов на значение Русской православной церкви и веры для российского народа и государства в сторону традиции. Так, уже в 1921 г. эмигрантский Парламентский Комитет в Берлине в первом тезисе доклада Национальному комитету в Париже утверждал, что «власть не должна бояться выявить свое религиозное лицо» [8. С. 337]. Не менее актуально, что эти поиски велись с позиции либеральных взглядов. Это позволяет поставить вопрос о нарастании в среде отечественной западно-ориентированной либеральной мысли, например, в лагере кадетов, новой формы российского либерализма при стремлении наряду с основными либеральными ценностями сохранять традиционные отечественные, прежде всего религиозные ценности.

Такой подход был возможен благодаря чрезвычайно широкой платформе кадетской партии. Сам А.В. Карташев подтверждает, что именно это позволило ему, разделяя либеральные взгляды, органично связать их с церковной традицией: «Некоторая разница мировоззрений у меня по сравнению с ортодоксальным кадетизмом всегда была, и, когда я вступал в кадетскую партию, я об этом говорил лидерам партии. Например, в вопросе земельном я стою левее кадет, в вопросе национальном правее; с церковной политикой кадет я и вовсе не был тогда согласен. Но эти разногласия всегда существовали среди кадет, и для кадетской партии вовсе не являются характерными эти подробности, но общий дух либерализма, либерального устройства государства, либеральной идеологии» [9. С. 183].

Тем не менее, в науке до сих пор существует вопрос об идейной принадлежности А.В. Карташева. Прежде всего, это попытки игнорировать либеральное прошлое А.В. Карташева в биографических очерках о нем, которые не только обедняют фигуру русского мыслителя, но и затемняют его философский облик, делая неясными многие его мысли, часто искажая их прямой смысл. Подобным образом выглядит и позиция нивелирования либерального этапа творчества Карташева. Вне всякого сомнения, наследие Антона Владимировича следует рассматривать сквозь призму его эволюции, при этом либеральный этап не преодолевается, а интегрируется в творчестве мыслителя. Этого нельзя сказать о «мережковском периоде» Карташева, о котором его ученик И. Мейендорф говорил, что «о своих связях этих лет с религиозной интеллигенцией, включая особенно Д.С. Мережковского, Карташев говорил в Париже меньше, чем о своей церковной молодости» [10. С. 169]. Вытекающий отсюда вывод Мейендорфа о том, что высказывания тех лет в духе Мережковского были впоследствии преодолены Карташевым, выглядит вполне оправданным. Также выглядит искусственным предположение эпизодичности либерального периода в жизни Карташева. Действительно, на основании только внимательного прочтения биографических данных А.В. Карташева возникает недоумение, что серьезный историк и политик, у которого, по воспоминаниям его ученика еп. Кассиана (Безобразова), был единый корень и основание и «в своем служении богослова, и в своем

служении политика», который пришел в партию кадетов в возрасте 42 лет и пребывал в ней на протяжении многих лет одним из активнейших членов ЦК партии, смог не только случайно попасть в партию кадетов, но и надолго остаться в ней. П.Н. Милюков, бессменный лидер и идеолог партии кадетов, дал самый высокий отзыв членству в ней А.В. Карташева, «считая, что он принес в политику серьезность и честность стремлений, соединенных с большой наблюдательностью и правильностью понимания людей и положений» [11. С. 398]. Предположения же эпизодичности членства Карташева в партии кадетов зачастую строятся на основании оброненной в автобиографии о нем фразе - «только что завербованный в партию К.Д.» [12. С. 86]. Эта автобиография, изданная в год смерти Карташева, очевидно, написана третьими лицами и отражает их интерпретацию, а не описание своей жизни Карташевым.

Наконец, следует разобрать мнение современного автора А.Л. Золаева, который считает недоразумением «сложившийся стереотип характеристики А.В. Карташева как либерального мыслителя» [13. С. 42], категорически относя мыслителя к консервативному лагерю, отрицая даже его идейную эволюцию. Основную ошибку в либеральной идентификации А.В. Карташева А.Л. Золаев усматривает в априорном восприятии членства историка в кадетской партии.

Аргументы, которыми пользуется А.Л. Золаев, далеко не бесспорны. Так, он постулирует противоположность, «по многим параметрам», идейной канвы наследия Карташева воззрениям кадетов. И в качестве доказательства этого утверждения приводит пространный отрывок из итоговой речи А.В. Карташева на собрании Петроградского Религиозно-философского общества 28 февраля 1916 г. При этом игнорируется тот факт, что доклад был сделан в период, когда Карташев все еще находился под идейным влиянием Мережковского, хотя уже и начинал его критически переоценивать [14. С. 43-44]. Так, идею связи теократии и самодержавия мы можем найти и у Мережковского тех лет. По нашему убеждению, в приведенной цитате больше влияния Мережковского, чем консерватизма Карташева. В любом случае, категорический вывод из приведенного отрывка, что «после такого рода характеристик

идентифицировать карташевские воззрения в качестве либеральных» нельзя [13. С. 43], представляется необоснованным. Показательно, что современные представители промонархической, консервативной общественности, к которой стремится приписать Карташева А.Л. Золаев, критикуют А.В. Карташева как крайнего либерала и адепта секты «строителей общечеловеческих ценностей» [15]. Кроме того, неясно, отчего отталкивался диссертант, определяя идейное наследие Антона Владимировича исключительно в консервативном промонархическом ключе. Ведь в статье «Церковь и государство» в том же сборнике «Воссоздание Святой Руси» Карташев признается, что немыслимо возвращение старого монархического строя [16. С. 585]. Можно предположить, что точку в этом вопросе ставит сам Антон Владимирович, который на заседании Парижской группы кадетов 29 ноября 1923 г. по поводу недоумения П.П. Юренева о высказанных Карташевым в октябрьском докладе того же года идеях самодержавия, православия и народности, ответил: «...Кадетская партия всегда отличалась большой терпимостью ко взглядам своих членов и в этом отношении была наиболее широкой партией, не ставящей узких рамок. Возможно, что в вопросах тактических я и выхожу за скобки нашего кадетского идеала. Но в вопросах органических, когда я говорю об устройстве государства, о воссоздании нации, тогда я обращаюсь к общим идеям кадет и от них совершенно не отхожу. Эти идеи и идеалы суть мои идеалы, я с ними вырос, и изменять им на старости лет не могу и не стану. Некоторая разница мировоззрений у меня по сравнению с ортодоксальным кадетизмом всегда была <...> Но эти разногласия всегда существовали среди кадет, и для кадетской партии вовсе не являются характерными эти подробности, но общий дух либерализма, либерального устройства государства, либеральной идеологии. Я предан свободе, демократизму, либерализму и от них не отступлюсь. ... И я вне этого и не мыслю России как государства, какие бы при этом ни были мои религиозные идеалы. Мракобесом не был и стать им не могу» [9. С. 183]. Напомним, в это время Карташев - состоявшийся политик и ученый, находящийся уже в весьма зрелом возрасте, ему 48 лет. Можно предполагать идейную эволюцию Карташева, предполагающую варьирование мировоззрения. Идейный слом, смена

мировоззрения не только трудноосуществимы в этом возрасте, но и должны были решительно отразиться в его творчестве.

Таким образом, А.В. Карташев предстает перед нами либеральным мыслителем, но не в строго либеральной оболочке, а с неотъемлемыми и гармонично включенными консервативными элементами. Творчество такого типа, на границе разных философских и политических традиций, не редкость в русской мысли. Можно предполагать, что данный феномен и представлял трудность для идентификации А.В. Карташева, но это выделяет Антона Владимировича в разряд либеральных мыслителей, которых в отечественной литературе как современности так и в прошлом нередко именуют «либеральными консерваторами». Этот вид либерализма, не отрицая возможности преобразований окружающего мира и человека, «допускает их только при обязательном сохранении базовых ценностей» [17. С. 215].

Изучение либерального консерватизма в настоящее время активизировалось не только в академической среде, его активно используют в построении своей политической платформы и крупные отечественные политики. В частности, экс-губернатор Тверской области Дмитрий Зеленин призывает современную элиту власти «взять на вооружение идеологию либерального консерватизма» [18]. Он признает, что либерализм «дискредитирует себя, когда отрывается от национальных корней», в том числе и от традиционных конфессиональных ценностей, и утверждает жизнеспособность в современных российских условиях именно либерального консерватизма. Выводом отсюда, по нашему убеждению, следует утверждение соответствия такого либерализма национальным ценностям.

Таким образом, творчество А.В. Карташева не только составляет важную часть наследия русской мысли, но и является актуальным в современный период построения либерального общества в России. В немалой степени это касается таких вопросов как осмысление места и роли православной традиции и Русской православной церкви в жизни современного общества.

Библиографический список

1. Жуков В.Н. Рецензия на книгу: Либерализм в России. М.: ИФРАН, 1996. 451 с. // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 151-155.
2. Иларион (Алфеев), митрополит. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М.: Эксмо, 2010. 560 с.
3. Шелохаев В.В. Предисловие // Либеральное движение в России 1902-1905 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 648 с.
4. Тыркова-Вильямс А.В. Кадетская партия // Российские либералы: кадеты и октябристы: (Документы, воспоминания, публицистика). М.: РОССПЭН, 1996. С. 196-213.
5. Трагедия кадетской (конституционно-демократической) партии // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 - 1911 г. М.: Прогресс - Академия, 1994. 528 с.
6. Степанов С.А. Кадеты (Конституционно-демократическая партия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 75-84.
7. Макушин А.В. Милюков Павел Николаевич // Общественная мысль России XVIII - начала XX века: Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. С. 290-293.
8. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. - июнь 1921 г. М.: Прогресс-Академия «Российская Политическая Энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 544 с.
9. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 6. Кн. 2. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. 1923 - 1933 гг. М.: Российская Политическая Энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 560 с.
10. Мейендорф И., протоиерей. А.В. Карташев - общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. 1994. №1. С.169-173.
11. Егоров А.Н. Карташев Антон Владимирович // Российский либерализм середины XVIII - начала XX века / Отв. ред. В.В. Шелохаев: Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010 С. 397-400
12. Антощенко А.В. Национально-теократическая концепция «Святой Руси» А.В. Карташева // Трибуна русской мысли. М., 2002. № 2. С. 82-94.

13. Золаев А.В. Исторические воззрения А.В. Карташева и историография русского зарубежья: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 181 с.

14. Воронцова И.В. Участие А.В. Карташева в религиозном движении «неохристиан» и эволюция его взглядов на «историческую» Церковь (по письмам 1906-1907 годов) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви, 2006. Вып. 3 (20). С. 27-46.

15. Селин Г., священник. Самоотрицание: соблазн или добродетель? // Электронный ресурс Интернет: <http://www.blagokon.ru/digest/188/>

16. Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 592 с.

17. Пушкин С.Н., Шиманская О.К. Проблема изучения русского консерватизма в курсе «История русской философии» // Русская философия. Новые исследования и материалы. Проблемы методологии и методики: Сб. статей / Под ред. А.Ф. Замалева. СПб.: Летний сад, 2001. С. 215-221.

18. Зеленин Д.В. Либеральный консерватизм // Электронный ресурс Интернет: http://expert.ru/expert/2006/14/ideologiy_rossii_dolzhen_stat_liberalizm_78669/

Сведения об авторе

Пешков Алексей Адольфович
аспирант кафедры философии
Нижегородского государственного
педагогического университета
E-mail: alekse-peshkov@yandex.ru

УДК 17(44)

ПРОБЛЕМАТИКА РАВЕНСТВА В ФИЛОСОФИИ ЖАКА РАНСЬЕРА

Д.А. Скопин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается проблематика равенства в интерпретации французского философа Жака Рансьера. Рансьер показывает, что равенство с самого начала представлено в виде дилеммы: чтобы не превращаться в свою противоположность, равенство должно пониматься как предпосылка, а не как цель, к которой следует стремиться.

Ключевые слова: равенство, педагогика, социальные проблемы, знание, незнание.

The Problem of Equality in Jacques Rancière's Philosophy

Denis Skopin

The paper looks at the problem of equality and its interpretation by the French philosopher Jacques Rancière. According to Rancière, equality, from the beginning, exists as a dilemma and thus, to avoid any swings to its direct opposite, must never be treated as a goal but rather as a basic assumption.

Key words: equality, pedagogy, social problems, knowledge, ignorance.

Статья посвящена проблематике равенства у Жака Рансьера, который на сегодняшний день является одним из крупнейших французских философов. Мысль Рансьера вписывается во французскую традицию политической философии, и основная тема Рансьера – тема равенства.

В работе «Незнающий наставник» [1] Рансьер отправляется от опыта некоего Жозефа Жакото, который волей судьбы оказался в 20-е годы XIX в. перед необходимостью преподавать фламандским студентам, языком которых он не владел, и которые не знали его языка. Тогда он воспользовался франко-фламандским двуязычным изданием: через переводчика задал им задачу прочесть половину этой работы при помощи перевода, затем постоянно повторять прочитанное, затем бегло прочесть остальное и, наконец, изложить по-французски свои мысли по этому поводу. Оказалось, что студенты в достаточной степени овладели языком, чтобы выразиться

правильно. В действительности же Жакото ничего не передал им, никакого знания. Это означает, что не знающий может обучать другого незнающего тому, чего сам не знает (например, неграмотный человек из народа учит другого читать). Это позволяет Рансьеру сделать вывод о различии между педагогической волей и знанием. То, что обычно называют «передачей знаний», содержит в себе два отношения, которые следует различать: от воли к воле, и от ума к уму. Однако Рансьер дистанцируется от выводов, которые можно сделать из подобной констатации. Это выводы многочисленных антиавторитарных педагогов, которые пытаются освободиться от усилия воли и сосредоточиться на связи от знания к знанию. Эти педагоги построены по принципу сократовской майевтики: наставник симулирует неведение, чтобы вызвать знание. Но на деле этот подход является демонстрацией невежества ученика. Сократ не просто показывает невежество мнимых ученых, но и всякого, кого не ведёт по правильному пути наставник. Майевтика – более изощрённый, либеральный вариант традиционной педагогики, он заполняет дистанцию, отделяющую незнающего от знания. В отличие от этого Жакото пользуется усилием от воли к воле. Опыт Жакото позволяет по-новому взглянуть на саму процедуру обучения. Нормальная процедура обучения состоит в ликвидации расстояния, разделяющего учителя и ученика, путём расположения знаний в соответствии со способностями учащегося. Однако оказывается, что эта процедура отсылает к бесконечности. Чтобы понять материал, нужно объяснение; однако нужно понять само объяснение, для чего необходимо ещё одно объяснение, и так до бесконечности. Всё, что делает учитель – останавливает это бегство в бесконечность властным усилием. Жакото показывает, что практика объяснения в действительности противоположна тому, чем её принято считать: она не сокращает дистанцию, а делает её бесконечной. Интерпретация всегда начинается с объяснения факта, что не знающий не поймёт, если ему не объяснить ему его собственного неведения, его неспособности. Объяснение не уменьшает неравенства между знающими и незнающими, оно лишь подтверждает её. Ребёнок вынужден понять, что некий тип знаков остаётся непонятным, непроницаемым для него. Здесь Рансьер выделяет три черты системы: разделение между народным, эмпирическим знанием и знанием

систематическим: умственные способности разделяются на две группы; разделение между знанием, полученным через самообучение и знанием, полученным через наставников; эта система предполагает некую темпоральность: незнание ликвидируется постепенно, в порядке времени, оно предполагает некую задержку равенства, его отсрочку. Прогресс возможен только как обратная сторона отставания. Система, которая, предположительно, производит равенство, на деле воспроизводит неравенство. Равенство и неравенство предстают не как два состояния, а как две аксиомы: неравенство возможно, если только мы принимаем его, если мы признаём себя незнающими. Жакото действует наоборот: он исходит из утверждения, что незнающий наставник это тот, который не ведает неравенства. Он предполагает, что ученик знает множество вещей, что он способен к самообучению. Следует лишь заставить его соотнести, сравнить то, что он знает, и то, что он должен понять. Если ученик отказывается это делать, то лишь потому, что считает, что эти вещи ему не понять или потому, что он не хочет знать больше. Поэтому он соглашается на неравенство. Задача незнающего наставника – убедить его в обратном, приостановить действие неэгалитарной машины. На помощь такому наставнику приходит не знание, а воля. Рансьер вовсе не утверждает, что неравенство осуществляется в форме традиционных педагогик, совсем наоборот: чаще оно проходит через самые передовые педагогические технологии. Оппозиция между двумя типами обучения, считает Рансьер, прежде всего политическая. Она касается не разделения знаний на высокие и низкие, а самой идеи равенства и неравенства. Система объяснения – это система, которая производит и воспроизводит неравенство. Эта система устанавливается в начале девятнадцатого века. Её отличие от прочих неэгалитарных систем в том, что утверждение неравенства в ней не проходит через отсылку к монархическим или божественным «органическим» трансцендентностям, эта система носит имманентный характер. Вслед за эпохой революции этот проект устанавливает новые «органические» отношения между равенством и неравенством. Он позволяет видеть равенство, которое, однако, всегда предстаёт как отсроченное. Между верхним и нижним уровнем присутствует система медиации, которая устанавливает некий минимальный

уровень общих верований и возможностей взаимоперемещения. Программа «народного просвещения» вписывается в этот проект, проходя, в том числе, через разного рода благотворительные инициативы. Таким образом, народ получает некий минимум практических знаний, которые позволяют ему улучшить жизненные условия, не выходя из своего положения и не выступая против него. Цели подобного проекта можно свести к следующему: во-первых, свести на нет отсталые верования народа, мешающие прогрессу и тормозящие процесс циркулирования капиталов, и развивающие в народе чувство мести. Обеспечить минимум общих верований во избежание раскола общества на две потенциально враждебные половины. Наконец, дать возможность наиболее одарённым детям подняться к верхним слоям общества и обеспечить обновление правящих элит. Таким образом, образовательный проект - не просто проект по выработке сплоченного общества: это аллегория общества, он показывает, каким образом упразднение неравенства является воспроизводством неравенства. Причем неравенство не «прячется», оно предстаёт как нечто присутствующее на равных правах с равенством, нечто видимое [2. Р. 84-90]. Противопоставляя образовательной системе интеллектуальную эмансипацию, незнающий наставник полагает лишь одно: не существует этапов равенства, равенство существует всегда здесь и сейчас, - или его нет вовсе. Равенство – не цель для достижения, а исходная точка. Затем, само неравенство возможно лишь как следствие равенства, оно является следствием понимания.

Рансьер задаётся вопросом о соотношении социальных и педагогических проблем. С одной стороны, школу обвиняют в том, что ей не удаётся ликвидировать социальные неравенства, с другой – та самая школа предстаёт как модель эгалитарного функционирования общества. Этот вопрос обсуждается во Франции давно, с 60-х г. Здесь Рансьер выступает как критик социологии Пьера Бурдьё [3].

По Бурдьё, школа не справляется с задачей по упразднению неравенства, поскольку она не знает, как функционирует неравенство. Школа распределяет всем одно и то же знание, оставляя индивидуальным «способностям» справляться с задачей самостоятельно. Но сами способности есть не что иное, как

интериоризованная социальная привилегия. Школа не хочет этого знать. Это означает следующее: учитель не знает этого, потому что ему не хватает знания, знания, которое он может получить от социолога. Это означает, что школьное неравенство может быть исправлено путём получения учителем дополнительных знаний, путём рационализации обучения. Во второй книге Бурдьё приходит к другому выводу. Отказ знать понимается как успешная интериоризация логики системы: учитель – агент процесса распределения культурного капитала. Этот процесс является частью социальной системы, а значит, воспроизводит её недостатки [4. Р. 67-75]. Таким образом, в диагнозе Бурдьё присутствует двойственность: с одной стороны, он признаёт необходимость реформизма, с другой – признание его тщетности. Но подобная логика – есть логика самой системы, проект Бурдьё функционирует внутри неё, лишь добавляя к ней новое звено. Анализ Бурдьё имеет свой потолок: это реформизм, который лишь укрепляет, рафинирует логику системы. Реформизм обычно оборачивается упрощением школьной программы, удалением из неё великих имён: образовательный республиканский проект – не более чем образование для бедных. Он, как и традиционная педагогика, противостоит проекту интеллектуальной эмансипации Жакото. Оба берут равенство как цель, а не как предпосылку, обе проникнуты реформизмом. Реформизм – признак того, что они остаются внутри системы. Кризис – понятие, которым охотно оперируют обе стороны. Два направления соперничают между собой: социологизм требует реформы, а республиканство обвиняет реформу в том, что она главная причина кризиса. Кризис и реформа – два способа функционирования неравенства, «нормального» функционирования системы. Жакото усмотрел становление этой системы в обществе, где неравенство, классовая и иная иерархия открыто утверждалась правящими элитами. Медиационный проект только устанавливался. Сегодня ситуация иная: современные общества представляют себя как гомогенные, где функционирование товаров и благ упразднило прежние классовые разделения и подключило всех к полноценному пользованию благами. Неравенство в этих условиях всё больше имеет тенденцию к прохождению через школьную систему, где предположительно все находятся в равных условиях, речь идёт о том, что некоторым недостаёт способностей

или энергии, чтобы справиться с конкуренцией или выдержать отсрочку на пути к знанию. Школьная система должна успешно справляться с неравенствами, которые предстают как остаточные. Экономическая власть и государственное влияние здесь сведены к функциям школьной системы, предстают как зависящие от неё. Сама система предстаёт как система без наставников, которые, в худшем случае лишь предстают как лучшие системы, наиболее адаптированные к усвоению непростых знаний. Внутри системы функционируют институты, требующие новых методик и адаптации программ для их наилучшего усвоения. Система поддерживается рядом социальных институтов, в числе которых журналистика и экспертный анализ. Они обеспечивают её функционирование, непрестанно объясняя, растолковывая, почему наихудшие являются наихудшими.

Библиографический список

1. Rancière Jacques. *Le Maître ignorant. Cinq leçons sur l'émancipation intellectuelle*. Paris: Fayard, 1987; 10/18, 2004. 234 p.
2. Rancière Jacques. *La Méésentente*. Paris: Galilée, 1995. 187 p.
3. Bourdieu Pierre, Passeron Jean-Claude. *Les héritiers. Les étudiants et la culture*. Paris: Minuit, 1964. 192 p.
4. Bourdieu Pierre, Passeron Jean-Claude. *La reproduction. Eléments pour une théorie du système d'enseignement*. Paris: Minuit, 1970. 282 p.

Сведения об авторе

Скопин Денис Александрович
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и истории
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: denis.skopin@mail.ru

УДК 1:81:502

АНАЛИЗ ЭКОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БИЛИНГВОВ: К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКА НА ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

О.С. Хряпченкова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья основывается на социологическом исследовании экокультурной компетенции итальяно-немецких билингвов из автономной провинции Больцано (Италия). В результате опроса были сделаны некоторые новые выводы относительно гипотезы о влиянии языка на экологическое сознание индивидов и общества.

Ключевые слова: экология языка, экокультурная компетенция билингвов, социальная власть языка.

Analysing Bilinguals' Ecocultural Competence: On the Problem of Language Impact on Environmental Consciousness

Olga Khryapchenkova

The article analyses the results of a sociological study investigating ecocultural competence of Italian-German bilinguals from the autonomous province of Bolzano (Italy), and draws a number of new conclusions about the impact of language on the environmental consciousness of individuals and society.

Key words: ecology of language, ecocultural competence of bilinguals, social power of language.

Власть языка в социальном контексте – одна из актуальнейших тем сегодняшней философии и лингвистики, а также ряда смежных дисциплин. Язык – это «заряженное оружие», а не нейтральный инструмент, как думают многие [1. С. 45]. В рамках нашей работы мы исследуем влияние языка на экологическую культуру общества. Выбор именно экологического направления не случаен. Данная проблематика содержит ярко выраженный социальный контекст. Более того, экокультурная компетенция личности (т.е. совокупность знаний индивида об окружающей среде, его отношение к ней, уровень его экологической сознательности) является частью общекультурной компетенции, и влияние языка здесь неоспоримо [2; 3; 4]. Кроме того, уровни развития экологической культуры в различных странах хотя и обнаруживают существенные различия, все же легче поддаются

сравнению, чем соответствующие различия уровней общекультурной компетенции. Такая проекция позволяет применять сравнительный метод при анализе уровней экокультурной компетенции применительно к различным государствам. В многообразии показателей общей экологической культуры той или иной страны мы выделяем, прежде всего, экологические технологии (объективный фактор) и экокультурную компетенцию индивидов, входящих в населяющие это государство этносы (субъективный фактор). Мы считаем, что язык (разумеется, до определенной степени) способен оказывать влияние на оба элемента экологического развития. В отношении экотехнологий это происходит, прежде всего, на лексическом уровне. К примеру, в некоем языке (Я1) появляются новые слова, за которыми стоят экологические инновации, прежде не известные в данном обществе (О1). Если с этого языка на другой язык (Я2, язык-реципиент) переводится какой-либо текст, в котором встречаются данные слова, то Я2 обогащается, и у этих инноваций увеличиваются шансы на получение реалий в О2.

Однако кроме лексической (включающей как свой важный элемент многочисленные коннотации, заложенные в языке), возможны и другие варианты языковой детерминации экологической культуры общества. Речь здесь идет о структурном (прежде всего, грамматическом) и, что более важно для нашей работы, о социально-культурном аспектах. Каждый язык связан с огромным количеством социальных контекстов и ассоциаций, и именно этот – экстралингвистический – аспект зачастую определяет экокультурную компетенцию говорящих на данном языке людей. Язык как способность людей к коммуникации с себе подобными также может служить в определенной степени «экодетерминатором» [5. С. 2-3].

Данный подход к экокультурной компетенции находится в поле исследований экологической лингвистики. Учитывая разногласия в эколингвистической терминологии, следует отметить, что речь идет о подразделе «Язык и экологические проблемы» [6. С. 46]. Однако не следует забывать, что данную проблему также можно отнести к кругу социально-философских, так как проблемы экологии, с одной стороны, и власти языка, с другой, рассматриваются прежде всего в общественном контексте. Важную роль здесь играет и этнологический аспект, поскольку повышение уровня экоккультуры

общества возможно только с учетом его этнического многообразия (однообразия), менталитета и языка.

Окончательная формулировка нашей гипотезы выглядит следующим образом: *язык в социокультурном аспекте оказывает определенное влияние на экологические ориентации людей, говорящих на нем.*

Отправной точкой для нашей работы послужило исследование, проведенное в Гарвардском университете, результаты которого изложены в статье «The language of implicit preferences» [7. С. 999-1003]. Группа ученых с помощью ТПА – тестов подсознательных ассоциаций – исследовала подсознательные предпочтения билингов в Марокко и США. Исследование показало, что зачастую отношение респондентов к определенным концептам зависит от языка, на котором им предлагаются эти концепты. Результаты этого теста говорят в пользу гипотезы лингвистической относительности. По мнению А. Павленко, в отношении гипотезы Сепира-Уорфа и прикладных билингвальных исследований следует быть осторожными: возможно, что билингвы – единственные, кто напрямую может воспринимать эффекты лингвистической относительности, и, чтобы полностью понять эти эффекты, мы должны обращать больше внимания на языковые переходы. Однако не все ученые разделяют эту позицию: многие, наоборот, воспринимают билингвизм как вызов этой гипотезе, а самих билингов предлагают исключить из экспериментальных исследований с целью «устранения промежуточных переменных» [8. С. 437].

Кроме того, мы ознакомились с исследованиями подобного типа у С.М. Эрвин-Трипп, которая проводила ТАТ – тематические апперцептивные тесты – среди японско-английских и французско-английских билингов. Ответы варьировались в зависимости от языка. Эрвин-Трипп утверждает, что уникальность билингов связана не с расколом личности, а скорее с интегрированием образцов поведения из двух различных культур [9. С. 86].

Указанные работы, наряду с другими, посвященными методике проведения социологических исследований [10; 11], послужили для нас примером оформления исследования (и с содержательной, и со структурной точки зрения).

Итак, для проверки нашей гипотезы мы провели интервью с двумя респондентами, родившимися и выросшими в автономной провинции Больцано (Италия) и являющимися почти абсолютными билингвами (насколько это возможно). С помощью этого интервью мы стремились подкрепить нашу гипотезу о влиянии языка на экологическое сознание. Мы попытались выяснить, будут ли различаться ответы на одни и те же вопросы, данные одними и теми же людьми, в зависимости от языка, на котором задается вопрос, и, если да, то в какой степени. Первый респондент имеет итальяноговорящего отца и немецкоговорящую мать, а также двух сестер, с одной из которых он говорит на итальянском языке, а с другой – на немецком. Он посещал итальянскую школу и учится в немецкоязычном университете г. Грац (Австрия). Второй респондент также имеет итальяноговорящего отца и немецкоговорящую мать и является единственным ребенком в семье. Он посещал немецкоязычную школу и учился в немецкоязычном университете (г. Грац, Австрия). Мы также опросили третью респондентку, монолингва с немецкоговорящими (австрийскими) родителями, которая живет и учится в г. Грац (Австрия). Ей были заданы те же самые пары вопросов, в том же порядке, однако оба вопроса были на немецком языке. Это было сделано с целью повысить уровень объективности исследования: мы хотели проверить, будут ли различаться ответы на одни и те же вопросы, заданные с неким интервалом.

В рамках первой части интервью респондентам было задано 13 вопросов об экологии на немецком языке и те же самые вопросы на итальянском языке, причем вопросы были перемешаны так, что за каждым вопросом на немецком языке следовал вопрос на итальянском языке, не соответствующий ему по смыслу. Респондентам предлагалось ответить на каждый вопрос по 10-балльной шкале, от 0 до 10, где 0 означал наиболее отрицательный ответ, а 10 – наиболее положительный. После опроса респондент 1 указал на то, что, когда он начал отдавать себе отчет в том, что вопросы повторяются, стал более внимательным и пытался вспомнить, какой ответ дал на этот вопрос в прошлый раз. Это происходило и с другими двумя респондентами. Однако им было дано лишь небольшое количество времени для ответа на каждый

вопрос, поэтому в большинстве случаев они давали новый ответ, а не вспоминали старый. Вторая часть интервью заключалась в свободной беседе о билингвизме и экологии, в ходе которой интервьюер (автор данной статьи) достаточно часто и регулярно переключала коды (code switching), то есть меняла язык задаваемых вопросов. Респондент 2 всегда подстраивался под язык вопроса и без видимых затруднений отвечал на вопрос на том же самом языке. Смешения кодов (code mixing) в ходе интервью почти не наблюдалось. Респондент 1 продемонстрировал смешение кодов два раза: когда он начал задавать уточняющий вопрос на итальянском языке, а затем перешел на немецкий (при этом вопрос был задан на итальянском языке), а также когда ответил на вопрос, заданный по-итальянски, на немецком языке – языке предыдущего вопроса, проигнорировав, таким образом, переключение кода.

В приложении приводится таблица, содержащая заданные респондентам вопросы, переведенные на русский язык, и ответы, которые были получены от респондентов. Жирным шрифтом выделены ответы, различающиеся в зависимости от языка, на котором задан вопрос. Подчеркиванием выделены ответы, различие в которых составляет более одного пункта (2-3 пункта).

Респондент 1 в ходе интервью отметил, что, когда вопрос задавался ему на немецком языке, он автоматически ассоциировал содержание вопроса с ситуацией в Австрии, а когда тот же самый вопрос задавался на итальянском языке, - с ситуацией в Италии. При этом в некоторых случаях респондент 1 указывал на то, что Италия испытывает большую потребность в экологическом развитии, тогда как в Австрии первоочередные проблемы этого характера уже решены (по крайней мере, на его взгляд), что отразилось на некоторых его ответах. Однако это скорее коррелирует с ответами респондента 2 на вопросы 2 и 3, нежели с ответами самого респондента 1 (исключение составляет вопрос 1). Респондент 2, в свою очередь, думал о ситуации в автономной провинции Больцано, когда вопрос задавался на немецком языке, и о таковой во всей Италии, когда вопрос задавался на итальянском языке. При этом очевидно, что в северных областях Италии уровень экологического развития значительно выше, чем в южных; примерно 10 лет назад уровень экологического развития в Больцано был даже выше такового

в Граце, по оценке респондента 2. Оба двуязычных респондента сообщили, что чувствуют некую «расколотость» своей личности, в основе которой лежит наличие двух родных языков. Согласно исследователям билингвизма, об этом говорят многие опрашиваемые, однако не всегда этому следует полностью верить, так как это очень сложно доказать [9; 12. С. 108]. Оба участника воспринимают себя и мир строже и дисциплинированнее, сильнее заботятся о порядке, когда говорят на немецком языке, и становятся менее пунктуальными, более расслабленными, меньше заботятся о последствиях и подвергаются стрессу, когда говорят на итальянском. По их собственным словам, это полностью соответствует бытующим в мире стереотипам относительно итальянцев и немцев. Респондент 2 даже отмечает, что чувствует себя ближе к «себе-итальянцу», когда говорит на испанском языке, нежели когда говорит на немецком языке. Здесь стоит отметить, что, по мнению Э. Хаугена, у билингвов не существует отдельных «хранилищ» для каждого языка, и между переключением кодов элементы одного языка становятся активными, а другого – пассивными [13. С. 315].

В результате опроса респонденты не дали кардинально различающихся ответов на разных языках. Однако таблица показывает, что респондентка 3, говорящая на немецком языке, обнаруживает менее сильные различия в ответах, чем респонденты-билингвы. Особенно сильные различия демонстрирует респондент 1: он чувствует себя более ответственным в экологическом отношении, когда вопросы задаются на немецком языке. Кроме того, он воспринимает отсортированный для переработки мусор как порядок при разговоре на немецком языке и как некое отклонение от порядка при разговоре на итальянском языке. Мы предполагаем, что это может быть связано с посещением им итальяноязычной школы и немецкоязычного университета, что укрепило в нем позиции обоих языков. Однако подтвердить эту гипотезу нам не удалось. Респондент 2, в свою очередь, обнаруживает менее сильные различия в ответах. Интересно, что его ответы на вопросы 8 и 9 показывают более высокий уровень экологической сознательности в итальянском контексте в отличие от респондента 1, но различия составляют лишь 1 пункт. Точные причины этого установлены не были, однако мы предполагаем, что респондент 2 чувствует себя более экологически

сознательным «по итальянским меркам», тогда как в немецкоязычной среде уровень экосознательности в среднем выше.

Отдельно хотелось бы отметить вопрос под номером 12 об отношении к отсортированному мусору. Всем известно пристрастие немцев к порядку, особенно в том, что касается переработки отходов. Немцы воспринимают гору мусора, в которой перемешаны различные типы отходов, как отступление от закона. При этом гора отходов одного типа оценивается далеко не так негативно, потому что сортировка мусора – это своего рода восстановление порядка, утраченного потребителем в процессе использования продукта [14. С. 189]. Мы видим, что респондентка 3, говорящая на немецком языке, воспринимает отсортированные отходы как порядок, в то время как отношение к такому мусору у билингвальных респондентов различается. Респондент 1 явно более позитивно относится к нему в контексте немецкого языка, чем в контексте итальянского (разница в 3 пункта). Респондент 2 показывает противоположный результат, однако разница незначительна (1 пункт).

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Язык является фактором влияния на отношение человека к реальности.

2. Работа с респондентами-билингвами позволяет достаточно объективно рассмотреть конструирующую роль языка, потому что исследуются компетенции одной и той же личности. Таким образом, мы можем до некоторой степени снизить значение социальных факторов как независимых переменных.

3. Исследование экокультурной компетенции личности можно отнести к прикладным исследованиям по билингвизму, а также к социофилософским и лингвофилософским работам. Это открывает новые перспективы для социолингвистических экспериментов на стыке эколлингвистики и билингвального анализа, результаты которых могут быть использованы как в лингвистике, так и в культурной и социальной философии.

Мы планируем продолжить этот эксперимент и протестировать как минимум 20 двуязычных респондентов с разными языковыми парами (включающими русский, английский, немецкий, итальянский, испанский языки). Наша главная задача – выявить, как и в какой

степени язык влияет на экокультурную компетенцию личности и, таким образом, на экологическую культуру общества. Среди проблем, которые, по нашим подсчетам, возникнут в ходе осуществления этих планов, можно назвать следующие:

1. Подбор респондентов осложняется тем, что абсолютных билингов очень мало и их весьма трудно найти, особенно если исследование проводится в одном (моноязычном) городе.

2. Объективность эксперимента едва ли может быть измерена, поскольку экокультурная компетенция включает в себя слишком много субъективных факторов.

3. Тщательное проведение исследования требует существенных временных и финансовых затрат, поскольку (в идеале) необходимо составить компьютерную программу, выводящую на экран вопросы для респондентов с определенной частотой (заочное интервьюирование, например, с помощью электронной почты, невозможно, так как респонденты не должны иметь возможности вернуться к предыдущим вопросам для сравнения результатов).

Несмотря на эти сложности, мы надеемся, что продолженная работа внесет вклад в исследования по социальной власти языка, философии, эколлингвистике и феномену билингвизма.

Библиографический список

1. Mühlhäusler P. Language of Environment – Environment of Language: A Course in Ecolinguistics. Battlebridge Publications, 2003. 228 p.

2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, Универс, 1993. 656 с.

4. Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Зарубежная лингвистика. Вып. I. М.: Прогресс, 1999. С. 92-105.

5. Fill A.F. The Language Impact: Evolution – System – Discourse. London, Oakville: Equinox, 2010. 263 p.

6. Fill A. Ecolinguistics: State of the Art 1998 // The Ecolinguistics Reader. London and New York: Continuum, 2001. P. 43-53.

7. Ogunnaike O., Dunham Y., Banaji M.R. The language of implicit preferences // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. №46. P. 999–1003.
8. Pavlenko A. Bilingualism and Thought // *Handbook of Bilingualism*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 433-453.
9. Ervin-Tripp S.M. An analysis of the interaction of language, topic and listener // *American Anthropologist*. 1964. №66. P. 86-102.
10. Bailey K.D. *Methods of social research*. New York: Free Press, 1994. 592 p.
11. Groves R.M. et al. *Survey Methodology*. Hoboken: Wiley, 2004. 424 p.
12. Hamers J.F., Blanc M.H.A. *Bilinguality and Bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 324 p.
13. Haugen E. *The Ecology of Language*. Stanford University Press, California, 1972. 366 p.
14. Абрахамсон Э., Фридман Д. *Эффективный беспорядок*. М.: Эксмо, 2010. 288 с.

Приложение

Табл. 1. Ответы билингвальных и монолингвального респондентов на вопросы по экологической тематике

Вопрос (RU) — в оригинале каждый вопрос был задан на немецком (DE) и итальянском (IT) языке	Ответы респондентов					
	1, 27 лет, (DE-IT)		2, 30 лет, (DE-IT)		3, 23 года, (DE)	
	DE	IT	DE	IT	DE1	DE2
1. Насколько положительно Вы расцениваете идею рециклинга (сортировки отходов)? 0 крайне отрицательно; 10 абсолютно положительно	8	10	10	10	10	8
2. Насколько необходимым Вы видите введение урока экологии в начальной школе? 0 совершенно не обязательно; 10 крайне необходимо	10	10	8	9	10	10
3. Насколько необходимым Вы видите введение урока экологии в старших классах/вузах? 0 совершенно не обязательно; 10 крайне необходимо	10	9	5	6	8	8
4. Насколько необходимым Вы видите экологическое просвещение общества (социальную рекламу, брошюры и т. д.)? 0 излишним; 10 абсолютно необходимым	10	9	9	8	10	10

5. Насколько экологически развитой Вы считаете страну, в которой Вы родились? (речь идет об экологических технологиях) 0 вообще не развитой; 10 высокоразвитой	5	5	9	8	8	8
6. Насколько хорошо Вы относитесь к идее/концепту «общества потребления»? 0 очень хорошо; 10 очень плохо	5	5	8	8	4	4
7. Насколько регулярно и тщательно Вы сортируете мусор? 0 никогда; 10 всегда и очень тщательно	5	5	9	8	10	10
8. Как Вы оцениваете свой собственный уровень экологической сознательности? 0 очень низко; 10 крайне высоко	7	5	5	7	9	8
9. Насколько большие усилия Вы готовы приложить, чтобы улучшить экологическую ситуацию в мире? 0 никаких; 10 сделаю всё возможное	7	4	6	7	8	9
10. Как Вы оцениваете уровень экологической сознательности в Вашей семье? 0 очень низко; 10 крайне высоко	7	8	6	6	8	8
11. Как Вы оцениваете уровень экологической сознательности населения в стране, в которой Вы родились? 0 очень низко; 10 крайне высоко	5	5	3	2	7	7
12. Когда Вы видите отсортированный мусор, рассматриваете ли Вы его как порядок? 0 мусор – это в любом случае беспорядок, даже отсортированный; 10 отсортированный мусор – это порядок	0	3	3	2	0	0
13. Как Вы относитесь к биопродуктам? 0 их производство не имеет смысла; 10 они абсолютно необходимы	9	8	7	7	7	7

Сведения об авторе

Хряпченкова Ольга Сергеевна
аспирант кафедры философии, социологии и
теории социальной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: olga_xr@mail.ru

ХРОНИКА

**XV Международная научно-практическая конференция /
Школа-семинар им. Л. М. Скрелиной
«Французский язык и культура Франции в России XXI века»
27–28 сентября 2011 г.**

27-28 сентября в НГЛУ им Н.А. Добролюбова прошла XV Международная научно-практическая конференция / Школа-семинар им. Л.М. Скрелиной «Французский язык и культура Франции в России XXI века», организованная совместно с Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена при поддержке Посольства Франции в России и Почётного Консульства Французской Республики в Нижнем Новгороде. Школа профессора Л.М. Скрелиной действует с 1973 г. в форме семинаров и конференций. Первая конференция состоялась в 1983 г., а в 1991 г. — первая международная. По традиции мероприятия Школы проходят в вузах городов, связанных с деятельностью Л.М. Скрелиной и ее учеников.

Научная конференция 2011 г. прошла в НГЛУ, где Л.М. Скрелина училась и работала. В 1948 г. она поступила на факультет французского языка Горьковского (Нижегородского) государственного педагогического института иностранных языков, где сразу проявились ее незаурядные способности: Луиза Михайловна как лучшая студентка стала сталинским стипендиатом, а после окончания института была направлена в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Защитив диссертацию, Л.М. Скрелина вернулась в Горький (Нижний Новгород), где до переезда в Минск в 1963 году заведовала кафедрой французской филологии ГГПИИЯ.

Пленарное заседание, которое открыл ректор НГЛУ профессор Б.А. Жигалев, оказалось чрезвычайно информативным. Участников и гостей конференции приветствовали директор департамента внешнеэкономических и межрегиональных связей Нижнего Новгорода В.А. Соловьев и президент НГЛУ, Почетный Консул Французской Республики в Нижнем Новгороде профессор Г.П. Рябов. Наибольшее впечатление произвели доклады, представленные зав. кафедрой романской филологии РГПУ им. А.И. Герцена, профессором Л.А. Становой, зав. кафедрой франкоязычных культур МГУ им. М.В. Ломоносова, профессором Т.Ю. Загрязкиной. Не менее интересными были доклады профессора кафедры французской филологии А.Е. Бочкарева и профессора Сорбонны (Париж-4) Д. Мийе-Жерар.

Участники секций «Теоретические проблемы французской лингвистики», «История языка», «Французская литература», «Лингвострановедение и межкультурная коммуникация», «Теория и практика преподавания французского языка и культуры» продолжили работу конференции. По мнению руководителей и участников секций представленные проблемы были актуальны, вызвали интерес и живые дискуссии.

Никого не оставила равнодушным презентация коллективной монографии «Лингвистика и аксиология. Этносемиотика ценностных смыслов», представленная профессором кафедры романской филологии, зам. директора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности Л.Г. Викуловой.

В конференции приняли участие преподаватели не только высших учебных заведений, но и школ, аспиранты и студенты. География участников конференции очень широка: это страны дальнего зарубежья (Франция, Великобритания, Финляндия) и более тридцати российских городов (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Воронеж, Ярославль, Ижевск, Новосибирск, Красноярск, Якутск, Улан-Удэ, Белгород и др.) из ведущих вузов страны: МГУ им. М.В. Ломоносова, Московский городской педагогический университет, Московский государственный областной университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Северо-Восточный федеральный университет, Северный Арктический федеральный университет

Конференция была организована на спонсорские средства от компании «ВодоходЪ» и выпускников факультета французского языка.

В.Н. Бурчинский, Е.В. Васенева

Круглый стол «Религия и средства массовой информации», 15 ноября 2011 г.

15 ноября 2011 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова прошёл Круглый стол «**Религия и средства массовой информации**». Организаторами встречи выступили НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Общероссийская организация содействия защите свободы совести. В работе круглого стола приняли участие журналисты, ведущие ученые-религиоведы Москвы, Нижнего Новгорода, Иванова, Воронежа, Пензы, Тулы, Тюмени, представители органов государственной власти, представители

большинства конфессий, зарегистрированных на территории Нижегородской области, аспиранты, представители общественных организаций, студенты нижегородских вузов.

Проведение Круглого стола явилось результатом обеспокоенности и глубокого интереса академического сообщества, органов государственной власти и религиозных организаций к проблеме соотношения двух фундаментальных конституционных свобод – свободы совести и свободы слова. Основной закон нашей страны не допускает разжигания национальной и религиозной ненависти, превосходства, подчёркивая при этом свободу распространения информации. Все зарегистрированные в законном порядке на территории Российской Федерации религиозные организаций, как крупные, так и малые, располагают собственными конфессиональными информационными ресурсами: печатными СМИ, интернет-порталами и др. Это открытый источник информации, анализ которого даёт представление о жизни религиозной организации. Конфессиональные СМИ ориентированы на богословские вопросы, обсуждение внутриконфессиональных событий, в меньшей степени социальных и политических вопросов. Они имеют аудиторию, как правило, ограниченную верующими данной религиозной организации, подчеркнули участники Круглого стола. Самая широкая и разнообразная аудитория, таким образом, остаётся за светскими СМИ, которые влияют на общественный дискурс в сфере обсуждения государственно-конфессиональных отношений, истории и современного состояния религиозной жизни в России и за её пределами. Поэтому средства массовой информации располагают возможностями как моделирования конфликтных ситуаций, так и их предупреждения, всемерного содействия сохранению и укреплению межконфессионального мира и взаимодействия в разных регионах России, и моно-, и полиэтнических. Непротиворечивость свободы совести и свободы слова, отметили участники Круглого стола, может быть достигнута на основе строгого соблюдения российского законодательства, объективности, беспристрастности и отсутствия конфессиональных предпочтений, высокого профессионализма и религиозоведческой грамотности.

Целью Круглого стола стало обсуждение качества отражения в информационном пространстве религиозных процессов в нашей стране и за рубежом, преодоление нетерпимости и экстремистских тенденций, воспитание толерантности, патриотизма и высокого профессионализма научного, управленческого, журналистского сообществ и студенческой молодёжи.

Участники Круглого стола по итогам работы приняли резолюцию, в которой отмечается, что религия выполняет значимую функцию источника

смысла жизни для своих последователей, являющихся гражданами своей страны и поэтому обладающих всей полнотой прав, закреплённых в Конституции вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Среди них – право на адекватное, правдивое отражение догм, культа, социального служения в СМИ. В условиях социально-экономической нестабильности его реализация особенно актуальна, поскольку оскорбление религиозных чувств ведут к росту отчуждения от государства и общества, провоцируют появление ксенофобии и этнофобии, а, в конечном счете, религиозного экстремизма.

Органы государственной законодательной, исполнительной и судебной власти на территории Нижегородской области, стремясь к стабильности в регионе, во взаимодействии с религиозными организациями придерживаются закона и содействуют гражданам в реализации конституционных прав и свобод. Факты препятствия религиозной или социальной деятельности зарегистрированных в законном порядке религиозных организаций, преданные гласности в прессе, заявлениях и обращениях в Минюст, к Уполномоченному по правам человека, своевременно устраняются. В практику вошли встречи представителей по связям с общественностью религиозных организаций с работниками аппарата Полномочного представителя Президента в ПФО и губернатора.

Более проблемная ситуация сложилась в освещении жизни религиозных общин в СМИ. Одна из причин этого – отсутствие у журналистов достаточных религиозоведческих знаний, личная конфессиональная принадлежность, а также наличие прямого заказа от тех или иных структур. Участники Круглого стола считают, что задача СМИ – достоверное освещение как достижений, так и недостатков в деятельности любых религиозных организаций, поскольку объективность – это фактор совершенствования общественных отношений. Это согласуется с мнением Комиссии по вопросам гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ.

Участники Круглого стола отметили, что достоверная информация о религиозных организациях России способствует формированию единого социального пространства, а следовательно, гражданского общества. Поликонфессиональность не является препятствием для совместного ответа на вызовы, поставленные перед страной XXI веком. Каждая из конфессий вносит свой посильный вклад в решение общероссийских проблем. Патриотизм, государственность, добросовестный труд, приоритет духовных ценностей, сохранение культурно-национальных традиций, уважительное отношение к предшествующим поколениям, взаимопомощь,

толерантность, чувство собственного достоинства, честность, верность, доброжелательность, крепкая семья – это общие цели, на основе которых возможно сотрудничество. В то же время было отмечено, что многие журналисты не ориентируются на такие темы, ищут сенсаций, опускаются до уровня невзыскательной публики. Другую опасность представляет возможная экстремистская составляющая в религиозной жизни, замалчивание положительного для общества опыта деятельности религиозных организаций. В информационном пространстве государства не находится сколь-нибудь значимого места для религиозных меньшинств. Особенно это характерно для региональных СМИ.

В связи с этим участники Круглого стола уделили внимание тому образу верующего, который создают не только СМИ, но и современная художественная литература и кинематограф. Констатировалось существование гласных и негласных запретов в регионах в отношении неправославных СМИ. Поэтому регулярный обмен опытом работы, личное знакомство способствуют взаимопользному сотрудничеству в деле социального служения и духовного роста.

Выступавшие отмечали, что поскольку в обществе и науке наблюдается дефицит информации о деятельности религиозных организаций, необходимы более активные контакты и постоянные связи между СМИ, научным сообществом и религиозными организациями. Необходимо, избегая языка вражды, пользоваться языком закона. Целесообразно создать постоянно действующий семинар для представителей власти, журналистов и студентов соответствующих факультетов с привлечением юристов, религиоведов, лингвистов. Учитывая поликонфессиональность региона, рекомендовать ввести в государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования в качестве регионального компонента курсы религиоведения, обеспечивающие уважение к религиозным взглядам российских граждан. В региональных грантовых фондах необходимо предусмотреть поддержку актуальных религиоведческих исследований.

О.К. Шиманская

«Швейцарский проект» В НГЛУ

Уже второй раз в 2011 году в нашем университете прошли «Дни швейцарской литературы». Это результат совместного проекта НГЛУ и Посольства Швейцарской Республики, который имеет глубокие корни. Такой всплеск интереса к альпийскому государству сегодня связан прежде всего с языковым полифонизмом Швейцарии. Он не может не импонировать лингвистическому университету, в котором все три

национального языка Швейцарии успешно преподаются. Понятен также интерес к до обидного мало изученной сегодня, в наш век мультикультурализма, богатейшей культуре этого европейского государства. В рамках организованных «Дней» были представлены как признанные писатели-юбиляры, хорошо известные в Европе и в России, так и почти неизвестные в нашей стране авторы из кантона Тичино, пишущие на итальянском.

Партнерские отношения университета со швейцарскими учреждениями культуры и образования начались достаточно давно. Уже в 90-е г. переводческий факультет установил контакты с университетами Лозанны и Цюриха. В 1993 году НГЛУ посетила первая швейцарская делегация. В 2003 году в университете появилась небольшая швейцарская библиотека: посол Эрвин Хофер передал в дар более 250 книг и ряд информационных материалов, посвященных культуре, истории и политическому устройству страны.

Стараниями переводческого факультета и кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации в 2011 году сотрудничество возобновилось: НГЛУ посетили посол Швейцарии Вальтер Б. Гигер и представители фонда «Про Гельвеция». В очередной раз новейшими книжными изданиями пополнилась библиотека университета. В том же году возникла идея посвятить традиционный конкурс перевода двум швейцарским писателям – блестящему поэту, эссеисту и выдающейся личности А. Вуазару и автору романа «Comedia» Г. Шпету, «швейцарскому Оноре де Бальзаку», создавшему калейдоскоп лиц современной ему Швейцарии. Победители конкурса, студенты переводческого факультета, получили ценные подарки от первого секретаря посольства Феликса Баумана, прочитавшего также лекцию «Российско-швейцарские отношения».

Это событие произошло 17 мая в рамках первых «Дней швейцарской литературы», в программе которых были также лекция сотрудницы отдела культуры посольства г-жи Кьяры Кривелли «Современная литература Швейцарии» и прошедший 18 мая Круглый стол «Русские переводчики М. Фриша», приуроченный к столетию знаменитого швейцарского писателя (участники: А.Е. Лобков, К.В. Чайка, С.Н. Аверкина, студенты переводческого факультета).

По словам одной из самых известных исследовательниц немецкоязычной литературы Н.С. Павловой, для русского читателя творчество М. Фриша было «глотком свежего воздуха», а его знаменитая переводчица Лилана Лунгина справедливо заметила... М.Фриш стал знаменитым в нашей стране благодаря деятельности целой плеяды талантливых художественных переводчиков, составивших «русский текст

швейцарской немецкоязычной литературы» - Соломону Апту и Евгении Кацевой. Все они, рожденные в тяжелые двадцатые, были не только знатоками языка и пропагандистами современной немецкоязычной литературы, но и подлинными философами, сумевшими глубоко проникнуть в чужую культуру и сделать ее «своей», понятной отечественному читателю.

Уже осенью этого же года были организованы следующие «Дни швейцарской литературы» (27-28 октября), центральным событием которых стал визит писателя из кантона Тичино Андреа Фациоли, автора остроумных криминальных психологических романов в духе А. Кристи и Ж. Сименона. Детективные истории его романов разворачиваются на фоне прекрасных ландшафтов Тичино и других живописных областей Швейцарии. Даже для некоторых европейских читателей, в том числе и итальянцев, романы Фациоли стали настоящим открытием.

Выступления Андреа Фациоли, организованные посольством Швейцарии в рамках *Года итальянского языка в России*, прошли в Москве, Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге. В Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова писателя особенно поразил профессиональный уровень переводчиков и прекрасное знание итальянского языка студентами – участниками встречи.

В рамках проекта также состоялась лекция заместителя руководителя отдела культуры посольства Швейцарии Елены Наумовой «СМИ в Швейцарии» и круглый стол «Рецепция Фридриха Дюрренматта в Швейцарии и в России», приуроченный к 90-летию писателя. На встрече были сделаны доклады, посвященные драматургии и прозе писателя (доцент А.Е. Лобков, доцент В.В. Савина), таланту художника (доцент Т. Смирнова), постановкам его пьес в Швейцарии и России, экранизациям, переводам и исследованиям его творчества (студентка Е. Арсентьева (501 НП), доцент С.Н. Аверкина).

Впереди у НГЛУ и Посольства Швейцарской Республики большие планы: лекции, посвященные особенностям швейцарского варианта немецкого языка, Круглый стол «Ж.Ж. Руссо и Россия. К 300-летию юбилею писателя и философа», междисциплинарный семинар «А. Герцен и Швейцария», которые, без сомнения, пополнят ряды любителей швейцарской культуры в Нижнем Новгороде.

И.Ю. Зиновьева, С.Н. Аверкина

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 16

Редакторы: Л.П. Шахрова
А.О. Кузнецова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 26.12.2011

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 17

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а